

Федеральное государственное бюджетное общеобразовательное
учреждение высшего образования «Кубанский государственный
университет»

На правах рукописи

Хамраева Алена Александровна

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНТЕРТЕКСТЕМ СО СФЕРОЙ-
ИСТОЧНИКОМ «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
В ПРОПОВЕДНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ПРОТОИЕРЕЯ АНДРЕЯ
ТКАЧЕВА**

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Пономаренко Ирина Николаевна
доктор филологических наук,
доцент

Краснодар 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА	12
1.1 Подходы к изучению и определению интертекстуальности	12
1.2 Функционально-типологические характеристики интертекстуальности	19
1.3 Соотнесение понятий «интертекстуальность» и «прецедентность».....	24
1.4 Виды интертекстуальных знаков.....	32
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1	37
ГЛАВА 2. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ	39
2.1 Лингвокультурные характеристики религиозного дискурса	39
2.2 Интертекстуальность как базовая категория религиозного дискурса	50
2.3 Проповедь в религиозном дискурсе	55
2.3.1 Подходы к определению проповеди	56
2.3.2 Типологическое описание проповеди	61
2.3.3 Современная проповедь как религиозно-публицистический жанр	66
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2	72
ГЛАВА 3 ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ПРОПОВЕДНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ПРОТОИЕРЕЯ АНДРЕЯ ТКАЧЕВА	74
3.1 Источники интертекстуальности в проповедях священника А. Ткачева.....	74
3.2 Типы интертекстем в текстах проповедей священника	

А. Ткачева.....	87
3.3 Реализация интертекстем в сильных позициях текста.....	91
3.3.1 Заглавия.....	91
3.3.2 Эпиграфы.....	100
3.3.3 Начало и конец текста.....	103
3.4 Полифункциональные интертекстемы в основной части текста.....	108
3.5 Комплексный анализ интертекстуальных связей в текстах протоиерея Андрея Ткачева	123
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	140
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	146
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА.....	166
ПРИЛОЖЕНИЕ №1.....	168
ПРИЛОЖЕНИЕ №2.....	180
ПРИЛОЖЕНИЕ №3.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Особый характер развития наук гуманитарного цикла, определяющий отношения человека и общества, реализуется в новом виде научного сотворчества, которое проявляется в интеграции различных областей знаний, в том числе и междисциплинарных. Так, в современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к исследованию религиозного дискурса: анализируются художественные тексты, авторами которых являются священнослужители (В.М. Каплан, 2020; И.С. Леонов, 2019); изучается лингвокультурный типаж священника (М.М. Дунаев, 2003; О.И. Логачева, 2018; Э.Г. Манукян, 2021; А.М. Ранчин, 1997). Сферу интересов филологии дополнили исследования проповеди как типичного для священника речевого жанра (Д.И. Звездин, 2012; Т.В. Ицкович, 2007; Е.Ю. Медведев, 2017; И.А. Петрушко, 2018; О.А. Прохватилова, 2011; О.В. Саломатова, 2016; Е.Е. Сахарова, 2014; Е.И. Хазанши, Е.Н. Щукина, 2014; Т.А. Шубина, 2008 и другие). Лингвистическому осмыслению подвергаются и современные формы религиозных текстов, функционирующие в медиадискурсе (Т.В. Ицкович, 2011; А.С. Макарова, 2018; Е.С. Темботова, 2012; М.В. Шахбазян, 2013, 2022 и другие).

Направление нашего научного поиска – интертекстуальный анализ текстов современной проповеди. Бесспорно, весь православный религиозный дискурс строится вокруг Библии, толкование которой является смысловым ядром многих религиозных текстов. Как показало исследование, в современных текстах проповеднической направленности встречаются ссылки не только на Священное Писание, но и на произведения классической русской и зарубежной литературы, фрагменты кинофильмов, популярные песни и многие другие источники. Ярче всего, на наш взгляд, эта тенденция прослеживается в речи современного священника Андрея Ткачева, чьи проповеди широко распространены в социальных сетях, интернет-журналах и печатных изданиях.

В настоящее время пристальное внимание уделяется проблемам интертекстуальности и данная категория исследуется в различных сферах научного знания. Однако ученые, которые в разной мере способствовали возникновению и развитию теории интертекстуальности, высказывают неоднозначные, а порой и противоположные мнения относительно ее природы (Н.А. Кузьмина, 2007; В.П. Москвин, 2015; В.Е. Плисов, 2007; В.П. Руднев, 1999; И.П. Смирнов, 1985; Н.А. Фатеева, 2000; В.Е. Чернявская, 2009).

Понятие «интертекст», конкретной реализацией которого является интертекстема, объединяет произведения, смысл которых полностью или частично формируется посредством ссылок на другие тексты, при этом «текст» понимается в широком смысле и может иметь вербальную или невербальную форму выражения. С точки зрения теории интертекстуальности текст представляется как единое смысловое пространство, которое возможно дополнить и уточнить при помощи включения в него различных элементов иных текстов, то есть интертекстем. Важно, что новый текст находится на абсолютно ином когнитивном уровне, гораздо более сложном, чем совокупность соединенных в нем смыслов. Поэтому в настоящее время особенно актуален вопрос об интерпретации произведения.

Актуальность настоящей работы определена необходимостью исследования проблем, связанных с изучением лингвокультурного аспекта религиозной коммуникации, в том числе с выявлением источников интертекстуальности и определением функциональной нагрузки интертекстем, что в дальнейшем позволит расширить представления об интертекстуальных связях в рамках религиозного дискурса. Также актуальность обусловлена необходимостью многоаспектного лингвистического анализа современной проповеди.

Объектом диссертационной работы являются интертекстемы, апеллирующие к художественной литературе в проповеднических текстах.

Предмет исследования – особенности представления и функционирования интертекстом со сферой-источником «художественная литература» в проповедях протоиерея Андрея Ткачева.

В качестве **источников фактического материала** привлечены тексты современной проповеди, представленные в различных формах: собственно проповеди, статьи, эссе, очерки, рассказы, диалоги на встречах с прихожанами, студентами светских и религиозных вузов, учителями, то есть представителями различных слоев современного общества. Автор выбранных нами текстов – протоиерей Андрей Ткачев, священник русской православной церкви, миссионер, писатель, автор множества книг. В данной работе проанализировано более 500 текстовых единиц из 17 сборников статей и проповедей за период с 2014 по 2021 гг., общий объем которых составляет 5300 страниц.

Гипотеза исследования: классическая литература, особенно русская, значительно расширяет круг источников интертекстуальности в современном религиозном дискурсе. Включенные в проповедь интертекстемы, являясь материалом для разъяснения и распространения основ христианства, выполняют различные функции, основной из которых является толкование библейских фрагментов посредством интерпретации художественных текстов.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении и описании функционального потенциала интертекстом со сферой-источником «художественная литература» в проповеднических текстах протоиерея Андрея Ткачева.

Реализация поставленной цели предполагает последовательное решение следующих **задач:**

1) сопоставить термины «интертекстуальность» и «прецедентность», определив их объем и границы и выявив сходства и различия.

2) охарактеризовать интертекстему как показатель интертекстуальности.

3) описать специфику категории интертекстуальности в актуальном религиозном дискурсе.

4) рассмотреть современную православную проповедь как религиозно-публицистический текст.

5) классифицировать источники и виды интертекстем в проповедях священника А. Ткачева.

6) дать системное описание функциональной специфики интертекстем в проповеднических текстах о. Андрея Ткачева.

Научная новизна настоящей работы заключается в следующем: данное исследование представляет собой первый опыт изучения функционирования интертекстуальных единиц со сферой-источником «художественная литература» в текстах, представляющих особую форму синтеза религиозного и публицистического дискурсов. В исследовании установлено, что художественная литература может выступать основой интертекстуальности в современной проповеди, а интерпретация художественного произведения определяется как текстообразующая стратегия священника А. Ткачева.

Для достижения цели и решения поставленных задач на разных этапах исследования применялись следующие **методы** анализа текстового материала: метод сплошной выборки, необходимый для отбора контекстов, содержащих интертекстемы; метод количественного анализа для подсчета и систематизации источников интертекстуальности; описательный метод для обобщения и интерпретации результатов исследования; метод интертекстуального анализа для установления источников интертекстуальности, степени достоверности и особенностей трансформации включенных текстов; сопоставительный метод, позволяющий определить значение и функции аналогичных интертекстем в разных контекстах; интерпретационный метод для установления прагматических целей

включения интертекстом; метод лингвистического моделирования, дающий возможность составить схемы, которые иллюстрируют интертекстуальные связи в исследуемых текстах.

Теоретико-методологической базой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых следующих направлений:

– **теории интертекстуальности** (М.М. Бахтин, 1986; А.Н. Безруков, 2005; Е.Н. Золотухина, 2009; Ю. Кристева, 1969; Н.А. Кузьмина, В.П. Москвин, И.Н. Пономаренко, 2005; В.П. Руднев, 1999; С.И. Сметанина, 2002; И.П. Смирнов, 1985; Н.А. Фатеева, 2000; В.Е. Чернявская, 2009);

– **теории прецедентности** (С.Г. Воркачев, 2015; Л.А. Исаева, 2016; Е.Н. Золотухина, 2009; В.И. Карасик, Е.В. Бобырева, 2015; Ю.Н. Караулов, 2010; В.В. Красных, 2003; В.П. Москвин, 2015; Г.Г. Слышкин, 2000);

– **религиозного дискурса** (Е.В. Бобырева, В.И. Карасик, 2015; Е.А. Кожемякин, 2010; Т.В. Кошелева, 2008; Н.Б. Мечковская, 1998; Н.А. Сегал, 2022; Е.С. Темботова, 2012; А.В. Татаринцов, 2000);

– **языковых и риторических черт проповеди** (Д.И. Звездин, 2012; И.А. Истомина, 2013; Т.И. Ицкович, 2007; И.А. Крылова, 2005; Е.Ю. Медведев, 2017; И.А. Петрушко, 2018; О.А. Прохватилова, 2008; О.В. Саломатова, 2016; Е.Е. Сахарова, 2008);

– **гомилетики** (А. Десницкий, 2011; Ф.В. Певницкий, 1908; архиепископ Аверкий (Таушев), 2001; А. Юрьевский, 1903).

Теоретическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов и выводов для дальнейшего изучения интертекстуальности в религиозных текстах. Обзор теоретических положений, анализ эмпирического материала позволили определить перспективы дальнейших исследований в области религиозной коммуникации. В работе выявлены источники интертекстуальности, типы интертекстем, определена их функциональная нагрузка, что позволило представить интертекстуальную модель проповеди священника А. Ткачева.

Практическая значимость настоящей работы определяется возможностью применения полученных результатов в курсах риторики, теории коммуникации, методики обучения церковному красноречию. Кроме того, результаты анализа языкового материала могут быть использованы в преподавании современного русского языка, лингвистического анализа художественного текста, а в также междисциплинарном курсе литература и религия.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Интертекстуальность определяется как текстовая категория, отображающая формальное взаимодействие производного текста с исходными и обеспечивающая формирование его смысла при помощи элементов другого текста. Соотношение между понятиями «интертекстуальность» и «прецедентность» представляется в работе следующим образом: интертекстуальность – смыслообразующая категория текста, содержащего элементы других текстов, прецедентность – характеристика культурно и познавательно значимого текста, обуславливающая введение его формальных и смысловых элементов в производный текст. Репрезентантом категории интертекстуальности является интертекстема – текстовая единица, включающая прецедентный феномен в качестве отсылки к другому тексту посредством цитирования или пересказа.

2. Интертекстуальность – универсальная смыслообразующая категория текстов религиозного дискурса. Основным претекстом, стимулирующим создание новых текстов, является Священное Писание. Именно это определяет специфику религиозного дискурса, представляющего собой совокупность речевых произведений, объединенных темой веры.

3. В современной православной проповеди, активно функционирующей за пределами церкви, возможна интеграция религиозного, медийного и художественного дискурсов, свидетельством которой является включение в проповедь интертекстем со сферой-источником «художественная литература». Современная проповедь

рассматривается как религиозно-публицистический жанр, поскольку ее содержание, выбор языковых средств и воздействие на адресата определяются не только церковной, но внецерковной сферами бытования.

4. В проповедях священника А. Ткачева преобладают ссылки на сакральные, традиционные для религиозного дискурса, тексты. Среди прочих источников интертекстуальности наиболее частотны художественные тексты, входящие в школьную программу по литературе, то есть хорошо известные широкому кругу читателей и отражающие русскую национальную картину мира. Преобладающими интертекстемами являются обращения к произведениям А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского.

5. Интертекстеми со сферой-источником «художественная литература» представлены в проповедях о. Андрея в виде прецедентных имен и прецедентных высказываний в форме цитат и пересказа. В зависимости от занимаемой в тексте позиции интертекстеми выполняют различные функции. В составе заголовка они реализуют номинативную, указательную, смыслообразующую и интригующую функции; введенные в начало текста поясняют выбор темы и погружают в нее читателя. Интертекстеми, завершающие текст, подводят итог сказанному (обобщающая функция) и служат призывом к действию. В основной части текста они выполняют метафорическую (символическую), характеризующую и герменевтическую функции.

6. Особенность представления категории интертекстуальности в проповедях о. Андрея заключается в построении проповеди на основе интерпретации художественного текста. В такой проповеди фрагменты художественного произведения объяснены с точки зрения христианской веры и в сравнении с другими известными литературными произведениями. Прагматическая цель таких текстов соответствует цели классической проповеди – назиданию в вопросах духовной жизни. Вне зависимости от занимаемой в тексте позиции интертекстеми выполняют информативную,

эстетическую, воздействующую, смыслообразующую функции и служат основой для разьяснения Священного Писания и основ христианской веры.

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и проблематикой исследования. Она состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников фактического материала и приложений. Общий объем диссертации составляет 184 страницы.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были изложены автором в докладах на научных конференциях различного уровня: «Неделе славянской письменности» (Краснодар, 2014); III и VII Всероссийской научных конференциях молодых ученых «Исследовательские парадигмы в современной лингвистике (Краснодар, 2014, 2022); I, II, VII Международных научно-практических конференциях молодых ученых (докторантов, аспирантов и магистрантов) «Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития» (Краснодар, 2016, 2017, 2022); VIII и IX Всероссийских научных конференциях «Континуальность и дискретность в языке и речи»; VI и VII Международных симпозиумах «Русский язык в поликультурном мире» (Симферополь, 2022, 2023); III Международной научно-практической конференции «Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования» (Астрахань, 2023).

По теме исследования опубликовано 14 научных работ, в том числе 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Глава 1 КАТЕГОРИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА

1.1 Подходы к изучению и определению интертекстуальности

Изучению феномена интертекстуальности посвящены работы многих отечественных и зарубежных исследователей: М.М. Бахтина, Ю. Кристевой, Ж. Дерриды, Ж. Женетт, Н.А. Кузьминой, В.П. Москвина, В.И. Карасика, Е.В. Бобыревой, Е.Н. Золотухиной, А.Н. Безрукова, И.П. Смирнова, С.И. Сметаниной, А.В. Богатырева, В.Е. Чернявской, В.Е. Плисова, К.М. Шилихиной и многих других.

Историю изучения интертекстуальности традиционно отсчитывают с появления концепции «полифонического романа» М.М. Бахтина. Именно этот ученый предложил определение интертекстуальности с опорой на сверткстовый характер слов. Исследователь утверждал, что каждое слово способно выходить за пределы текста, при этом, развивая данную идею, подчеркивал, что любое понимание текста представляет собой взаимодействие данного текста с другими текстами. Рассуждая о полифонии текстов, ученый пришел к выводу, что только в точке соприкосновения текстов «вспыхивает свет, освещающий и назад, и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» [Бахтин, 1986, с. 421]. Согласно этой точке зрения, все тексты мировой культуры связаны между собой интертекстуальными связями, именно они определяют вписанность текста в литературную традицию и культурный контекст.

Термин «интертекстуальность» в научный оборот вводит Ю. Кристева. На основе анализа теории М.М. Бахтина исследователь создает теорию, в рамках которой интертекстуальность рассматривается как универсальное свойство всех текстов и интерпретируется как «текстуальная

интеракция, которая происходит внутри отдельного текста» [Kristeva, 1969, с. 8].

Е.Н. Золотухина [Золотухина, 2008, с. 44], исследуя многочисленные аспекты изучения интертекстуальности, сводит их к двум подходам: широкому и узкому. Широкий опирается на традиционную теорию М.М. Бахтина, согласно которой один текст не может существовать в отрыве от других текстов. При таком подходе вся человеческая культура осмысливается как интертекст, а под текстом в таком случае понимаются не только вербальные системы, но и зрительные, музыкальные и аудиовизуальные произведения. Узкий же подход заключается в нахождении в конкретном тексте показателей интертекстуальности – единиц, которые отображают присутствие чужого слова. Этот аспект связан также с установлением источников интертекстуальности и определением функциональной нагрузки интертекстуальных маркеров.

Н.А. Кузьмина в исследованиях, посвященных роли интертекста в эволюции поэтического языка, приводит множество определений интертекстуальности в разных аспектах, при этом сама придерживается следующего: интертекстуальность представляет собой онтологическое свойство каждого текста (прежде всего художественного), встраивающее его в процесс литературной эволюции. Таким образом, интертекст видится исследователю как «объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени» [Кузьмина, 2007, с. 20–25].

Некоторые лингвисты полагают, что интертекстуальность напрямую зависит от взаимодействия читателя с текстом. Так, по мнению немецкого исследователя С. Хольтуиса, несмотря на заданность интертекстуальных связей в тексте, реализоваться они могут исключительно в контексте их восприятия адресатом. Чтобы состоялся диалог между текстами, необходимо, чтобы читатель узнал их и установил связи между ними [Holthuis, 1993, с.

32]. Таким образом, интертекстуальность может быть реализована как определенный творческий коммуникативный процесс, при котором автор намеренно вводит формальные и смысловые элементы первичного (-ых) текста (-ов) и надеется на их распознавание и понимание целей их включения читателем, поскольку это существенно для понимания смысла всего произведения или его частей. Важно подчеркнуть, что это становится возможным при наличии определенной суммы фоновых знаний адресата, своего рода «словарь усвоенных текстов» [Толочин, 1996, с. 61]. В зависимости от степени подготовленности соответствия адресата автор определенным образом маркирует текстовые вкрапления или оставляет их без соответствующей маркировки.

Среди ученых существуют различные мнения относительно доминирующей сферы функционирования интертекстуальности. Обратимся к наиболее показательным точкам зрения:

1) Интертекстуальность как особенность прежде всего художественных текстов (Фатеева, 2000; Красных, 2003; Кузьмина 2009, Васильева, 2015 и др.);

2) Интертекстуальность как обязательная составляющая научных текстов (Михайлова 1999; Чернявская 2009);

3) Интертекстуальность как ключевая составляющая медиатекстов (Сметанина, 2002; Аникина 2006; Золотухина 2009);

4) Интертекстуальность как свойство религиозного дискурса (Бобырева, Карасик, 2015, Темботова, 2012, Кошелева, 2018; Прохвятилова, 2006);

5) Интертекстуальность как взаимодействие вербально выраженных текстов с текстами, относящимися к другим семиотическим системам.

В современной лингвистической науке существует множество определений феномена интертекстуальности. Рассмотрим некоторые из них.

В работах И.П. Смирнова интертекстуальность рассматривается как «способность произведения частично или полностью формировать свой смысл при помощи отсылок к другим текстам» [Смирнов, 1985, с. 12]. Действительно, элементы чужой речи содержат информацию, которая соответствует замыслу автора, чужое слово, таким образом, становится способом выражения авторской мысли.

А.Н. Безруков считает интертекстуальность основной текстопорождающей и смыслообразующей категорией [Безруков, 2005, с. 3], которая выражается в диалогическом взаимодействии текстов и в плане и содержания, и в плане выражения. Это взаимодействие осуществляется как на уровне целого текста, так и отдельных его смысловых и формальных элементов разного уровня и объема.

По утверждению Э.М. Аникиной, основной характерной чертой интертекстуальных вкраплений, которые являются свидетельством связи производного текста с исходным (-и) текстом (-ами), культурным или историческим событием, является «ассоциативность» [Аникина, 2006, с. 19].

Схожим образом понимает интертекстуальность В.П. Москвин, обозначая данный феномен как ассоциативное взаимодействие ряда текстов, при этом отрицая «экстратекстуальные» связи текста (исторический контекст, явления действительности) и подчеркивая, что это не текст, не жанр, не совокупность текстов, отразившихся в произведении. Интертекстуальность не ограничивается двумя текстами, подразумевает взаимодействие любого количества текстов [Москвин, 2015, с. 54].

Так, по мнению В.П. Москвина, интертекстуальность – ретроспективная категория, поскольку интертекстуальная речь обращена к текстам прошлого, к речевой диахронии. Исследователь уточняет неправомерность отнесения интертекстуальности к приемам, поскольку ее следует характеризовать как ассоциативную базу, включающую в себя большое разнообразие приемов аллюзии, аппликации, парафраза и многих других фигур интертекста. При этом немаловажным исследователю

представляется тот факт, что все перечисленные фигуры интертекста далеко не всегда имеют двусмысленный характер, а значит, не могут быть совместимы ни с одной из интерпретаций тропа [Москвин, 2015, с. 17].

Можно считать, что такому пониманию противоположны определения исследователей, считающих интертекстуальность «литературным приемом» [Ржанская, 2002, с. 539], «тропом или стилистической фигурой» [Фатеева, 2000, с. 35], «способом построения текста» [Руднев, 1999, с. 113].

Интертекстуальность признается одним из основополагающих и принципиальных признаков и ключевых понятий постмодернистского дискурса и выражается в форме цитат, аллюзий, пародий, в полистилистике, а также особых взаимоотношениях автора с читателем, читателя с текстом и автора с текстом. В этом случае любой текст видится как мозаика цитаций, результат накопления и переработки других текстов и смыслов.

Еще одним важным понятием постмодернистского направления является цитатное мышление. Произведение одного автора при этом всегда представляет собой «коллективное произведение», что, бесспорно, соответствует стилистике постмодерна, где через хаотичное использование цитат транслируется авторское ощущение «космического хаоса» [Hassan, цит. по: Ильин, 2001, с. 336].

Интертекстуальность реализуется в особом положении слова. С одной стороны оно принадлежит автору и читателю (по горизонтальной оси), с другой соотносится с другими, ранее созданными текстами (вертикальная ось). При этом во время прочтения / прослушивания нового текста оси «автор – читатель» и «текст – контекст» совпадают: каждый текст – это такое взаимодействие двух текстов, при котором есть возможность прочесть как минимум еще один текст [Kristeva, 1969, с. 429]. Постмодернистское произведение, обладающее открытой структурой, предполагает диалогичность и игру. Текст, а возможно, и сам автор, который также

является текстом, вступает в диалог с читателем и другими, предшествующими текстами.

Таким образом, два (и более) текста, отделенные друг от друга во времени и пространстве, устанавливают диалогические отношения при взаимном пересечении тем.

Необходимо подчеркнуть, что диалог между текстами имеет определенные границы, которые охватывают следующие ключевые виды и жанры текстов:

- трансляция из одного художественного текста в другой художественный текст;
- трансляция из художественного текста в публицистический текст;
- трансляция из устного (фразы известных в определенном сообществе личностей прошлого или настоящего) текста в публицистический текст;
- трансляция из устного текста в устный текст;
- трансляция из публицистического текста в устный текст.

С.И. Сметанина [Сметанина, 2002, с. 92] рассматривает интертекстуальность с позиций постмодернизма как «особый вид повествовательной техники, предназначенной для «фрагментированного» дискурса, то есть, фрагментированности повествования. Интертекстуальные единицы в таком случае служат способом выражения эмоциональной, чувственной реакции автора на реалии окружающего мира.

Н.А. Фатеева так же, как многие другие исследователи, рассматривает интертекстуальность как прием построения в первую очередь постмодернистского текста и считает ее «способом генезиса собственного текста и постулирования собственного «Я» через сложную систему отношений оппозиции, идентификации и маскировки с текстами других авторов» [Фатеева, 2000, с. 20].

Схожим образом определяет интертекстуальность В.П. Руднев, по мнению которого интертекстуальность может быть рассмотрена, с одной

стороны, как вид, с другой, – как способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма. Суть интертекстуальности, по мысли ученого, представляется в том, что всякий текст вступает в диалог с другими, ранее созданными, текстам посредством цитат, аллюзий и реминисценций [Руднев, 1999, с. 113]. Цитата в таком случае является не просто носителем дополнительной информации, отсылки к другому тексту, но становится залогом генерирования смысла текста. Интертекст, таким образом, представляет собой особый способ организации информации, при котором создается многомерное текстовое поле, состоящее из системы семантически тесно связанных между собой и подчиняющихся основному тексту субтекстов.

На наш взгляд, интертекстуальность является не только удобным способом передачи информации, но и результатом более глубокого осмысления возможностей языка, который посредством широкого спектра образных средств реализует не только и не столько номинативную, информативную и эстетическую функции, сколько функцию воздействия, становясь универсальным источником манипулирования массовым адресатом.

В современной лингвистической науке существует большое количество подходов к изучению феномена интертекстуальности. Этим объясняется многообразие определений данного феномена и мнений относительно его природы. Исследователи называют интертекстуальность свойством, категорией, повествовательной техникой или приемом. Несмотря на множество подходов, прослеживается инвариантная основа определений: интертекстуальность характеризуется как связь (ассоциативная, структурная или содержательная) между двумя или более текстами. Мы принимаем определение, согласно которому интертекстуальность – это категория текста, отображающая формальное и смысловое взаимодействие одного текста (претекста) с другими, и обеспечивающей формирование и расширение его смыслов при помощи элементов исходных текстов.

1.2 Функционально-типологические характеристики интертекстуальности

Несмотря на большое количество определений интертекстуальности, инвариантным является положение о том, что интертекстуальность отражает некое взаимодействие двух или более текстов. Бесспорно, в зависимости от ряда причин: видов и типов текста, прагматических целей включения инотекстовых элементов, типа дискурса, в котором функционирует текст – характер взаимодействия текстов будет неодинаковым. В соответствии с этим встает вопрос о типологическом описании интертекстуальных связей. В зависимости от исследовательского подхода ученые предлагают классификации видов интертекстуальности на разных основаниях.

Так, Ж. Женет предлагает следующую типологию видов интертекстуальности [Цит. по: Фатеева, 2000, с. 119]:

1. Собственно *интертекстуальность* – присутствие в одном произведении двух или более текстов в различных формах;
2. *Паратекстуальность* – отношение текста к своему заголовку, эпиграфу и послесловию, или эпилогу;
3. *Метатекстуальность* – критическая или комментирующая ссылка на первичный текст;
4. *Гипертекстуальность* – «отделение» производного текста от исходного;
5. *Архитекстуальность* – отнесенность текста к определенному жанру или стилю.

Н.А. Фатеева [Фатеева, 2000, с. 120–159], основываясь на типологии Ж. Женетт, предлагает классификацию, сочетающую в себе виды межтекстовых взаимодействий и формы их выражения:

1. Собственно интертекстуальность:

а) цитата – воспроизведение двух или более элементов исходного текста с собственной предикацией. Различаются цитаты с атрибуцией и без атрибуции;

б) аллюзия – заимствование некоторых компонентов текста-донора, по которым осуществляется его узнавание во вторичном тексте. Выделяются атрибутированные и неатрибутированные аллюзии;

в) центонные тексты – тексты, представляющие собой комплекс аллюзий и цитат, в которых создан сложный иносказательный язык, внутри которого семантические связи определяются литературными ассоциациями.

2. Паратекстуальность:

а) цитаты-заглавия – заголовок, выступающий как цитата в чужом тексте;

б) эпиграф – цитата, находящаяся после заголовка, перед текстом.

3. Метатекстуальность как пересказ и комментирующая ссылка на исходный текст, образующая конструкцию «текст о тексте»:

а) интертекст-пересказ – трансформация формы исходного текста;

б) вариации на тему претекста – фрагменты исходного текста становятся импульсом развертывания нового текста;

в) дописывание чужого текста – продолжение сюжета текста-реципиента; перенесение его героев, композиции и стиля изложения в новый контекст;

г) языковая игра с претекстами.

4. Гипертекстуальность.

5. Архитекстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов.

6. Иные модели и случаи интертекстуальности:

а) интертекст как троп или стилистическая фигура;

б) интермедиальные тропы и стилистические фигуры, в основе образности которых лежат переносы, базой которых служит сравнение изобразительных средств разных искусств;

в) звуко-слоговой и морфемный типы интертекста;

г) заимствование приема построения стихотворной строки или целого текста.

7. Поэтическая парадигма.

В.П. Москвин приводит расширенную классификацию типов интертекстуальности по нескольким основаниям:

по семиотическому признаку:

1 «материальная интертекстуальность» – заимствование элементов плана выражения текста;

2 «тематическая интертекстуальность» – заимствование элементов содержания текста: мотивы, сюжеты образы.

По цели адресанта:

1 риторическая интертекстуальность, или «риторическая стратегия», которая вводится с эстетическими, эристическими или иными целями;

2 спонтанная интертекстуальность, которая не поддерживается специальными приемами и средствами, и возникает в результате перевода, новой редакции сокращения, адаптации и т.п.;

3 криптофорная интертекстуальность, имеющая место, когда автор стремится скрыть связь с исходным текстом, то есть в случае плагиата.

Рассматривая структурные типы интертекстуальности, В.П. Москвин отмечает, что интертекстуальность зачастую представляет собой либо «абсорбацию», либо смысловую переработку чужого текста, также подчеркивает, что она связана с перетасовкой цитат или же с производностью одного текста от другого. Опираясь на эту точку зрения исследователь выделяет два типа межтекстовых отношений:

1 «донор → реципиент» – исходный текст и выдержка из него связаны отношениями «целое – часть» – парциальный тип интертекстуальности;

2 «производящий текст → производный текст» – производный текст подражает признакам производящего текста – мимитический тип интертекстуальности. В таком случае производящий текст В.П. Москвин

называет первичным, а производный – вторичным. Ж. Женет подобные тексты называет гипотекстом и гипертекстом соответственно [Gennete, 1982, 14].

Итак, основания для выделения типов интертекстуальности различны: вид межтекстовых отношений (Ж.Женет), межтекстовые отношения и их формальное проявление (Н.А. Фатеева), семиотический признак, цель адресата, структура (В.П. Москвин). Рассмотренные классификации свидетельствуют о сложности и неоднородности категории интертекстуальности, неоднозначности ее проявления в тексте. Кроме того, очевидно, что данная категория вызывает среди ученых интерес к ее исследованию.

Естественно, что приведенные разнообразные типы интертекстуальности по-разному выражены в текстах и соответственно выполняют различные функции. По мнению А.Н. Безрукова, функционирование интертекстуальных единиц зависит в том числе и от причин и целей заимствования прецедентных текстов, от контекста, ситуативной раскладки и намерений автора [Безруков, 2018, с. 11] и выделяет следующие функции: смыслообразующую, информативную, текстообразующую, ассоциативную, референционную, характеризующую, оценочную, образную; символическую, или метафорическую, стилиобразующую, этикетную, декоративную, или эстетическую. В каждом конкретном тексте количество и качество выполняемых интертекстуальных функций может варьироваться и уточняться.

Е.Н. Золотухина, исследуя интертекстуальность в публицистике, выделяет иной набор функций интертекстем, реализующихся в форме аллюзии на примере текстов медиа-дискурса:

1 референциальная – обращение к первичному тексту за дополнительной информацией:

а) номинативная – сообщение темы (отмечается в заголовках);

б) информативная – способность выражения информации в пределах одного высказывания;

в) эксплантивная – пояснение информации, содержащейся в тексте;

г) композиционная – аллюзия является смысловым ядром всего текста;

2 референциальная – обращение к первичному тексту за дополнительной информацией:

а) номинативная – сообщение темы (отмечается в заголовках);

б) информативная – способность выражения информации в пределах одного высказывания;

в) эксплантивная – пояснение информации, содержащейся в тексте;

г) композиционная – аллюзия является смысловым ядром всего текста;

д) обобщающая – аллюзия подводит итог сказанному;

3 оценочная – выражение авторского отношения к сообщаемой информации:

а) выражение согласия, прямого или непрямого;

б) выражение несогласия;

4 директивная функция – побуждение адресата к действию или к бездействию;

5 функция транслирования культуры – аллюзия отражает особенности мировоззрения носителей языка, обусловленные национальной культурой;

6 игровая / смеховая – аллюзия как средство создания языковой игры;

7 экспрессивная / декоративная – привлекающая внимание читателя

[Золотухина, 2008, с. 45–46].

И.П. Смирнов [Смирнов, 1985] выделяет универсальные функции, присущие, по его мнению, категории интертекстуальности в любом виде текста:

1 информативная – чужое слово сообщает адресату некую объективную или модальную информацию;

- 2 авторской оценки – при помощи цитаты автор выражает оценку сказанному;
- 3 манипулирующая – введение в текст цитаты в качестве аргумента к тезису;
- 4 активизирующая внимание – при помощи цитаты автор акцентирует внимание читателя на значимых фрагментах текста;
- 5 декодирующая – цитата помогает автору раскрыть, уточнить смысл собственных слов.

Соглашаясь с И.П. Смирновым, среди многообразия описанных исследователями функций основными и универсальными считаем информативную, референционную, оценочную, декоративную. В зависимости от типа текста, цели адресанта, формы заимствования, сферы функционирования, а также иных, нелингвистических факторов, функции интертекстуальности могут варьироваться и уточняться.

1.3 Соотнесение понятий «интертекстуальность» и «прецедентность»

Близким к феномену интертекстуальности является понятие прецедентности. Изучению прецедентных феноменов посвящены исследования Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, Г.Г. Слышкина, В.П. Москвина, В.И. Карасика, Е.В. Бобыревой, С.Г. Воркачева, И.В. Захаренко и многих других.

По мнению В.П. Москвина, понимание категории интертекстуальности «невозможно без обращения к прецедентным текстам, послужившим для нее источниками или моделями» [Москвин, 2015, с. 17], поскольку интертекстуальность – «ретроспективная категория», ведь интертекстуальная речь обращена к текстам прошлого, то есть к истории, речевой диахронии.

Как отмечает Г.Г. Слышкин, наблюдаемая «вспышка» интереса к изучению прецедентности определяется чутким отношением лингвистической науки к изменениям в дискурсивном поведении социума. [Слышкин, 2000, с. 25].

Так, по мнению С.Г. Воркачева, интертекстуальность и прецедентность, с одной стороны, являются терминами-синонимами, обозначающими «отношения между, как минимум двумя культурно значимыми явлениями, отраженными в сознании, одно из которых предшествует другому» [Воркачев, 2015, с. 57]. В то же время отличие между этими понятиями заключается в векторе исследования: изучая интертекстуальность, лингвисты вычленяют чужое слово (цитату) в составе производного текста, исследование феномена прецедентности, направлено от прецедентного текста (пре-текста, или исходного) к новому.

Н.А. Кудрина наблюдает сближение и взаимопроникновение теорий прецедентности и интертекстуальности, дающее как положительные результаты, так и приводящие к терминологической путанице. Отношения между данями явлениями исследователь четко определяет следующим образом: «Обращение к прецедентным текстам, неизбежное в процессе создания новых текстов, приводит к интертекстуальности последних, но это не означает справедливости обратного утверждения, то есть того, что интертекстуальность всегда создается только за счет «переклички» с прецедентными текстами» [Кудрина, 2005, с. 5].

Е.Н. Золотухина определяет прецедентность как «категорию интертекстуальности, характеризующуюся наличием в когнитивной базе носителя языка актуальных, всем хорошо известных текстов, выражений, собственных имен, слов, обращение к которым постоянно возобновляется» [Золотухина, 2009, с. 45]. Именно прецедентные феномены становятся необходимой базой для возникновения интертекстуальности.

Таким образом, лингвисты признают близость и взаимопроникновение понятий «интертекстуальность» и «прецедентность», а

также отмечают неизбежное обращение к изучению взаимодействия этих категорий в процессе исследования явления «текст в тексте».

Понятие прецедентного текста использовалось начиная с XVI в. в христианской экзегезе в следующих значениях: 1) «исходный текст» – оригинал, переведенный на латынь; 2) «пре-текст» – текст, из которого извлечены цитаты, аллюзии. С течением времени, значение термина, несомненно, претерпело изменения и сегодняшнее его понимание отличается от первоначального.

Известно, что термин «прецедентный текст» в современный научный лингвистический обиход ввел в Ю.Н. Караулов. Ученый характеризует прецедентные тексты как «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2010, с. 105].

В понимании В.П. Москвина прецедентным является «текст, предшествующий актуальной письменной деятельности автора и определяющий его мотивацию и ориентацию», то есть текст, «служащий ассоциативной опорой для понимания интертекстуально обогащенной речи» [Москвин, 2015, с. 17].

Ученый также применяет термины «пре-текст» как сокращение от «прецедентный текст» и «предтекст», или «предконтекст» как предшествующий контекст. Опору на предтекст В.П. Москвин называет «интратекстуальностью», или горизонтальным контекстом, опора на пре-текст – интертекстуальность, или вертикальный контекст.

Г.Г. Слышкин понимает под прецедентным текстом «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы» [Слышкин, 2000, с. 30].

В.В. Красных расширяет представление о прецедентности, определив в качестве родового понятие прецедентный феномен. Трансформируя определение Ю.Н. Караулова, исследователь наделяет прецедентные феномены следующими характеристиками:

- 1) имеют сверхличностный характер;
- 2) актуальны в когнитивном плане;
- 3) многократно повторяемы в устной и письменной речи представителей того или иного лингвокультурного сообщества.

Кроме того, по мнению исследователя, прецедентные феномены имеют такие дифференцирующие характеристики:

- 1) способность выполнять роль эталона культуры;
- 2) способность функционировать как свернутая метафора;
- 3) способность выступать как символ какого-либо феномена или ситуации [Красных, 2003, с. 170].

Согласно классификации, разработанной В.В. Красных, к прецедентным феноменам относятся *прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные тексты*.

Прецедентная ситуация – «некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу носителей языка. Обозначением ситуации могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя или не прецедентный феномен – как атрибут данной ситуации (время, место, обстановка)» [Красных, 2003, с. 170] .

Ситуация должна быть хорошо знакома носителям языка, актуальна в когнитивном плане (иметь инвариант восприятия, включая связанные с ней коннотации и атрибуты), апелляции к ней должны быть частотны в рамках лингвокультурного сообщества [Красных, 2003, с. 183]. Приобретая статус прецедентной, ситуация становится эталоном, символом подобных ситуаций.

Прецедентный текст – «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли) предикативная единица; сложный

знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; хорошо знакомый любому среднему члену национально-лингво-культурного сообщества» [Красных, 2003, с. 170–190].

Известно, что каждая отдельно взятая языковая личность уникальна и имеет свое собственное сознание, мышление, память, лексикон. При этом языковая личность выступает и как член определенного микро- или макросоциума (семейного, профессионального и др.), и как член лингвокультурного сообщества, владеющий неким единым для всех членов этой группы набором артефактов культуры и их символов и знаков; наконец, как представитель современного человечества и владеет общими для всех в мире людей понятиями и представлениями.

Все эти факторы позволяют исследователям выделить несколько уровней сознания человека и несколько уровней прецедентности и, в соответствии с этими уровнями, объединить прецедентные тексты в следующие группы:

Автопрецедентные – представляющие собой некоторые явления окружающего мира, связанные с индивидуальными представлениями и ассоциациями и обладающие особым когнитивным, эмоциональным и ценностным значением для каждой языковой личности.

Социумнопрецедентные – тексты, которые известны большинству представителей определенного сообщества и входят в коллективное познавательное пространство.

Национально-прецедентные – тексты, известные каждому представителю того или иного национального лингвокультурного сообщества.

Универсально-прецедентные – известные каждому современному человеку и входящие в универсальное познавательное пространство всего человечества.

По мнению Ю.Н. Караулова, русский национальный корпус прецедентных текстов формируется в первую очередь из фольклорных и

авторских произведений русской, советской и зарубежной классики [Караулов, 2010, с. 106]. Однако прецедентность характерна не только художественным произведениям. Справедливо отметить и тот факт, что далеко не каждому художественному произведению свойственна прецедентность.

Использование в речи прецедентных текстов – маркер лингвокультурного уровня языковой личности. Известно, что важным аспектом характеристики языковой личности является ее коммуникативная компетенция, обусловленная суммой социальных и национально-культурных ценностей и детерминирующая одобряемые социумом форму и содержание речи.

Прецедентное имя – «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом или с ситуацией, сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно носителю данного имени собственного, а к набору дифференциальных признаков обозначенного прецедентного имени» [Красных, 2003, с. 170]. Имя может состоять как из одного, так и из нескольких компонентов, включающих фамилию, отчество, прозвище.

В отличие от личного имени собственного, прецедентное имя обладает особой когнитивной структурой, в которую входят его отличительные признаки: характер, внешность, стиль поведения и прецедентная ситуация, в которой носитель этого имени проявил себя таким образом, что стал символом этой ситуации. Кроме того, в структуру прецедентного имени входят также его «атрибуты» – предметы, сопровождающие носителя имени: одежда, предметы быта. Имена собственные при этом реализуют свой выразительный потенциал не в идентифицирующей, а в характеризующей функции.

Прецедентное высказывание – «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной. Это сложный знак, сумма

значений компонентов которого не равна его смыслу» [Красных, 2003, с. 172–173]. В когнитивную базу носителей языка входит прецедентное высказывание в сумме с его значениями (смыслами). Этот комплекс включает в себя известные фразы из разного рода текстов, а также пословицы, поговорки и афоризмы. Прецедентные высказывания многократно и регулярно воспроизводятся в речи носителей русского лингвокультурного сообщества.

За прецедентным высказыванием всегда стоит прецедентный текст или ситуация, играющие ключевую роль в формировании смысла высказывания [Захаренко, 1997]. Поэтому, по мнению Е.В. Бобыревой, Д.И. Карасика, «прецедентное высказывание, в отличие от фразеологизма, перестает быть единицей языка и становится единицей дискурса» [Бобырева, Карасик, 2015, с. 267].

Перечисленные виды прецедентных феноменов, по мнению О.П. Семенец, в сознании носителей языка представлены в виде готовых «интеллектуально-эмоциональных блоков», в том числе эмоционально-оценочных стереотипов, которые способствуют наиболее быстрой и компактной подаче информации, и ускоряют и облегчают «переключение из “фактологического” контекста мысли в “ментальный” и обратно». Будучи «механизмом свертывания, хранения и актуализации значимой культурной информации» [Семенец, 2017, с. 87], они активно используются адресантом в различных сферах общения, поскольку, с одной стороны, способствуют речевой экономии, с другой – значительно расширяют смысловое пространство текста за счет возникновения скрытой информации, отсылающей к широкому кругу фоновых знаний адресата.

Таким образом, прецедентные феномены так или иначе имеют текстовую природу, поэтому в широком смысле термины прецедентный текст и прецедентный феномен можно считать синонимичными. С другой стороны, термин прецедентный феномен представлен как родовое понятие.

Виды прецедентных феноменов можно условно разделить на две группы.

1. К вербализованным относятся прецедентные имена и прецедентные высказывания, к вербализуемым – прецедентные тексты и прецедентные ситуации.

2. Вторая группа феноменов может актуализироваться в речи за счет первой: прецедентные имена и прецедентные высказывания могут функционировать как самостоятельно, так и быть знаками прецедентных текстов и прецедентных ситуаций.

В свою очередь, прецедентная ситуация зачастую является показателем прецедентного текста и представляет собой фрагмент, определенный эпизод этого текста, или же воплощает в себе ведущую тему текста.

Г.Г. Слышкин считает прецедентные феномены полифункциональными единицы, поскольку они их можно переосмыслять и с их помощью наполнять текст новыми смысловыми элементами. [Слышкин, 2000]. Исследователь обозначает четыре основные функции: номинативную, персуазивную (убеждающую), людическую (контактоустанавливающую), парольную (распознающую «своих» и «чужих»). Главной функцией исследователь считает смыслопорождающую, поскольку главная цель включения прецедентных феноменов в новый текст – создание нового смысла.

Итак, понятия интертекстуальности и прецедентности близки и обозначают явление взаимодействия двух и более текстов. Главное отличие заключается в векторе исследования: от производного текста к исходному и от исходного к тексту-реципиенту. Прецедентные феномены служат не только производящей основой для возникновения интертекстуальности (В.П. Москвин, 2015, С.Г. Воркачев, 2015, Е.Н. Золотухина 2009), но и конкретными маркерами интертекстуальности в тексте (С.И. Сметанина, 2002).

1.4. Виды интертекстуальных знаков

Изучая категорию интертекстуальности в разных видах текста, вне зависимости от выбранного подхода, исследователи придают большое значение выявлению формальных ее показателей, конкретных знаков в тексте.

Ряд исследователей: В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко, Е.Н. Золотухина наличие текста в тексте обозначают термином «интертекстема». По определению К.П. Сидоренко, это «соотносительный компонент содержательной структуры текста – грамматической, лексической, просодической, строфической, композиционной – вовлеченный в межтекстовые связи» [Сидоренко, 2002, с. 317]. Согласно В.М. Мокиенко, *интертекстема* – единица языка, обладающая паспортизацией определенным текстовым источником (то есть, носители языка осознают авторство таких единиц); стереотипизированностью и воспроизведением в готовом виде; интертекстуальностью – то есть способностью быть строительным материалом текста, маркируя его семиотически (концептуально и символически) или стилистически [Мокиенко, 2003, с. 15].

Е.Н. Золотухина характеризует «интертекстему» как «форму выражения языковой интертекстуальности, которая намеренно (или ненамеренно) включается в дискурс субъектом речи для передачи намека на текст иного дискурса» [Золотухина, 2009, с. 8] и может быть модифицированной или немодифицированной по отношению к исходному тексту. По мнению исследователя, интертекстемы реализуются в форме цитат, аллюзий и реминисценций.

Исследователь приводит несколько определений аллюзии:

- 1) ссылку на определенный текст, упоминание имени персонажа, определенного текстового фрагмента;
- 2) отсылку к известному факту, сопровождающуюся «парадигматическим приращением метасистемы»;

3) стилистическую фигуру – намек на широко известный исторический или литературный факт;

4) заимствование некоторых единиц первичного текста, по которым осуществляется его узнавание в тексте-реципиенте;

5) разновидность реминисценции, содержащую намек.

Н.А. Фатеева определяет аллюзию как заимствование некоторых компонентов исходного текста, по которым происходит их узнавание в тексте, в который они введены. Исследователь полагает, что «аллюзию от цитаты отличает выборочное включение элементов, а целое высказывание или строка текста-донора, соотносимые с новым текстом, присутствуют в последнем как бы «за текстом» – только имплицитно» [Фатеева, 2000].

Другим маркером интертекстуальности можно считать текстовые реминисценции, апеллирующие к прецедентным текстам. Они должны отвечать следующим условиям: во-первых, автор должен осознавать факт включения им отсылки к определенному тексту, во-вторых, исходный текст должен быть хорошо знаком адресату, чтобы адресат в свою очередь был способен распознать отсылку к этому тексту, в-третьих, адресант должен быть уверен в том, что читателю знаком включаемый текст.

Реминисценция, по мнению Е.Н. Золотухиной имеет несколько значений:

1) воспоминание о художественном образе, произведении; заимствование (зачастую бессознательное) каких-либо элементов «чужого» произведения;

2) стилистический прием, заключающийся в напоминании каких-либо фрагментов художественных текстов, исторических и культурных событий, осуществляемом посредством настолько модифицированной конструкции, что узнавание источника оказывается затруднительным;

3) близкое к дословному воспроизведение фрагментов первичного текста в тексте-реципиенте.

По определению А.Е. Супруна, текстовые реминисценции – это «осознанные или неосознанные, точные или трансформированные цитаты или иного рода ссылки на известные созданные ранее произведения в составе более позднего» [Супрун, 1995, с. 17].

Как справедливо отмечает С.И. Сметанина, текстовая интертекстуальность проявляется через цитаты (введение чужих слов или целых отрывков высказывания от словосочетания до сложного синтаксического целого), аллюзии (создание историко-культурного контекста при помощи топонима, значимой даты или антропонима) и реминисценции (напоминания фразы из другого текста). Прием создания текста при помощи введения в него цитат, аллюзий и реминисценций исследователь называет «цитатным письмом».

Так, цитаты С.И. Сметанина определяет как «готовые знаки, хранящиеся в памяти человека в виде инвариантов восприятия и при необходимости используемые в той или иной ситуации», то есть приравнивает их к прецедентным феноменам. Дополняя традиционное определение прецедентных феноменов, исследователь обращает особое внимание на особый признак, определяющий их вхождение в систему языка: «полифункциональные в грамматическом и понятийном плане – нефиксированные в отношении различных морфологических категорий, объема и синтаксических позиций, потенциально многозначные по семантике» [Сметанина, 2002, с. 111–116]. Это открывает возможности для семантической, лексической и грамматической (словообразовательной, морфологической и синтаксической) трансформации цитаты в производном тексте. Такие возможности трансформации обеспечивают цитате полифункциональность, другими словами – способность многократного включения их в речь, «не только в ситуациях, аналогичных в первичном употреблении, но и во множестве других» [Там же].

В.П. Москвин показатели текстового диалога называет «инотекстемами» [Москвин, 2015, с. 213], или фигурами интертекста и выделяет среди них:

1. Цитирование – дословное воспроизведение какого-либо текста, сопровождающееся ссылкой на источник. Может приводиться по памяти, быть средством манипуляции (внеконтекстное цитирование), сопровождаться комментарием, быть приемом выразительной речи.

2. Апликация, или коммеморат – цитирование без ссылки на источник. При условии частого использования коммемораты становятся крылатыми словами. Апликация – источник номенативно-выразительных средств языка (крылатые слова) и речи (коммеморат).

3. Аллюзия – словесный намек на текст, известный адресату и выраженный при помощи отдельного слова (авторского неологизма, имени героя) или варианта слова, которые могут ассоциироваться с конкретным прецедентным текстом; ряд однословных единиц, не отражающих компонентной и грамматической структуры исходного фрагмента текста.

4. Парафраз – прием, заключающийся в изменении лексического состава устойчивого выражения, текстового фрагмента или целого текста.

Н.А. Кузьмина выделяет четыре типа интертекстуальных знаков:

- чужая речь / чужое слово;
- цитата;
- реминисценция;
- аллюзия.

Наиболее общим понятием, обозначающим присутствие текста в тексте, Н.А. Кузьмина, считает «чужое слово», введенное М.М. Бахтиным, как «высказывание другого субъекта, первоначально совершенно самостоятельное и конструктивно законченное и лежащее вне данного контекста» [Бахтин, 1986, с. 331].

Цитация трактуется Н.А. Кузьминой как «процесс энергообмена между прототекстом и метатекстом». Под прототекстом здесь понимается

тест-источник, из которого извлечена цитата, под метатекстом – производный текст, куда включена цитата. Иными словами, цитатой называется «интертекстуальный знак с высоким энергетическим потенциалом, позволяющим ему продвигаться во времени и в пространстве интертекста, накапливая культурные смыслы и тем самым увеличивая имплицитную энергию» [Кузьмина, 2007, с. 99].

Цитата определяется как «более или менее точное воспроизведение в данном контексте отрезка текста, принадлежащего другому лицу» [Шварцкопф, 1970, с. 663]. По степени точности цитате противопоставлено понятие реминисценции – «перефразировке чужого текста» [Минц, 1973, с. 393]. При этом одни исследователи считают, цитата – более широкое понятие, чем реминисценция, другие же полагают, что реминисценция – более общее понятие, включающее цитацию как частный случай [Смирнов, 1985]. Аллюзию Н.А. Кузьмина понимает исключительно как апелляцию «непосредственно к миру и его историческим, культурным или бытовым реалиям», в отличие от цитаты – единицы, относящейся к какому-либо культурно значимому тексту. [Кузьмина, 2007, с. 98].

Итак, показатели категории интертекстуальности исследователи называют интертекстемой, инотекстемой, фигурой интертекста, цитатой, реминисценцией, аллюзией, чужим словом. Мы вслед за В.П. Мокиенко, К.П. Сидоренко, Е.Н. Золотухиной маркером интертекстуальности считаем интертекстему и определяем ее как ее как текстовую единицу, включающую прецедентный феномен в качестве отсылки к другому тексту посредством цитирования или пересказа. Термины *аллюзия* и *реминисценция* не используем ввиду того, что одни и те же явления одни исследователи называют аллюзией, другие – реминисценцией.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1

В современной лингвистике многообразие мнений о природе интертекстуальности обусловлено спецификой ее проявления в разных видах текста: художественном, научном, медийном, религиозном, а также подходами к ее изучению. В широком смысле интертекстуальность охватывает все тексты мировой культуры, вписанные в литературную традицию. С этой точки зрения, интертекстуальность присуща всем без исключения текстам. В узком смысле феномен интертекстуальности сводится к поиску интертекстуальных маркеров – знаков исходного текста в производном. Интертекстуальность ученые называют способностью (И.П. Смирнов), свойством (Н.А. Кузьмина), категорией (В.П. Москвин, А.Н. Безруков, Е.С. Темботова, 2012), ассоциативной базой, (В.П. Москвин,), средством передачи информации (Э.М. Аникина), повествовательной техникой (С.И. Сметанина,), литературным приемом (В.П. Руднев, Н.А. Фатеева,). В нашем исследовании вслед за А.Н. Безруковым, Е.С. Темботовой, В.П. Москвиным интертекстуальность считаем текстовой категорией, отображающей формальное и смысловое взаимодействие одного текста (претекста) с другими и обеспечивающей формирование и расширение его смысла при помощи элементов других текстов.

Исследователи различают виды интертекстуальности, опираясь на различные основания: вид межтекстовых отношений (Ж.Женет), межтекстовые отношения и их формальное проявление (Н.А. Фатеева), семиотический признак, цель адресанта, структура (В.П. Москвин). В зависимости от вида текста, сферы его бытования, цели адресанта, формы заимствования и многих других факторов функции интертекстуальности могут варьироваться и уточняться. Основными же, вслед за И.П. Смирновым, считаем информативную, референционную, оценочную, декоративную функции.

Близкими к интертекстуальности является понятие прецедентности. В широком смысле термины прецедентный текст и прецедентный феномен синонимичны, в узком – прецедентный феномен является родовым понятием. Прецедентные имена и прецедентные высказывания могут функционировать как самостоятельно, так и быть знаками прецедентных текстов и прецедентных ситуаций. Прецедентные феномены, по принятому определению, будучи широко известными и значимыми в когнитивном плане, являясь символами и эталонами культуры, служат не только производящей базой для возникновения интертекстуальности, но и конкретными маркерами интертекстуальности в тексте (С.И. Сметанина).

Маркерами интертекстуальности также можно считать цитаты (С.И. Сметанина, В.П. Москвин, Н.А. Кузьмина), аллюзии (С.И. Сметанина, Е.Н. Золотухина, В.П. Москвин, Н.А. Кузьмина) и реминисценции (Г.Г. Слышкин, С.И. Сметанина, Е.Н. Золотухина). В качестве родового термина, объединяющего перечисленные показатели интертекстуальности, считают реминисценцию (Г.Г. Слышкин), интертекстему (В.П. Мокиенко, К.П. Сидоренко, Е.Н. Золотухина) инотекстему, или фигуру интертекста (В.П. Москвин), чужое слово (Н.А. Кузьмина). В настоящей работе в качестве рабочего термина выбираем интертекстему и определяем ее как текстовую единицу, включающую прецедентный феномен в качестве отсылки к другому тексту посредством цитирования или пересказа.

Глава 2 ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

2.1 Лингвокультурные характеристики религиозного дискурса

Современные политические, экономические, технологические и культурные трансформации, затрагивающие быт и мировоззрение каждого члена того или иного сообщества, определяют необходимость консолидирующего основания, на котором может быть построено поликультурное и поликонфессиональное государство. Таким основанием, безусловно, может стать традиционная религия, апеллирующая к традиционным ценностям и транслирующая эти ценности в общественное сознание. При этом важно подчеркнуть, что в таком государстве, как Российская Федерация, прежде всего следует говорить о религии вообще, а не о какой-то определенной конфессии, поскольку, по данным статистических источников, сегодня в России насчитывается более 10 традиционных религий, наиболее популярными среди которых являются православие, ислам и иудаизм. Так, согласно последней переписи населения, включающего 143,2 млн. человек, 58,8 млн. россиян считают себя православными, 36 млн. утверждают, что верят в Бога, но при этом не исповедуют определенную религию; 18 млн. человек считают себя атеистами. В меньшей степени на территории РФ распространены ислам, иудаизм, буддизм, католицизм, протестантизм, старообрядчество и другие мировые религии.

Приведенный выше социальный срез позволяет прийти к следующему выводу: несмотря на тот факт, что современная Россия является светским государством, религия имеет колоссальное значение и формирует систему индивидуальных и общегосударственных ценностей.

Проповедники, транслирующие идеи той или иной религии, избирают наиболее действенные языковые средства для наиболее адекватного донесения информации, и чем успешнее подобраны языковые факты, тем

выше манипулятивный потенциал текста, тем более широким будет охват целевой аудитории. В связи с этим изучение лингвокультурных особенностей религиозного дискурса является весьма актуальным.

В настоящее время термин «дискурс» сохраняет актуальность в дисциплинах гуманитарного цикла, но при этом его объем во многом не определен и не ограничен толкованием в одной плоскости. Так, дискурс определяется как «связный текст» в единстве не только лингвистических, но и экстралингвистических (прагматических, социокультурных, психологических) факторов, как «целенаправленное действие», как «актуализация ментальных процессов» [Арутюнова, 1990, 136–137].

Известно, что типологию дискурса в отечественной лингвистике разработал В.И. Карасик [Карасик, 2002]. С позиций социолингвистики выделяется два вида дискурса: персональный и институциональный (формальный, официальный). Институциональный дискурс более исторически изменчив и культурно специфичен, но основные его типы описывают социальную роль личности в конкретную эпоху.

Персональный в свою очередь делится на бытовой (неформальный, повседневный) и бытийный. К институциональным видам дискурса можно отнести следующие:

- политический;
- административный;
- юридический;
- научный;
- дипломатический;
- деловой;
- медицинский;
- военный;
- педагогический;
- рекламный;
- спортивный;

- сценический;
- информационный и многие другие.

Спецификация видов институционального дискурса основана на двух конститутивных признаках, определенных целью и составом его участников. В нашем исследовании особое значение имеет выделение религиозного дискурса в качестве особого вида институционального дискурса, в рамках которого реализуется статусно-ролевое общение.

Бытовой дискурс ограничен общением людей в личностном аспекте, в отличие от институциональных видов дискурса, где участники коммуникации объединены в определенные социумы или профессиональные сообщества, являясь продуктом различных общественных институтов с дифференциацией ролевых амплуа. Бытовой дискурс является первичным, а институциональный – вторичным, вхождение в него определяется процессом социализации, чаще всего организованной в образовательных учреждениях различных уровней.

Так, одной из разновидностей институционального дискурса является религиозный, исследование особенностей которого представляет интерес для современной лингвистики. Так, комплексное описание религиозного дискурса представлено в работах Е.В. Бобыревой, 2007, 2008, 2015; Е.А. Кожемякина, 2010; О.А. Прохвятиловой, 2006; описано взаимодействие религиозного и художественного дискурсов (Бакши, 2016; Татаринов, 2000). И.В. Бугаева [Бугаева, 2021] свидетельствует о зарождении и активном развитии лингвотеологии – междисциплинарном направлении, изучающем проблемы взаимодействия языка и религии.

По определению Е.А. Кожемякина, религиозный дискурс – это «регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и смысловоспроизводящая деятельность, направленная на формирование, трансляцию и изменение догматического мышления, сакрального мироощущения и мистического опыта» [Кожемякин, 2010, с. 32].

Исходя из положения о том, что дискурс – это сложный, многокомпонентный феномен, религиозный дискурс на наш взгляд, следует трактовать как совокупность речевых произведений, создание которых обусловлено различными аспектами религиозной жизни.

Будучи разновидностью институционального дискурса, религиозный находится в тесной взаимосвязи с другими типами дискурса. С педагогическим дискурсом религиозный роднят общая постановка цели (воспитание целостной личности) и задач, присутствие определенного ритуала (последовательности действий), некоторая театральность, а также непререкаемый авторитет адресанта. Различными представляются способы принятия информации адресатом: в религиозном дискурсе вся информация принимается на веру, в педагогическом – восприятие информации обусловлено рациональными принципами. Однако, на наш взгляд, в педагогическом дискурсе так же, как и в религиозном, присутствует некоторая степень принятия информации на веру, прежде всего в рамках гуманитарного образования, в особенности в начальных образовательных учреждениях. К тому же, не следует утверждать, что религиозному дискурсу абсолютно не свойственен рациональный подход, поскольку создание такого речевого жанра как проповедь основано на принципах построения классической риторической речи, которая в свою очередь строится по законам логики.

Научный и религиозный дискурсы противопоставлены по нескольким основаниям: способ восприятия информации (вера / доказательство), концептосфера (Бог и вера / знание и истина), цель (приобщение к вере / вывод нового знания). Тем не менее религия и наука не всегда противоречат друг другу, о чем свидетельствует вера известных ученых и философов: И. Ньютона, М.В. Ломоносова, Д.К. Максвелла, П.А. Флоренского, В.Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки, архиепископа Крымского), С.П. Королева, А.Ф. Лосева, Д.С. Лихачева и многих других.

Сходными чертами религиозного и политического дискурса являются мифологизация сознания, подкрепляемая соответствующей атрибутикой; эзотеричность (тайноречие), внушение с целью воздействия на личность. Сходство этих видов дискурса проявляется также и в наличии лидеров, объединяющих микро- и макрогруппы. В религиозном дискурсе это настоятель и его приход или ученый-богослов и его последователи, в политическом – лидер партии и ее члены, поддерживающие лидера.

Религиозный и медицинский виды дискурса объединены общим сакральным характером и наличием системы ритуальных знаков. Сакральность этих видов дискурса проявляется в следующем: как пациент не понимает, что делает врач, например, во время операции или каким образом расшифровывает анализы, так и человек, далекий от церкви, не понимает ничего в богослужении. Или же постоянный прихожанин знает богослужение, но не видит, что происходит в алтаре, и не слышит так называемых тайных молитв, которые читаются священником не вслух. В медицине есть понятие врачебной тайны, у священников присутствует тайна исповеди.

Наиболее очевидны, на наш взгляд, связи религиозного и художественного дискурса. Религиозная мысль никогда не была изолирована в русской культуре от философии, истории, педагогики и литературы. Ценность религиозных текстов как раз в том, чтобы стать духовной опорой для возвращения исторической памяти. Идея соборности, увековеченная в знаменитых словах Сергия Радонежского: «Единством и любовью спасемся», достойна того, чтобы стать народной идеей современной России.

Жесткие рамки церковных канонов раздвигаются не только под натиском актуальных социальных проблем, но и посредством расширения культурного контекста, существование которого во многом сформировано русской литературой. Религиозный дискурс непосредственно связан с художественным. Русские писатели и поэты всегда создавали произведения, в которых звучали христианские мотивы. Вспомним духовные оды

Г.Р. Державина и М.В. Ломоносова, стихи А.С. Пушкина, «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, «Очарованный странник» Н.С. Лескова, произведения Ф.М. Достоевского, «Лето Господне» И.С. Шмелева, стихи Д.М. Мережковского и многие другие произведения.

Ода Державина «Бог» – своеобразный поэтический символ веры, в котором и величие мироздания, и место человека в нем, и смирение перед создателем. Эту оду очень ценил писатель Даниил Андреев, справедливо заметивший в ней истоки русской литературы.

Н.В. Гоголь, страстно желавший в определенный период своей жизни уйти в монастырь, считал, что литература должна идти к той же цели, что и сочинения христианских мыслителей – возвышать душу, просвещать человека и вести его к совершенству. Писатель должен воевать не с человеком, а с «врагом человека» – грехом. Его «Выбранные места из переписки с друзьями» – «проповедь и исповедь», обращенная ко всей России. Писатель был уверен, что назначение искусства заключается в служении христианской вере, так как современный человек совершенно не готов к встрече с Христом. Поэтому писатель верил во всемогущество слова, в возможность словом изменить человека и привести его к Богу.

Вся русская литература, начиная с древнерусского периода, стремилась зажечь и поддержать в душе человека огонь истины. Отсюда идет признание совести мерилom всей земной жизни.

Эти несомненные связи религиозного и художественного дискурса наиболее четко прослеживаются в особых религиозно-нравственных произведениях, в которых священники напрямую обращаются к прихожанам – в проповедях, основные темы которых (например, милосердие, терпение) часто приближаются к нашей повседневной жизни через интерпретацию известных сюжетов или упоминание имен героев художественных произведений.

Многообразие функций религиозного дискурса представляет собой следующую структуру, отраженную в таблице:

Таблица «Функции религиозного дискурса»

Общие (присущие всем видам дискурса)	Частные (характерные только для религиозного дискурса)		
	регулирующие индивидуальное мировоззрение каждого члена религиозного сообщества:	регулирующие отношения внутри данной религиозной макро- и мик로그руппы:	регулирующие основные принципы существования религиозного сообщества:
<ul style="list-style-type: none"> – аппелятивная; – информативная. – коммуникативная; – репрезентативная; – фатическая; – экспрессивная (эмотивная). 	<ul style="list-style-type: none"> – призывно-побуди- тельная; – молитвенная; – прескриптивная; – инспиративная; – волюнтаристическая. 	<ul style="list-style-type: none"> – религиозной ориентации; – религиозной солидарности; – религиозной дифференциации. 	<ul style="list-style-type: none"> – распространения информации; – функция проспекции и интроспекции; – интерпретации действительности.

Функции, относящиеся ко всем типам коммуникации, имеют некоторую специфику реализации в религиозном дискурсе. Важнейшей из них считают аппелятивную, так как в большинстве религиозных жанров предполагается обращение к чувствам и человека воле (например, проповедь) либо апелляция к Божественному всемогуществу (молитва, житие). Не менее важной функцией Е.В. Бобырева считает эмотивную, или экспрессивную, поскольку в целом религиозный дискурс базируется на силе веры и эмоционально-чувственном начале [Бобырева, 2007, с.10].

Разновидности религиозного дискурса дифференцированы по степени ритуализированности. Выделяются жестко ритуализированные (богослужebные и требные), ритуализированные в меньшей степени, более свободные по форме и содержанию (проповеди и исповеди) и неритуализированные (светские тексты, касающиеся темы веры).

Рассматривая религиозный дискурс как «динамический процесс языковой деятельности в социальном контексте», можно выделить в нем несколько речевых уровней, в которых религиозная языковая личность находит свое выражение:

1. *Церковно-богослужебный* уровень в православном богослужении представлен избранными текстами Священного Писания – это преимущественно псалмы, отрывки Евангелия и апостольских посланий – и гимнографическими текстами на церковнославянском языке – это Цветная и Постная Триодь, Минея, Октоих и другие.

2. *Церковно-научный, или догматический* уровень сформирован в первую очередь трудами отцов и учителей Церкви, в которых излагаются догматы (аксиомы) христианского вероучения, и герменевтическими сочинениями: толкованиями библейских текстов, которые в основном существуют в русском переводе. Важно подчеркнуть, что этот вид текстов регулярно пополняется современными научными трудами в сфере богословия.

3. *Проповеднический* уровень представлен созданными на церковнославянском языке и используемыми в русском переводе различными типами проповедей, которые составляют исторический фонд, и современными проповедями, число которых постоянно пополняется в наши дни.

4. *Религиозно-публицистическая* модель реализуется в гибридных жанрах, традиционно относимых к публицистике: статьи, эссе, интервью, выступления на телевидении, ведение интернет-блога. Их объединяет тематическая и прагматическая религиозная направленность.

5. *Религиозно-бытовой* уровень характеризует общение между верующими, которые даже в бытовой сфере ориентированы на христианские ценности. Отметим, что данный уровень составляет не только повседневная межличностная коммуникация, но и регулярные молитвенные правила, рекомендованные для каждого христианина.

Поскольку религиозное общение выходит за пределы стен храма, в зависимости от обстоятельств и статусно-ролевых отношений его участников следует обозначить некоторые виды религиозной коммуникации:

1) *церковное общение* отличается такими характеристиками, как клишированность и ритуализованность речи, строгая иерархия ролей участников и распределение обязанностей между ними;

2) *общение в малых религиозных группах* отличается некоторой свободой и независимостью в рамках религиозных норм;

3) *индивидуальное взаимодействие человека с Богом* проявляется в молитве – той форма религиозной жизни, в которой верующий не нуждается в посредниках. Эта форма коммуникации также реализуется и в жанре исповеди, несмотря на обязательное присутствие священника.

Хотя традиционно постоянными фигурами религиозного дискурса являются священнослужители и прихожане, которые обращаются к Богу в молитвах и посредством исповеди, в состав участников религиозного дискурса исследователи включают еще адресата и адресанта религиозной коммуникации. Кроме того, по мнению Е.В. Бобыревой, разграничиваются «автор» и «адресант», «поскольку автор – Божественное начало, высшая сущность, адресант – лицо, доносящее до слушающих слово Божие» [Бобырева, 2007].

В число адресатов религиозного дискурса включены «верующие» и «неверующие», или атеисты. Верующие в свою очередь подразделяются на «воцерковленных» и «сочувствующих». Группа неверующих тоже неоднородна: она разделена на «сочувствующих» и «воинствующих» атеистов. Между верующими и неверующими можно расположить условную группу так называемых «колеблющихся» (сомневающих).

Сущность религиозного дискурса, по мнению многих исследователей [Бобырева, 2007, с. 14–16], определяется отраженной в нем системой ценностей, обусловленной верой в существование Бога-Творца, в его

всемогущество и всеведение. Эта система ценностей представляется в виде оппозиций:

1. *«Добродетель (святость) – грех»*. Добродетелью признаются все действия и намерения человека, которые совпадают с 10 заповедями, данными пророком Моисеем, 9 заповедями блаженства, данными Иисусом Христом в Нагорной проповеди. Святость признается высшей добродетелью и подразумевает под собой способность к покаянию, готовность открыто исповедовать христианство в условиях опасности, готовность принести себя в жертву ради других людей и терпеть страдания, отстаивая христианские убеждения. Грехом считаются все действия, не соответствующие указанным заповедям.

2. *«Жизнь – смерть»*. «Жизнь» представляется как кратковременный, но чрезвычайно важный отрезок вечного существования человека, во время которого решается дальнейшая судьба личности. Праведный образ жизни приводит к жизни вечной в Царстве Небесном, греховный – к вечным мукам смерти в преисподней. Отношение к физической «смерти» двоякое: с одной стороны перед ней испытывают страх, с другой воспринимают как благо, при условии, что человек жил в соответствии с божественными заповедями.

3. *«Добро – зло»*. Концепт «Добро» реализуется в значениях: положительные поступки человека, честное имя, праведность, умиротворение, покой. Абсолютным благом признается сам Бог. Противоположный концепт «зло» представлен понятиями: любой поступок, противоречащий христианским нормам; нечто, неприемлемое в этическом плане, отрицательные качества человека; противозаконный поступок, негативное отношение к окружающим и себе.

4. *«Истина (правда) – ложь»*. «Истиной» является все, что соответствует христианским нормам и заповедям, отраженным в Книгах Ветхого и Нового Завета; «ложью» – все, что от этих норм отклоняется.

«Правда» ассоциируется с Богом, Сыном Божиим, Евангелием, спасением души, «ложь» – с дьяволом, бесами, гибелью и разрушением души.

5. «Божественное (Небесное) – земное». «Божественное» представляется как абсолютная ценность, мудрость, благодать. Земное же имеет значение временного, суетного, малозначимого. Излишняя привязанность человека к земному, выражающаяся прежде всего в стремлении к вещественному накопительству, порицается, тем не менее трудолюбие и материальная помощь нуждающимся приветствуется. Идеальным сочетанием «Небесного и земного» представляется монашеский образ жизни, регламентирующий время для молитвы (Небесного) и труда (земного).

Приведенные ценностные оппозиции отражены в содержании религиозных текстов разных жанров, среди которые условно делят на первичные (библейские притчи, псалмы, молитвы) и вторичные (богослужбные песнопения, проповедь, исповедь).

Ядерное пространство жанрового поля составляют формы, которые в большей мере отражают институциональные характеристики религиозного сообщества: библейские притчи, псалмы, пророческие и апостольские послания, устав, богословская статья, богослужбные молитвы и песнопения и т.д. Периферию образуют жанры «неритуализированного религиозного дискурса: гибридные образования промежуточного типа, интердискурсивные образования, соединяющие признаки разных дискурсов: религиозного, педагогического, юридического, психологического, художественного и других видов дискурса» [Темботова, 2012, с. 10]. К такого рода текстам исследователи относят современные медиажанры, функционирующие в средствах массовой коммуникации: вопросы священнослужителю, беседы со священником на радио, телепередачи с участием священнослужителей. В состав неритуализированного религиозного дискурса можно включить и такие жанры, как бытовое общения на религиозные темы, миссионерские статьи, художественных тексты, посвященные вопросам веры.

Таким образом, религиозный дискурс, будучи разновидностью институционального дискурса, понимается как совокупность речевых произведений, объединенных темой религии, морали и нравственности. Данный тип дискурса имеет характерные особенности, которые заключаются в составе его участников, системе ценностей, отраженных в его концептосфере, совокупности жанров. Вся религиозная коммуникация представляет собой как взаимодействие между людьми, так непосредственное обращение человека к Богу и не ограничивается храмовым пространством. Одним из важнейших жанров современного религиозного дискурса признается проповедь.

2.2 Интертекстуальность как базовая категория религиозного дискурса

Исследователи религиозного дискурса (Е.В. Бобырева, 2007, 2008, 2015; В.И. Карасик, 2015; Т.А. Кошелева, 2008; О.А. Прохватилова, 2000, 2006, 2011; Е.С.Темботова, 2012) объединены убеждением, что ядром прецедентности различных жанров религиозной коммуникации является Библия. По мнению Н.Б. Мечковской, она является «смысловым ядром, силовое поле которого порождает новые смыслы и новые тексты» [Мечковская, 1998, с. 148].

Каждый институциональный дискурс характеризует свой набор прецедентных текстов. К традиционным источникам интертекстуальности религиозного дискурса относится в первую очередь Библия, или тексты Священного Писания. Как известно, Библия состоит из двух больших разделов: Ветхого и Нового Заветов. Каждый из них состоит из ряда книг. Все книги Библии связаны между собой, в каждой из них все стихи (предложения, фразы) пронумерованы, на каждой странице есть сноски, которые показывают из какого другого библейского текста взят тот или иной

стих. Благодаря этому тексты Священного Писания можно читать нелинейно, а переходя из одной книги в другую. Кроме того, исследователи отмечают наличие в Библии отсылок к апокрифам, греческой литературе, а также к утраченным сакральным текстам. Так, принцип интертекстуальности религиозного дискурса заложен в его базовом тексте – Библии. На важность понимания интертекстуального контекста при толковании священных текстов указывает А. Десницкий. По его мнению, смысл текста не повторяется, но «заново рождается» именно в сопоставлении одного текста с другим [Десницкий, 2011].

Рассматривая интертекстуальность как базовую для религиозного дискурса категорию, исследователи неизбежно обращаются к близкому к интертекстуальности понятию прецедентности. Так как прецедентным является широко известный, важный в культурном и когнитивном аспекте текст, то естественно, что тексты Священного Писания являются прецедентными, служащими необходимой базой для порождения комплекса религиозных текстов.

Основанный на Священном Писании, религиозный дискурс пронизан интертекстуальными связями, именно поэтому интертекстуальность можно считать его системообразующей категорией. Исследователи Е.В Бобырева и В.И. Карасик, выделяя два типа прецедентности, *внутренней прецедентностью* называют «воспроизводимость хорошо известных образцов религиозного дискурса – фрагментов Священного Писания – в процессе построения вторичных жанровых образцов религиозного дискурса: проповедей и молитв» [Бобырева, Карасик, 2015, с. 261]. *Внешняя прецедентность* представляет собой воспроизведение прецедентных феноменов: имен, высказываний и ситуаций – религиозного дискурса в иных типах дискурса: бытовом, художественном, политическом, публицистическом и т.д. Библейские прецедентные феномены могут функционировать в других видах дискурса как в неизменном виде

(каноническом), так и претерпевая различные виды трансформации (грамматические, лексические, семантические, синтаксические).

Тексты Священного Писания считаются прецедентными не только для религиозного дискурса, они универсальны и значимы и для многих других видов дискурса, прежде всего для художественного. Известно, что отсылки к разного рода библейским сюжетам присутствуют во многих произведениях русской и зарубежной художественной литературы разных периодов. Поскольку Библия – один из базовых текстов мировой культуры, библейские аллюзии и прямые заимствования частотны не только в художественной литературе разных стран, но и в других отраслях культуры: живописи, кинематографе. Библия является источником идиоматических выражений во многих языках мира.

Еще одним распространенным источником интертекстуальности в религиозном дискурсе является агиография – жития святых. Эти тексты становятся базой для церковной проповеди. Согласно церковному календарю, богослужения каждого дня посвящены памяти каких-либо святых. Кроме проповеди житие святого отражено и в собственно богослужебных текстах: акафистах, тропарях, кондаках и других жанрах церковной гимнографии. В свою очередь богослужебные тексты также становятся источниками текстопостроения. Отдельные фрагменты могут встречаться в трудах святых отцов и в проповедях священников.

Для участников религиозного общения святоотеческая литература является прецедентной. На тексты святых отцов ссылаются священники при составлении проповеди: при толковании отрывков Библии, в день памяти того или иного святого отца, а также при написании научных трудов по богословию.

Проповеди священников – канонизированных святых, таких как, например, Иоанна Кронштадского, Алексия Мечева, святителя Иоанна Шанхайского; неканонизированных, но недавно живших, таких как патриарха всея Руси Алексия II, патриарха Сербского Павла, священников

Даниила Сысоева, Александра Шмемана, Александра Меня; современников, например, протоиереев Дмитрия Смирнова, Артемия Владимирова, Николая Бабкина, Павла Островского, Андрея Ткачева – также становятся источниками интертекстуальности. Обращение к ним – ссылка на авторитет при толковании Священного Писания или при ответе на вопросы, касающиеся христианской морали и нравственности.

Духовная жизнь человечества неразрывно связана с другими сферами его жизни, поэтому в религиозных текстах нашли отражения не только тексты собственно религиозные. Так, в богослужебной гимнографии при упоминании того или иного святого отражен исторический контекст его жизни. В акафистах, посвященным учителям Церкви, таким как Святитель Николай Мирликийский или святитель Спиридон Тримифунтский, встречаем упоминания о разоблачении ими ересей, иногда с их описанием. По житиям святых можно изучать историю, делать заключения о социально-политических событиях соответствующей эпохи.

Являясь источником множества текстовых реминисценций, библейские тексты входят в сюжетную и тематическую базу мировой художественной и религиозной литературы. Подкрепленная сакральными текстами Вечная истина, отраженная в литературе, побуждает к оценке своей жизни через поступки героев, помогая принять верное решение. Воздействие на читателя автор оказывает через поиск христианских ценностей в интерпретированной им художественной реальности. Так, интертекстемы с прецедентными феноменами в форме свернутой метафоры могут одновременно являться символом известного события и выступать в качестве культурно значимого эталона.

Анализируя религиозный дискурс, Е.В. Бобырева и В.И. Карасик говорят о социумно-прецедентных и универсально-прецедентных текстах, понимая под ними Библию и тексты, знакомые исключительно кругу верующих людей. В других классификациях (Г.Г. Слышкин) выделяют общечеловеческие и национальные, цивилизационные и социумные,

макрогрупповые и микрогрупповые прецеденты. В соответствии с этой классификацией можно говорить о цивилизационных и общечеловеческих прецедентных текстах, выступающих в качестве источников интертекстуальности в религиозном дискурсе. Наши наблюдения показывают, что в круг источников интертекстуальности данного типа дискурса органично вписываются и национально-прецедентные тексты – произведения русской и зарубежной классической литературы.

Систему источников интертекстуальности религиозного дискурса можно наглядно представить следующим образом:

Схема «Источники интертекстуальности в религиозном дискурсе»

Интертекстуальность – универсальная категория религиозного дискурса, которая посредством множества ссылок на тексты Ветхого и Нового Завета, жития Святых, творения святых отцов, богослужебные песнопения и молитвы формирует «прецедентное ядро» религиозного дискурса. Однако интертекстуальные связи не ограничиваются рамками дискурса религиозного, не исчерпываются сакральными текстами, а связаны с другими видами институционального дискурса и художественными текстами, что особенно характерно для жанра проповеди.

2.3 Проповедь в религиозном дискурсе

Исследователи признают проповедь центральным жанром религиозного дискурса, поскольку это одна из древнейших религиозных речевых форм, восходящая к ветхозаветным пророчествам и новозаветным апостольским посланиям. Источники права Русской Православной Церкви указывают на проповедничество как на главную пастырскую обязанность, действующий Типикон определяет проповедь как обязательный элемент богослужения наряду с чтением Священного Писания, молитвами и песнопениями [Православная энциклопедия, 2006, 26].

Существует несколько подходов к изучению проповеди: лингвистический, риторический, богословский, литературоведческий, исторический. Специальная дисциплина, изучающая церковную проповедь, называется гомилетикой и объединяет названные подходы. С точки зрения гомилетики важна история развития жанра, богословское содержание, типология, композиционные особенности и риторические приемы, характерные как для определенного класса проповедей, так и для отдельно взятого текста.

Ученые-лингвисты изучают проповедь в различных аспектах. Обозначим ключевые:

- в рамках теории текста (Т.В. Ицкович, 2007, М.Б. Расторгуева, 2005);
- в интертекстуальном аспекте (Е.В. Бобырева, 2007; Т.И. Кошелева, 2008; А.Н., Смолина, О.А. Любкина, 2012);
- с точки зрения теории коммуникации (О.А. Крылова, Г.А. Савин, 2008; И.А. Петрушко, 2018);
- как феномен звучащей речи (О.А. Прохвятилова, 2000);
- как гибридный жанр, сочетающий признаки религиозного и публицистического стилей (Л.М. Майданова, Э.В. Чепкина, 2011; А.Н. Смолина, 2013).

Внимание лингвистов обращено в том числе на изменение языковых особенностей проповеди (О.Г. Саломатова, 2016), на методику обучения жанру будущих священнослужителей (Т.В. Шубина, 2008), на стилистические особенности жанра (И.А. Истомина, 2013; О.А. Прохвятилова, 2006; Д.И. Звездин, 2012).

Обратимся к комплексному анализу проповеди как ключевого элемента религиозного дискурса.

2.3. 1 Подходы к определению проповеди

В толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова проповедь представлена в двух значениях, прямом и переносном: 1. Речь религиозно-назидательного характера, которая обычно произносится в церкви. 2. Неодобр. Нравоучительная речь; поучение, наставление [Большой толковый словарь русского языка, 2014].

Православный энциклопедический словарь дает единственное определение проповеди: «Речь религиозно-поучительного характера, произносимая священнослужителем в храме во время богослужения и

имеющая основной своей задачей поведать и разъяснить слушающим учение Иисуса Христа» [Православный энциклопедический словарь, 1998].

Н.Б. Мечковская рассматривает проповедь как текст сверхжанрового проявления: «Это тексты, детерминирующие в фидеистической сфере общения, т.е. в такой сфере, где характерны проявления веры в сверхъестественное. Фидеистическая вербальность характеризуется напряженностью, связанной с обращением к тем высшим силам, которые не дано познать простому смертному» [Мечковская, 1998]. Мнение Н.Б. Мечковской о «сверхжанровости» проповеди основывается на том, что все религиозные тексты характеризуются категориальными отношениями интертекстуальности благодаря соотнесенности со Священным Писанием.

Е.В. Бобырева, рассуждая об интертекстуальности проповеди, использует термин «вторичность», отмечая, что проповедь, как и молитва, относится ко вторичным жанрам религиозного дискурса в отличие от первичных жанров – притчи, псалма [Бобырева, 2008, с. 166]. Цель проповеди состоит в убеждении признать истину, принять решение, например, о покаянии, вызвать определенные настроения понимания, благоговения, единства с Богом. В проповеди соединяются беседа, поучение и наставление.

О.А. Прохватилова определяет проповедь как «речь религиозно-назидательного характера, с которой священнослужитель обращается к верующим во время богослужения» [Прохватилова, 2006, с. 123].

И.А. Петрушко называет проповедью «коммуникативное взаимодействие проповедника с паствой, имеющее своей целью встречу паствы с голосом абсолюта (Бога), говорящего через совесть людей» [Петрушко, 2018, с. 9].

Обобщая основные характеристики проповеди, можно выделить следующие конститутивные аспекты:

- 1) ЧТО? – *трансляция идеи* (учение Иисуса Христа);

2) ДЛЯ ЧЕГО? – с целью распространения христианского учения, назидания;

3) ГДЕ? – в основном в храме (хронотоп);

4) В КАКОЙ ФОРМЕ – в устном монологе.

Рассмотрим каждую из приведенных характеристик проповеди:

1. Трансляция христианских идей. Первая характеристика отражает обязательность обращения проповедника к Библии, которая сама, бесспорно, является гипертекстом: все тексты Ветхого и Нового Заветов разбиты на пронумерованные стихи, многие из которых сопровождаются многочисленными ссылками на другие тексты Библии, что позволяет читать не традиционным образом – линейно, а следуя порядку ссылок, перемещаться из одного текста в другой [Пономаренко, 2005].

Результаты исследований, посвященных проблеме интертекстуальности в религиозном дискурсе, в большинстве случаев сводятся к положению о том, что именно книги Ветхого и Нового Заветов – основные источники интертекстуальности, поскольку являются «смысловым ядром, силовое поле которого порождает новые смыслы и новые тексты» [Мечковская, 1998, с. 148].

Изучение Священного Писания становится основой для создания нового текста – проповеди, где толкуются и разъясняются христианские истины. С другой стороны, библейские тексты могут служить и источниками аргументации: реализация убеждающей функции зависит от типа проповеди. Интертекстуальные связи проповеди со Священным Писанием могут быть как эксплицитными – через конкретные интертекстемы: цитаты, реминисценции, аллюзии, так и имплицитными – через транслируемые в тексте проповеди идеи и смыслы [Хамраева, 2023].

Помимо обязательной опоры на библейский текст, исследователи указывают на универсальные характеристики христианской проповеди, куда включена общечеловеческая значимость христианских проповедей (гуманизм), обращенность к злободневным проблемам (актуальность),

проявление терпимости к другим людям, в том числе иноверцам (любовь к ближнему).

Перечисленные содержательные характеристики проповеди соотносятся с наличием в ней прецедентных текстов, в том числе и с источником «художественная литература». По нашим наблюдениям, в основе проповеди может лежать художественный текст, который по тематике постулирует христианские идеи и ценности.

2. *Прагматические установки проповеди*, зависящие от цели и задач той или иной проповеди, порождают большое количество копозиционно-тематических разновидностей проповеди. Причем с течением времени некоторые формы проповеди теряют актуальность и остаются в церковной литературе как памятники ушедшей эпохи, другие – напротив приобретают все большую значимость. Важнейшими прагматическими установками считают распространение христианской веры и разъяснение смысла священных текстов. Другие не менее значимые проповеднические цели – включение новых членов церкви в активную духовную жизнь и побуждение уже воцерковленных верующих к совершенствованию духовных навыков.

3. *Хронотоп*. Важно подчеркнуть, что в XXI веке проповедь не обязательно должна звучать исключительно в пределах храма. Возможность звучания проповеди в любое время и в любом пространстве определяется развитием новейшие информационных технологий. Благодаря им современная христианская проповедь «отделяется» от своего традиционного храмового хронотопа, оказывается не привязанной к богослужению в храме и переносится на разные информационные платформы: радио, телевидение, интернет-порталы, печатные издания.

4. *Устный монолог*. В широком смысле мы относим к христианской проповеди все тексты, которые могут способствовать распространению христианского вероучения. Так, проповедью можно считать не только речь священника после богослужения, но и выступление в СМИ, свободный

диалог на темы веры, нравственности и морали с представителями различных социальных групп, преподавание основ православной культуры в школе и т.д. – словом, любой текст, касающийся религиозных вопросов и связанный с распространением идей христианства. Расширенное понимание проповеди как текста, свободного в отношении композиции и выбора языковых средств, отличается от традиционного представления о проповеди как строгой, построенной по правилам классической риторики речи.

Обычно проповедь имеет классическую трехчастную структуру: введение, основную часть и заключение. Введение содержит традиционное обращение к пастве (Братья и сестры – в миру, братие – в монастыре). В письменном варианте проповедь может иметь эпиграф, чаще всего – это цитата из Священного Писания. В основной части выделяются неоднократное повторение темы; аргументы, связанные с предметом проповеди; примеры. Заключение проповеди имеет особое воздействующее значение, поэтому его отличает простота слога и обязательная логическая связь с основной частью и краткое молитвенное воззвание. Зачастую заключение проповеди содержит так называемое нравственное приложение – вывод из рассуждений автора по затронутой духовной проблеме и призыв к рефлексии и изменению образа жизни в соответствии с нормами христианства.

Рассмотрев основные характеристики современной проповеди, приходим к выводу, что на сегодняшний день православная проповедь по форме значительно свободнее традиционной. Однако в плане содержания она неизбежно опирается на Священное Писание и в плане прагматики ставит своей целью толкование сакрального текста и наставление людей в вопросах веры.

Сформулированное представление проповеди делает возможным существование многочисленных публицистических жанров: статей, очерков, эссе, бесед, интервью, объединенные темой веры. Подобные жанры приближаются к проповеди, хотя не имеют строгой композиции.

Функционируя в печатном и медийном пространстве, они прямо или опосредованно опираются на сакральный текст; главной коммуникативной целью имеют детальное разъяснение основ христианского вероучения, что позволяет считать их современными проповедями в широком понимании.

2.3.2 Типологическое описание проповеди

Пристальное внимание исследователи уделяют типологическому описанию проповеди. В научной литературе представлено большое количество подходов к классификации проповедей по различным основаниям. Как отмечает О.А. Прохватилова, классификации церковной проповеди, можно разделить на три группы: «диахронические, рассматривающие типы проповедей в их историческом развитии, синхронические, устанавливающие типы проповедей на основании присущих им свойств и признаков, и диахронно-синхронические, совмещающие оба подхода» [Прохватилова, 1999, с. 127].

Так, развитие русской проповеднической традиции отражено в классификации А. Ветлева. Исследователь выделяет следующие периоды развития:

- 1 период византийского влияния (X–XVI вв.).
- 2 период латино-польского влияния (XVI–XVII вв.).
- 3 период относительно самостоятельного развития русской церковной проповеди (XVIII–XIX вв.).
- 4 период современный (с 1917 г.) [Ветлев А., 1990, 10].

Данная классификация, бесспорно, несколько устарела и не включает новейший период развития русской проповеди, тем не менее является ценной, поскольку в ней представлены этапы зарождения и становления национальной русской проповеди.

Классификация проповедей, основанная на отличиях в их содержании составлена в начале прошлого века И.П. Триодиным [Цит. по Медведев, 2017, 17]. Исследователь выделяет проповеди:

- 1) догматические, или апологетические;
- 2) нравственно-практические;
- 3) священно-исторические;
- 4) экзегетические, или толковательные.

В зависимости от сферы функционирования и формы проповеди А. Юрьевский выделяет следующие виды:

1. Педагогическая, произносимая с целью религиозно-нравственного образования и воспитания молодежи:

- а) акроаматическая (излагающая);
- б) эротематическая (вопросо-ответная):
  - эвристическая;
  - контролирующая.

2. Проповедь церковно-богослужебная:

а) догматическая, разъясняющая основные положения православного вероучения;

б) нравоучительная, объясняющая нравственные основы христианства;

3. Внебогослужебная, произносимая без привязки к богослужению;

4. Миссионерская, призванная привлечь в церковь новых членов.

В данной классификации наиболее подробно разработаны виды педагогической проповеди, поскольку автор трактует проповедь как речь, «имеющую предметом религиозное знание» [Цит. по: Медведев, 2017, с.18], уделяя внимание образовательной составляющей проповеди.

Календарно-тематическое содержание проповедей отражено в классификации архиепископа Аверкия (Таушева), которая основывается на делении церковного года на две части: праздничную и непраздничную. [Аверкий (Таушев), 2001, 26].

Приведенные классификации были предложены в начале XX века

На современном этапе Е.Ю. Медведев, О.А. Прохватилова и Г.А. Савин [Медведев, 2017, с. 19–22] приводят классификацию современных проповедей, отмечая следующие признаки: время богослужения, место произнесения, адресат, содержание, цель, способ изложения.

1. По времени богослужения, проповеди делят на две группы:

а) соотносящиеся с церковным календарем:

– проповеди, произносимые во время постов и в дни сугубого поминовения усопших;

– проповеди, произносимые в честь церковных праздников (Великих, Дванадесятых, Храмовых) или дней памяти святых.

б) соотносящиеся с недельным кругом богослужений, согласно которому в каждый день недели вспоминается какое-либо событие священной истории или один из особо почитаемых святых. В эту группу входят 7 седмичных проповедей (на каждый день недели).

2. По месту произнесения проповеди выделяют:

а) храмовые;

б) внехрамовые, или публичные.

Храмовая проповедь не только является обязательной частью богослужения, но и органично вписывается в экстралингвистическое пространство церковного убранства, представленное особой акустикой, позволяющей звучать проповеднической речи громко; храмовым освещением при помощи лампад и свечей, запахом благовоний; иконописными образами, создающими особое настроение слушателей. Внехрамовая проповедь, ориентированная не только на членов церкви, в значительной степени может отличаться и по форме, и по содержанию.

3. По виду адресата разграничиваются проповеди:

а) монастырские, адресованные монастырской братии;

б) приходские, предназначенные верующим, собравшимся в храме на богослужение;

в) миссионерские, обращенные к людям невоцерковленным.

4. По содержанию выделяется три типа проповедей:

а) экзегетические, разъясняющие библейские тексты;

б) литургические, объясняющие историю и значение праздника, иконы молитвенного правила, последования и т.д.;

в) проповеди-наставления, посвященные современному церковному событию, не связанному с библейскими событиями и церковными праздниками.

5. По цели различаются проповеди:

а) кериптические, или миссионерские, созданные для обращения в христианство язычников;

б) катехитические, способствующие просвещению и наставлению новообращенных членов церкви;

в) догматические, раскрывающие положения, в которых сосредоточены учения о Боге и Его особом отношении к человеку и миру;

г) нравоучительные, объясняющие моральные и нравственные аспекты православного вероучения.

6. По способу изложения проповеди различают

а) аналитические, представляющие собой подробный слов и (или) стихов (фраз), входящих в отрывок текста Священного Писания или молитвы;

б) синтетические, в которых опорой для размышлений автора, является какая-либо тема, важная для общественной жизни определенного православного прихода

В зависимости от содержания и структуры текста, выделяют следующие виды проповеди:

Гомилия, или беседа, представляющая собой объяснение библейского текста, прочитанного за богослужением, сохранившая черты апостольской беседы: ясность, доступность и простоту, имеющая классическую

трехчастную композиционную структуру: вступление, основную часть и заключение.

Поучение. Особенностью является наличие в тексте одной темы, выбранной произвольно или обусловленной текстами Священного Писания, агиографией. Такая проповедь состоит из 4 частей: вступление, основная часть, нравственное приложение, заключение. К важным содержательным характеристикам относятся: образность, наглядность изложения материала, доступность и простота и краткость речи, ориентация на духовно-нравственное состояние паствы и ее религиозно-нравственные запросы.

Слово – проповедь со строгой логической структурой, единством содержания, изящным художественным стилем и строгой тематизацией, нередко предваряющаяся стихом – эпитафией, имеющим непосредственное отношение к содержанию текста.

Речь – проповедь, отличающаяся строгой тематизацией, патетичностью, красотой и возвышенностью слога, посвященная событиям церковной или общественной жизни. В речи зачастую присутствуют благодарность, поздравление и отсутствует наставление и толкование [Православная энциклопедия, 2006, 28–30].

В зависимости от степени близости к тексту Библии можно выделить проповедь с опорой на содержание фрагмента Священного Писания, в которую включены многочисленные библейские цитаты с комментариями, и «свободную» проповедь, в которой обращение к евангельским истинам скрыто в подтексте.

По характеристике темы проповеди делятся на посвященные какой-либо определенной проблеме, обозначенной в Писании, и на те, что посвящены социальной, политической, культурной проблеме, особенно актуальной в определенный момент общественной жизни.

Итак, типологическое описание проповедей зависит от подхода к их изучению. При диахроническом подходе делается акцент на периодах развития жанра, при рассмотрении в синхроническом аспекте больше

внимания уделяется структурно-содержательным и календарным особенностям проповедей. Многообразие классификаций проповеди свидетельствует об изменчивости особенностей жанра при сохранении его сущности.

2.3.3 Современная проповедь как религиозно-публицистический жанр

Поиск безапелляционных нравственных ориентиров испокон веков становился целью и смыслом жизни наиболее достойных представителей тех или иных поколений, но именно сейчас, в эпоху материальных соблазнов и информационного давления, понимание истинных нравственных ценностей представляется особенно сложным и, как следствие, особенно важным. Данный тезис обуславливает необходимость и востребованность нравственно-ориентированных текстов и, безусловно, тех людей, которые способны донести заложенную в этих текстах информацию с учетом специфики целевой аудитории, интерпретировать ее доступным и привлекающим внимание языком.

Как справедливо замечает современный философ А. Дугин, ни веру, ни нравственные ориентиры невозможно подстраивать под время, поскольку утилитарные основы не приемлемы для религии по самой своей сути [Дугин, 2016]. Считаем, что с данным тезисом сложно не согласиться: неискренность и фальшь могут быть привлекательными лишь определенное время, в то время как изменение сознания и системы ценностей, которые происходят в попытке переосмысления себя и поиске своего места в мироздании, как правило, остаются у человека на всю дальнейшую жизнь и определяют его дальнейшие нравственные поиски и поступки. Таким образом, религиозный дискурс в XXI века становится не только средоточием сакральных текстов, знакомых верующим, но и инструментом формирования ценностных установок тех, кто находится в поисках правильного жизненного пути. Тексты религиозного характера сегодня, с одной стороны, должны отвечать

вызовам современности; с другой, – иметь вневременной характер и соотноситься с нравственными принципами, заложенными не только в отдельно взятой культуре, но и в масштабах всей цивилизации.

На наш взгляд, наиболее ценным жанром религиозного дискурса, служащим непосредственно для помощи в принятии и интерпретации не только особенностей вероучения, но и вневременных нравственных ориентиров, является проповедь. При этом миссия современного проповедника заключается в том, чтобы аккумулировать новейшие формы, методы и способы подачи текста с доступным для целевой аудитории содержанием; выйти за пределы догматического учения, сохранив основы заложенных в нем ценностей; заставить человека размышлять, углубляться в себя и находить ответы на вопросы, имеющие ключевое значение для развития личности.

Современная проповедь аккумулирует сегодня базовые характеристики художественного, публицистического и устного текста, что определяет новые для данного жанра характеристики: современная проповедь представляет собой не непосредственную трансляцию догматического вероучения, а опосредованный в языке и форме подачи текст, потенциально привлекающий разных представителей той или иной лингвокультуры. Говоря образным языком, современная проповедь не назидает, а созидает – организует новый тип целевой аудитории, ищущий путь к вере через загадки языка, получающий информацию не напрямую из Священного Писания, а опосредованно, через разгадывание знакомых текстовых моделей. Из закрепленного по форме и содержанию текста современная проповедь превращается, таким образом, в кодифицированный инструмент языкового манипулирования массовым сознанием, имеющий свой интралингвистические и экстралингвистические особенности.

Данный тезис обуславливает тот факт, что целевой аудиторией современных проповедников становятся не только люди, укрепленные в вере или ищущие ее, но и интеллектуалы, воспринимающие проповедника не как

посредника между Богом и человеком, а как увлекающего оратора, сумевшего связать воедино язык, религию и культуру.

Данный тезис представляется вполне актуальным и при характеристике языковой личности Андрея Ткачева – человека, которого вполне справедливо можно считать одной из ключевых фигур, популяризирующих сегодня ценности религии и, прежде всего, – православной веры.

Как отмечают исследователи (Е.В. Бобырева, В.И. Карасик, Е.С. Темботова, Т.В. Ицкович и др.), религиозный дискурс тесно связан с другими типами институциональных дискурсов и распространяется далеко за пределы церкви. По свидетельству Т.В. Ицкович, религиозная коммуникация не ограничивается богослужением, но охватывает все остальные сферы деятельности человека: «от веры нельзя отмахнуться, ибо она охватывает все на свете» [Ицкович, 2011, с. 156]. Религиозный дискурс взаимодействует с другими видами дискурсов, «формируя у прихожан и граждан, интересующихся вопросами веры, морали и нравственности, механизмы становления и функционирования ценностной шкалы» [Темботова, 2012, с. 20]. Именно проповедь, на наш взгляд, как религиозно-публицистический жанр отражает в себе взаимодействие религиозного дискурса с другими.

Благодаря развитию информационных технологий проповедь становится все более вовлеченной в публицистический дискурс и приобретает новые формы существования: статья, эссе, пост в социальной сети, телепередача, прямой эфир, видео-лекция, короткое видео (shorts) и т.д. Недавно возникшие формы проповеди, тенденции трансформации традиционного жанра, привлекает внимание лингвистов, что отражено в многочисленных исследованиях ученых-языковедов.

Так, тексты религиозного содержания в публицистическом (медиа) дискурсе исследуют М.В. Шахбазян, 2022; Т.В. Ицкович, 2011; А.С. Макарова, 2018; Л.М. Майданова, Э.В. Чепкина, 2011. А.С. Макарова свидетельствует о наличии православного публицистического дискурса,

Т.В. Ицкович отмечает пересечение публицистического и церковно-религиозного функциональных стилей в рамках одного медиатекста (жанра). Л.М. Майданова и Э.В. Чепкина рассматривают проповедь-слово как медийный жанр. М.В. Шахбазян исследует тематическое своеобразие православной журналистики, отмечая в ней проповеднические стратегии.

Начиная с XX века, как отмечает О.В. Саломатова, в русской проповеднической традиции наряду с нравственно-богословским главенствует публицистическое направление [Саломатова, 2016, с. 155], поскольку проповедники ориентируются не только на воцерковленную аудиторию, но и на светскую. В стилистическом отношении проповеди опираются на нейтральную лексику, к традиционным для проповеди книжной, устаревшей, специальной богословской лексике добавляются разговорные и просторечные слова, общественно-политическая терминология.

В классическом понимании проповедь – речь священника, обращенная к пастве, с целью разъяснения и распространения евангельского учения. Из определения следует, что проповедь имеет двойственную природу. С одной стороны, в тематическом отношении содержание проповеди полностью определяется православным вероучением, с другой стороны, проповедь имеет коллективного адресата, то есть функционирует как публицистическая речь, что несомненно определяет некоторые языковые особенности репрезентации традиционных христианских смыслов.

Рассмотрим проповедь как религиозно-публицистический текст по нескольким основаниям.

Сфера функционирования. Проповедь функционирует прежде всего в религиозной коммуникативной сфере и является частью современного православного богослужения. В то же время современная проповедь зачастую выходит за рамки собственно религиозного общения, функционируя в средствах массовой информации: в печатных изданиях (журналы, сборники проповедей, статей, художественные произведения), на

телевидении (православная телепередача, слово священника в качестве приглашенного гостя и т.д.), на различных интернет-платформах (информационно-образовательные порталы, социальные сети, мессенджер и т.д.).

Содержание проповеди определяется в большей степени кругом прецедентных текстов религиозного дискурса: Книгами Ветхого и Нового Завета, агиографией, гимнографией, творениями Святых Отцов. Такие проповеди охватывают вопросы духовной жизни и священной истории. В то же время во многих классификациях выделяется тип публицистической проповеди, обладающий иными содержательными характеристиками. Такие проповеди отчасти пересекаются с традиционными, так как затрагивают нравственные вопросы, кроме того они посвящены темам, касающимся современных общественных, политических, экономических, культурных образовательных, мировоззренческих и других проблем паствы.

Цели проповеди с религиозной точки зрения – убеждение неверующих и сомневающих в бытии Бога, помощь верующим в достижении христианского идеала – Царства Небесного. Цель публицистической проповеди заключается в христианском осмыслении вопросов, с которыми сталкивается христианин в повседневной жизни: поиске духовных причин происходящих событий, определении духовного пути решения назревшей проблемы.

Языковые средства. Язык проповеди основывается на нормах литературного языка. Стилиевые особенности проявляются в наличии специальной церковной лексики, богословских терминов, употреблении устаревших грамматических форм и синтаксических конструкций. Исследователи (И.Н. Силенко, О.Г. Суспицына, 2013; Прохвятилова, 2011; П. Шитиков, 2015; Д.И. Звездин, 2012; Т.В.Ицкович, 2011) отмечают обилие средств выразительности в языке проповеди. Публицистическая проповедь помимо указанных особенностей включает в себя как средства разговорного

стиля, так и лексику, относящуюся к политической, экономической, культурной и другим сферам.

Ориентация на коллективного адресата. Проповедь, как и жанры публицистики, – текст, предназначенный для слушания и чтения большим количеством людей, что определяет особенности построения и выбор языковых средств воздействия на адресата и привлечения и удержания его внимания.

Средства привлечения внимания адресата в проповеди и публицистике схожи. К ним относятся различные риторические приемы: обращения, восклицания, вопросы, обилие изобразительно-выразительных средств: тропов и фигур речи. Одним из таких средств акцентирования внимания на значимых местах текста является привлечение разного рода прецедентных феноменов из различных источников, что является отступлением от классического церковного стиля.

Таким образом, современная проповедь – текст публицистического характера, поскольку предназначена для коллективного адресата, функционирует не только в рамках традиционного религиозного пространства, но и в средствах массовой информации, активно использует языковые средства разговорного и публицистического стилей, в том числе прецедентные феномены из различных источников для привлечения и удержания внимания адресата.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2

Религиозный дискурс представляет собой разновидность институционального дискурса и включает совокупность текстов, объединенных религиозно-нравственной тематикой, создание которых обусловлено экстралингвистическими особенностями религиозной коммуникации, осуществляемой в церкви, в малых религиозных группах или в личном обращении человека к Богу. Конститутивными участниками религиозного дискурса являются как священнослужители и прихожане, так и Бог, к которому обращены молитвы и исповеди. Транслируемые ценности, специфические функции, условия коммуникации, совокупность жанров – все это определяет лингвокультурную специфику религиозного дискурса.

Применительно к религиозному дискурсу ученые говорят о категории интертекстуальности как об основной смыслообразующей категории религиозных текстов, поскольку все они напрямую или опосредованно связаны с текстами Священного Писания. К маркерам интертекстуальности, выраженным в интертекстах, относятся прецедентные имена и прецедентные высказывания, апеллирующие к прецедентным ситуациям и прецедентным текстам. Прецедентное ядро религиозного дискурса составляет религиозная литература: книги Ветхого и Нового Заветов, жития святых, творения святых отцов – учителей церкви, церковный устав и т.д.

Так, принцип интертекстуальности религиозного дискурса заложен в его базовом тексте – Библии, которая, в свою очередь, является гипертекстом: все тексты Ветхого и Нового Заветов разбиты на стихи, пронумерованные в каждой Книге без повторений. Многие из этих стихов сопровождаются ссылками на другие стихи, что позволяет читать Библию нелинейно, следуя порядку ссылок и параллельных мест.

Центральным жанром религиозной коммуникации считаем проповедь – речь священника, опирающуюся на Священное Писание, прагматической целью которой является распространение и толкование сакрального текста и

наставление людей в вопросах веры. В настоящее время можно говорить о существовании двух основных типов проповеди – традиционной храмовой, непосредственно связанной с текстами Священного Писания, и свободной, существующей вне церковных стен, соотнесенной с сакральными текстами прямо или опосредованно. В такой проповеди могут затрагиваться вопросы, касающиеся не только собственно церковных вопросов, но и проблем современного общества и бытовых вопросов.

Многообразие факторов, от которых зависит содержание проповеди: ориентация на церковный календарь, место произнесения, исторический период, особенности аудитории, прагматическая цель – обуславливает множество подходов к классификации видов проповеди. Универсальным является разделение проповеди на такие виды, как *гомилия, или беседа, слово, поучение, речь*. Выделяются также и публицистические проповеди, дающие христианскую оценку общественным событиям.

Современную проповедь целесообразно рассматривать как религиозно-публицистический жанр, поскольку ее содержание и выбор языковых средств воздействия на адресата определяется не только религиозной, но и общественной сферами функционирования и ориентацией на коллективного адресата.

аудитории (чем шире фоновые знания массового адресата, тем более широким будет спектр используемых интертекстов и их источников).

Обращение проповедника к пастве – это особое воздействие, которое называется вовлекающим. Оно реализуется через диалог при общении проповедника со слушателями. Диалогические средства обеспечивают активное слушание и поиск ответов на вопросы, поставленные проповедником. В проповедях о. Андрея Ткачева способом вовлекающего воздействия, на наш взгляд, помимо указанных средств, являются интертексты, отсылающие к русской и зарубежной классической литературе.

Художественная литература за свое многовековое существование воплотила большое количество сюжетов, в которых нашли отражение реалии общественной жизни. Поэты и писатели – представители разных литературных направлений и течений – отразили в своих произведениях множество человеческих типажей, чьи имена стали символизировать определенную модель поведения, склад характера и даже особенности внешности. Многие из этих имен стали нарицательными, а цитаты из произведений – крылатыми фразами. Таким образом имена и высказывания становятся единицами языка, приобретают символическое, метафорическое значение и актуализируют в памяти читателя прецедентные ситуации и прецедентные тексты, связанные с именами и цитатами. Так, литературные феномены, ставшие фактами языка, находят отражение в языке проповедей.

Для анализа особенностей интертекстуальности в проповеди были отобраны интертексты, отсылающие к русской и зарубежной художественной литературе, из 17 сборников статей и проповедей протоиерея Андрея Ткачева, изданных в период с 2014 по 2021 гг: «Мы вечны. Даже если этого не хотим» Книги 1, 2 (2014 г.); «Возвращение домой. Когда рождается вера» (2015 г.); «О мире и человеке: сборник статей» (2015 г.); «Проповедь о проповеди» (2015 г.); «Путь к жизни для всех, кому даровано родиться человеком» (2015 г.); «Ступени к небу. Как научиться

любить людей» (2015 г.); «Бесконечный прогресс...» (2016); «Хочу жить вечно: яд греха и лекарство бессмертия» (2017 г.) «Почему я верю. Простые ответы на сложные вопросы» (2017 г.); «Сохранить живую веру» (2017 г.); «Любовь. Ищущим и нашедшим» (2018 г.); «В общении с родителями. Беседы о христианском воспитании» (2018 г.); «Вхождение в церковь. Первая ступень: Воцерковление» (2019 г.); «Живое слово. Библия про наши радости и беды» (2020 г.); «Бремя страстей. Тайная жизнь наших душ» (2021 г.); «Однажды я...» (2021 г.). Методом сплошной выборки было отобрано 534 контекста разного объема (предложения, сочетание предложений, или сверхфразовое единство, абзац, текст), содержащих отсылки к художественным текстам. Общий объем языкового материала составляет 5300 страниц.

В ходе анализа было выявлено, что в проповедях о. Андрея преобладают традиционные для религиозного дискурса источники: Книги Ветхого и Нового Завета, жития святых, богослужебная гимнография и прочее – и составляют от 43% до 92%. На втором месте произведения русских и зарубежных авторов. На третьем месте иные источники: исторические факты, кинематограф, популярные песни и многое другое.

Данные о содержании интертекстем в каждом из печатных изданий отражены в таблице:

Таблица «Квантитативное соотношение источников прецедентных феноменов в сборниках проповедей священника А. Ткачева»

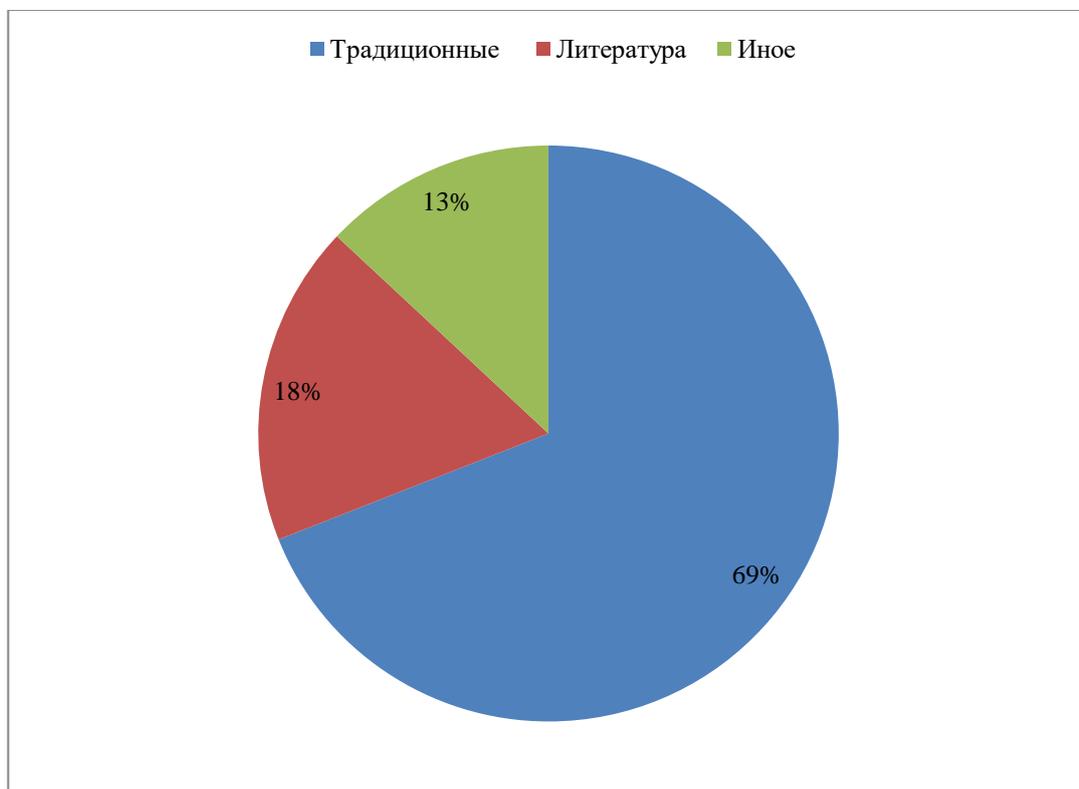
Название сборника	Традиционные источники	Классическая Литература	Иные источники
«Бесконечный прогресс»	54%	16%	30%
«Бремя страстей»	58%	26%	16%
«В общении с родителями»	66%	24%	10%

«Возвращение домой»	92%	8%	0%
«Вхождение в церковь»	86%	7%	7%
«Живое Слово»	89%	5%	6%
«Любовь. Ищущим и нашедшим»	76%	15%	9%
«Мы вечны 1»	43%	43%	14%
«Мы вечны 2»	67%	25%	8%
«О мире и человеке»	50%	30%	20%
«Однажды я»	60%	19%	21%
«Почему я верю»	79%	13%	8%
«Проповедь о проповеди»	76%	8%	16%
«Путь к жизни»	80%	13%	7%
«Сохранить живую веру»	58%	18%	24%
«Ступени к Небу»	79%	13%	8%
«Хочу жить вечно»	50%	28%	22%

В ходе анализа было выявлено, что в проповедях о. Андрея преобладают интертекстемы из традиционных для религиозного дискурса источников: Книг Ветхого и Нового Завета, житий святых, богослужебной гимнографии и т.п., что составляет от 43% до 92% от общего количества. На втором месте по частотности отсылки к произведениям русских и зарубежных авторов. На третьем месте иные источники: исторические и биографические факты, кинематограф, популярные песни и многое другое. Количество ссылок на художественные тексты может составлять от 5% до 43%.

Общее соотношение источников интертекстуальности выглядит следующим образом: традиционные источники составляют 69% от общего количества, литературные – 18%, иные источники 13%. Общее количественное соотношение источников интертекстуальности в проповедях о. Андрея Ткачева представлено в диаграмме:

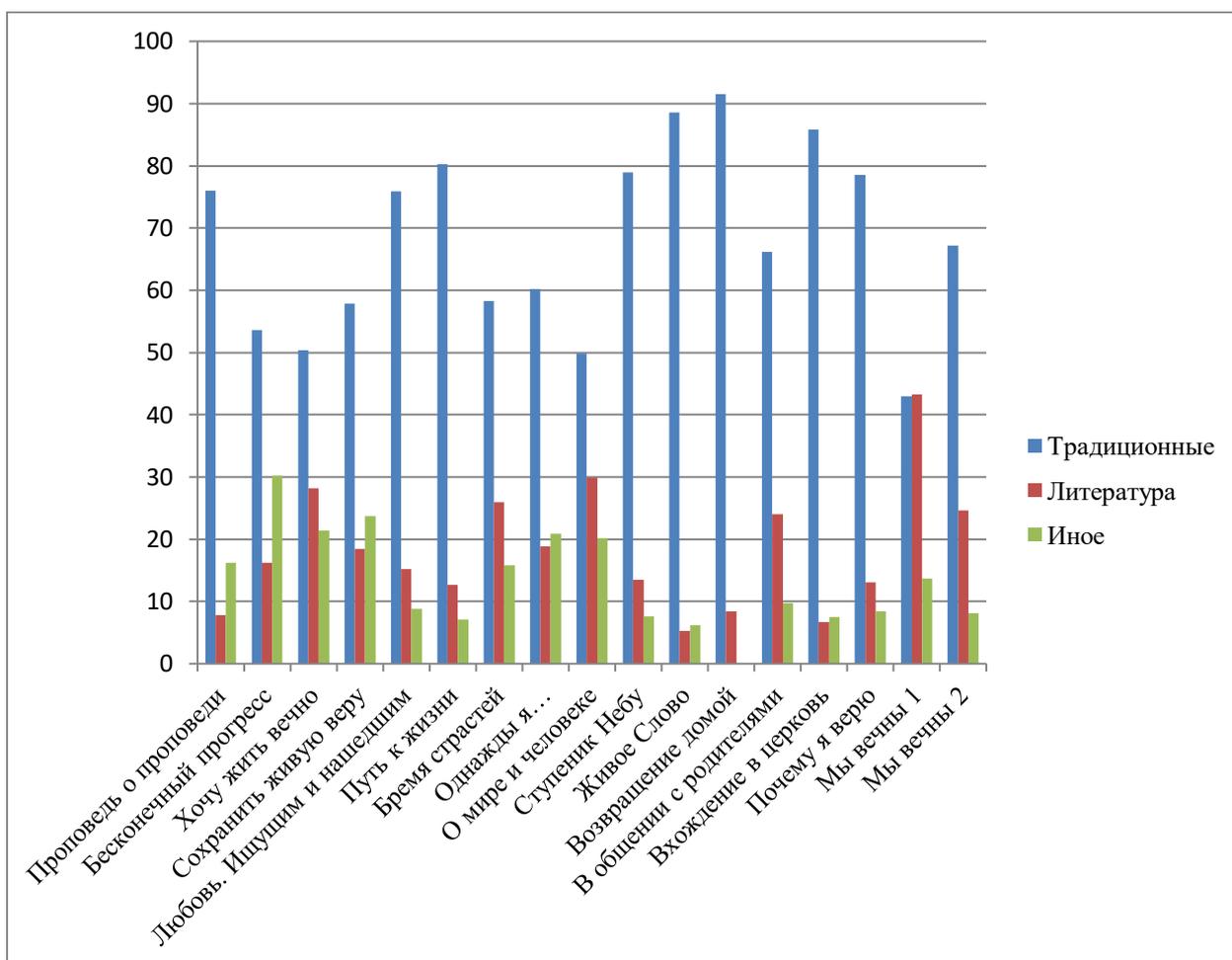
Диаграмма «Общее количественное соотношение источников интертекстуальности в проповедях о. Андрея Ткачева»

Преобладание того или иного типа источников интертекстуальности в каждом из сборников зависит от основной темы конкретного издания. Так, например, сборник «Живое Слово» посвященный толкованию некоторых текстов Священного Писания, содержит наименьшую долю упоминания художественных текстов. В печатных изданиях с наибольшим процентом употребления литературных источников представлены статьи и проповеди, в которых автор осмысляет проблемы современного общества. В них содержатся как тексты с единичными интертекстами, так и статьи, представляющие собой христианское осмысление известных художественных произведений. В сборниках «Мы вечны» 1, «О мире и человеке», «Хочу жить вечно» подавляющее большинство текстов затрагивают современные общественные проблемы, поэтому именно в них

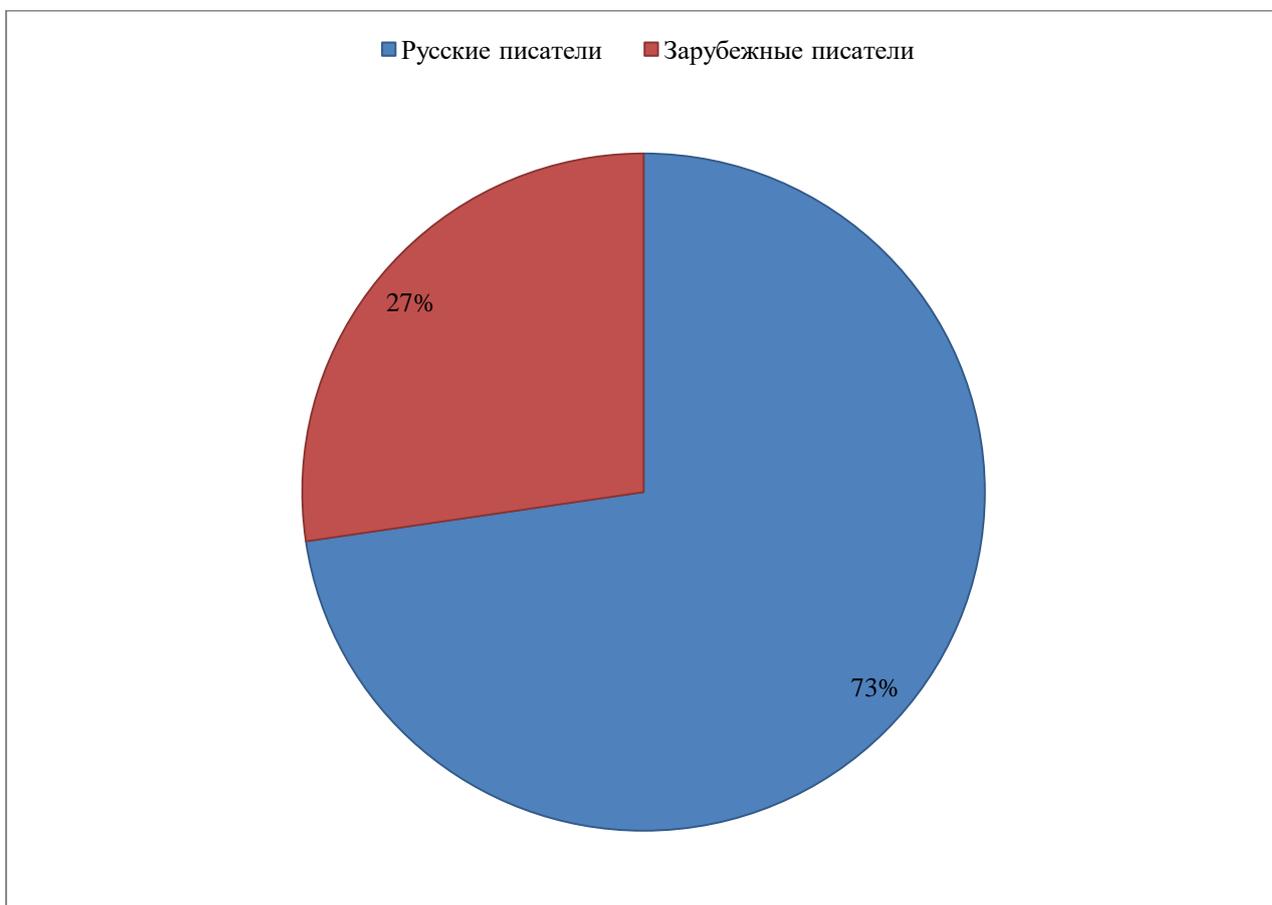
включено наибольшее количество интертекстом со сфорой-источником «художественная литература» и составляет 43%, 30% и 28% соответственно.

Диаграмма «Квантитативное соотношение источников интертекстуальности в сборниках проповедей А. Ткачева»

В проповедях священника А. Ткачева наблюдаются отсылки к произведениям русской и зарубежной литературы. Количественный анализ источников показал, что упоминания фактов русской литературы значительно более частотны, чем зарубежной. Квантитативное соотношение литературных источников в проповедях о. Андрея составляющее 73% к 27% соответственно, наглядно представлено в диаграмме.

Диаграмма «Квантитативное соотношение ссылок на русскую и зарубежную литературу в проповедях священника А.Ткачева»

Отсылки к текстам зарубежной классики составляют 27% от общего количества литературных интертекстов. Среди прецедентных феноменов, восходящих к зарубежной классической литературе, самой многочисленной группой являются ссылки на античные сюжеты: автор вспоминает мифы о Геракле и его борьбе с Антеем, о похищении Европы Зевсом, о Леде и лебеди, о Зевсе и Данае, о Хароне и реке Стикс, Сизифе, Сцилле и Харибде, Троянском коне, Домокловом мече, Кассандре, Орфее и Эвридике.

Другие зарубежные источники, встречающиеся в проповедях о. Андрея представлены в списке, ранжированном по частотности в порядке убывания:

У. Шекспир «Гамлет», «Как вам это понравится», «Ромео и Джульетта», «Отелло» – 12 упоминаний;

Г.Х. Андерсен «Снежная королева», «Оле-Лукойе», «Гадкий утенок», «Голый король» – 7;

И. В. Гете «Фауст» – 7;

Д.Алигьери Божественная комедия – 6;

Э.Хемингуэй «Старик и море» – 4;

Д.Дефо «Робинзон Крузо» – 3;

Р. Бредбери «451 градус по Фаренгейту»; «Вино из одуванчиков» – 3;

Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» – 3;

М. Сервантес «Дон Кихот» – 3;

М. Твен Приключения Тома Сойера – 2;

Дж. Свифт «Путешествие Гулливера» – 2;

Дж. Бокаччо «Декамерон» – 2;

Гомер «Илиада», «Одиссея» – 2;

Ч. Диккенс «Дэвид Копперфильд» – 2;

Л. Кэрролл «Алиса в стране чудес» – 2;

Ж.-П. Сартр «За закрытыми дверями») – 2;

Р. Акутагава «Носовой платок», «Усмешка богов» – 2;

Э.М. Ремарк «Три товарища» – 2;

О. де Бальзак «Шагреновая кожа» – 1;

Г. Сенкевич «Камо грядеши» – 1;

Дж. Джойс «Улисс» – 1;

Ф. Кафка «Процесс» – 1;

Д.Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи» – 1;

У. Голдинг «Повелитель мух» – 1;

Л. Войнич «Овод» – 1;

К. Макклоу «Поющие в терновнике» – 1;

А. Дюма «Три мушкетера» – 1;

М. Метерлинк «Синяя птица» – 1;

Т. де Молина «Благочестивая Марта» – 1;
О. Уайльд «Портрет Дориана Грея» – 1;
А. Камю «Чума» – 1;
Дж. Донн «Духовные стихотворения» – 1;
Г. Флобер «Госпожа Бовари» – 1;
Дж. К. Джером «Трое в лодке, не считая собаки» – 1;
К.С. Льюис «Кружной путь паломника», «Настигнут радостью» – 1;
Ж. де Лафонтен «Медведь и садовник» – 1;
Б. Беттельгейм «Просвещенное сердце» – 1;
О. Хайям «Рубай» – 1.

Интертекстемы, восходящие к русской литературе составляют большую часть – 73% прецедентного фонда текстов протоиерея Андрея Ткачева. Наиболее часто цитируемыми авторами русской литературы являются *А.С. Пушкин* – 63 обращения – 12 %, *Ф.М. Достоевский* – 59 – 11% и *Н.В. Гоголь* – 53 – 10 %.

Среди произведений *А.С. Пушкина* чаще всего упоминается роман в стихах «*Евгений Онегин*» – 19 раз, на втором месте «*Сказка о рыбаке и рыбке*» – 6 раз, на третьем месте стихотворение «*Памятник*» – 3 раза, другие стихотворные и прозаические произведения: «*Элегия*», «*Воспоминание*», «*Медный всадник*», «*Демон*», «*Капитанская дочка*», «*Сказка о попе и работнике его Балде*», «*Руслан и Людмила*», «*О, сколько нам открытий чудных...*», «*Злато и булат*», «*Пир во время чумы*», «*В часы забав иль праздной скуки...*», «*Признание*», «*Нет, я не дорожу...*», «*Осень*», «*Моцарт и Сальери*», «*Борис Годунов*», «*Дубровский*», «*Дар напрасный, дар случайный...*», «*Цыганы*», «*История Пугачевского бунта*», «*Два чувства дивно близки нам*» – встречаются 1–2 раза.

В текстах священника А. Ткачева встречаются ссылки на произведения *Ф.М. Достоевского*: «*Братья Карамазовы*» – 17 раз, «*Преступление и наказание*» – 10 раз, «*Идиот*» – 9 раз, «*Бесы*» – 8 раз, «*Дневник писателя*» – 2 раза, «*Записки из мертвого дома*» – 1 раз.

Наиболее часто цитируемым произведением **Н.В. Гоголя** является поэма «*Мертвые души*» – 25 упоминаний, на втором месте повесть «*Шинель*» – 9 раз, на третьем – комедия «*Ревизор*» – 4 раза, повести «*Невский проспект*», «*Старосветские помещики*», «*Тарас Бульба*»; «*Размышления о Божественной Литургии*» представлены единично.

Таким образом, наиболее часто упоминаемыми произведениями являются поэма «*Мертвые души*» **Н.В. Гоголя**, роман в стихах «*Евгений Онегин*» **А.С. Пушкина** и роман «*Братья Карамазовы*» **Ф.М. Достоевского**.

В текстах А.Ткачева представлено множество прозаических текстов русских писателей (список составлен по частотности упоминания произведений автора в порядке убывания):

А.П. Чехова «*Степь*», «*Дом с мезонином*», «*Ионыч*», «*Пари*», «*Попрыгунья*», «*Архиерей*», «*Человек в футляре*», «*Крыжовник*» – 24 раза;

Л.Н. Толстого «*Война и мир*», «*Анна Каренина*» – 13;

Н.С. Лескова «*Загон*», «*Смех и горе*», «*Левша*», «*На краю света*», «*Однодум*» – 11;

И. Ильфа и Е. Петрова «*12 стульев*», «*Золотой теленок*» – 8;

И.А. Бунина «*Жизнь Арсеньева*», «*Окаянные дни*» – 7,

М.А. Булгакова «*Белая гвардия*», «*Собачье сердце*», «*Мастер и Маргарита*» – 6;

И.С. Тургенева «*Записки охотника*», стихотворение в прозе «*Русский язык*» – 4;

М.Ю. Лермонтова «*Герой нашего времени*» – 3;

А.И. Солженицын «*Матренин двор*», «*Один день Ивана Денисовича*» – 3;

М.А. Шолохова «*Судьба человека*» – 2;

М. Горький «*Жизнь Клима Самгина*» – 2;

Н.П. Платонова «*Душа мира*», «*Котлован*» – 2;

В. Ерофеев «*Москва-Петушки*» – 2;

И.А. Гончаров «*Обыкновенная история*» – 1;

В. Шаламов «Колымские рассказы» – 1;

И. Бабель «Одесские рассказы» – 1;

В. Шукшин «Охота жить» – 1;

М.Е. Салтыков-Щедрин «Премудрый пескарь» – 1;

В.А. Никифоров-Волгин «Солнце играет» – 1;

Н.А. Островский «Как закалялась сталь» – 1;

А. Грин «Алые паруса» – 1;

Поэзия представлена баснями и стихотворениями русских поэтов (список составлен по частотности упоминания произведений автора в порядке убывания):

И. Бродского «Строфы», «Элегия», «Любовь», «В горах», «Похороны Бобо», «На смерть Жукова», «Назидание», «На смерть Т.С. Элиота», «Виктору Голышеву», «Литовский дивертисмент», «Рождественская звезда», «Сретенье» «Письмо римскому другу», «Осенний вечер в скромном городке», «Отцу и матери (24 декабря, 1971 года)», «Одной поэтессе», «Михаилу Барышникову», «Точка всегда обозрима в конце прямой», «Письмо генералу Z» – 23 интертексты;

Ф.И. Тютчев «О чем ты воешь, ветр ночной?..», «Наш век», «Эти бедные селенья...», «Два единства», «Как океан объемлет шар земной», «Цицерон» – 18;

И.А. Крылов «Безбожники», «Ворона и лисица», «Волк и ягненок», «Пустынник и медведь», «Лиса и виноград», «Петух и жемчужное зерно», «Стрекоза и муравей», «Сочинитель и разбойник», «Гуси», «Разборчивая невеста» – 17;

О.Э. Мандельштам «Петербургские строфы», «Не искушай чужих наречий», «Я не слыхал рассказов Оссиана», «Дано мне тело – что мне делать с ним?..») – 9;

В.В. Маяковский «Левый марш», «Сергею Есенину», «Домой!», «Кем быть?», «Облако в штанах», «Что такое хорошо и что такое плохо?» – 9;

- М. Цветаева* «Уж сколько их упало в эту бездну», «Синие версты», «Уединение» – 9;
- К. Чуковский* «Айболит», «Муха Цокотуха», «Путаница», «Телефон» – 9;
- М.Ю. Лермонтова* «Прощай, немытая Россия», «Дума», «Молитва», «Тучи» – 4;
- Б. Пастернак* «Магдалина», «Во всем мне хочется дойти до самой сути...», «Рассвет» – 4;
- Н.А. Некрасова* «Размышления у парадного подъезда», «Памяти Добролюбова» – 3;
- С. Маршак* «В гостях у королевы», «Пожелание друзьям», «Шалтай-Болтай» – 3;
- Е. Евтушенко* «Братская ГЭС» – 3,
- В.А. Жуковский* «Певец во стане русских воинов» – 2;
- А. Ахматова* «Кого когда-то называли люди...» – 2;
- А. Блок* «Скифы» – 2,
- А. Тарковского* «Посредине мира», «Просыпается тело»;
- С. Есенина* «Мне осталась одна забава», «Письмо к женщине» – 2;
- В.Ф. Ходасевича* «Встаю расслабленный с постели», «Пробочка» – 2;
- М.В. Ломоносов* «Ода на день восшествия на Всероссийский престол Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» – 1;
- Г.Р. Державин* «На смерть князя Мещерского» – 1;
- Н.М. Языкова* «К ненашим» – 1;
- Е.А. Баратынский* «Мой дар убог и голос мой не громок» – 1;
- П.А. Вяземский* «Первый снег» – 1;
- П.П. Ершов* «Конек-Горбунок» – 1;
- И.А. Бунин* «Детство» – 1;
- А.В. Кольцов* «Последняя борьба» – 1;
- И.С. Никитин* «Молитва дитяти» – 1;
- Н.М. Олейников* «Таракан» – 1;

С. Михалков «А что у вас?» – 1;

А. Дементьев «Как близко друг от друга жизнь и смерть» – 1;

С. Щипачев «Любовью дорожить умеете» – 1;

В. Тушинова «Раскаяние» – 1;

А.С. Кочетков «Баллада о прокуренном вагоне» – 1.

Среди драматических произведений встречаются пьесы *А.П. Чехова* «Дядя Ваня», «Вишневый сад», *Д.И. Фонвизина* «Недоросль», *А.Н. Островского* «Бесприданница», *А.В. Вампилова* «Провинциальные анекдоты».

Русский фольклор представлен пословицами и сказками «Репка», «Колобок», «Курочка Ряба», «Царевна-лягушка», «Гуси-лебеди», «Рукавичка».

Как показывают приведенные списки, в проповедях священника *А. Ткачева* представлены отсылки к произведениям, созданным в разные исторические эпохи: начиная с античной мифологии и эпохи Возрождения, заканчивая литературой XX века. Отметим, что обращений к современной литературе в исследованных сборниках не оказалось. Примечательно, что прецедентные тексты представлены всеми родами литературы. Списки источников интертекстом наглядно демонстрируют высокий уровень эрудиции священника.

Итак, результаты количественного анализа свидетельствуют о том, что отсылки к текстам классической русской и зарубежной литературы занимают значительное место в текстах протоиерея *Андрея Ткачева*. Значительная доля интертекстуальных включений приходится на произведения русских писателей. Ядро литературных прецедентных текстов составляют хрестоматийные произведения русских писателей: *А.С. Пушкина*, *Ф.М. Достоевского*, *Н.В. Гоголя*.

3.2. Типы интертекстем в проповедях священника Андрея Ткачева

В соответствии с принятым нами определением интертекстемы, считаем возможным представить классификацию интертекстем по двум основаниям: по виду прецедентного феномена и способу его включения в текст.

Так, в авторских текстах встречаются **имена авторов произведений** в следующих комбинациях (подробные контексты перечислены в приложении 1.1 на странице 168):

– в ссылках на источники: *«Солженицын говорил»*; *«Чехов писал...»*; *«как говорил Лев Толстой...»*; *«персонаж из произведений Достоевского»*; *«у Франсуа Рабле описывается...»*; *«по словам Достоевского...»*; *«Булгаков сообщает...»*; *«Лесков пишет...»*; *«есть у Омара Хайяма четверостишие»* и многие другие;

– в имени автора в сочетании с названием произведения: *«Предисловие к басне Крылова "Ворона и лисица"...*», *«в романе Ф.М. Достоевского "Братья Карамазовы"...*»; *«у Пушкина в "Борисе Годунове"...*»; *«у того же Вампилова в "Старшем сыне"»* и многие другие;

– в имени автора в сочетании с цитатой: *«эта, по слову Лермонтова "Немытая Рассея"...*»; *«свободный, как небесные тучи в стихотворении М.Ю. Лермонтова»* и многие другие;

– в имени автора со значением нарицательного: *«сделать из человека Андрерсена»* (т.е. сказочника – примечание наше).

– в метонимической модели: *«дружба с Гоголем»*; *«читать Достоевского»*; *«Толстого махнуть страниц 150»*; *«читать Чехова, Тургенева, Бунина»*; *«чтение Тургенева или Вальтера Скотта»* и многие другие;

– в обращении к автору в диалоге: *«Ну, Венечка, ты загнул!»* (В.Ерофеев); *«Экий ты балбес, Николай Гаврилыч!»* (Н.Г. Чернышевский); *«Блажен еси, Иван Сергеевич...»* (И.С. Тургенев) и другие.

– в относительном прилагательном, образованном от фамилии писателя: *пушкинский, чеховский, дантов*.

Имена героев произведений реализуются в моделях (полные контексты представлены в приложении 1.2 на странице 171):

– в упоминании героев произведений:

– русской литературы: *Онегин, Татьяна, Владимир Ленский; Чичиков, Ноздрев, Собакевич, Плюшкин, Акакий Акакиевич; Раскольников, Сонечка Мармеладова, Мармеладов, Катерина Ивановна, Верховенский, Алеша Карамазов, старец Зосима, Лебедев, Настасья Филипповна; Анна Каренина, Вронский, Пьер Безухов; Максим Максимыч; Левша; Остап Бендер, Элочка Людоедка, отец Федор, господин Корейко; Воланд; Полигрф Полиграфович, профессор Преображенский; Ассоль* и многие другие;

– зарубежной литературы: *Али Баба, Гаргантюа, Дон Кихот, Робин Гуд, Гулливер, Фауст, Мефистофель, Пятница, Робинзон Крузо, Гамлет, Ромео и Джульетта, Дездемона, Том Сойер, Монморанси, Дориан Грей* и многие другие;

– детской литературы: *Айболит, Шалтай-Болтай, Оле-Лукойе, Снежная королева, Буратино* и многие другие;

– фольклора: *Баба Яга, Колобок, Иван-царевич, Василиса Премудрая* и другие;

– античных сюжетов: *Орфей и Эвридика, Геракл, Антей, Сизиф, Кассандра, Харон* и другие;

– в собирательных существительных, образованных от имени героев: *плюшкинство, хлестаковщина, маниловщина* и другие;

– в имени собственном со значением нарицательного: «*поколения Хлестаковых*»; «*стал не Робин Гудом, а братом дьяволу*», «*словарь Людоедки Элочки*», «*точить топор, как новый Раскольников*» и другие;

– в имени собственном в сочетании с цитатой-характеристикой (см. приложение 1.2);

– в ссылках на текст: «*словами Сальери*»; «*как говорит Полиграф Полиграфович...*»; «*Верховенский так и говорит...*»

Интертекстемы, содержащие **прецедентные высказывания (цитаты)** различаются по нескольким признакам (примеры представлены в приложении 1.3 на странице 174):

– по наличию / отсутствию трансформации:

– дословные цитаты;

– трансформированные цитаты различаются по виду трансформации:

– лексико-грамматическая с заменой слов, повлекшей за собой замену управления;

– лексическая с добавлением слова;

– лексическая трансформация с заменой слова;

– грамматическая трансформация;

– по структуре цитаты:

– словосочетании;

– полупредикативная единица;

– предложение;

– сверхфразовое единство;

– текст;

– по наличию / отсутствию атрибуции:

– с указанием автора

– с указанием, намеком на чье-либо авторство при помощи родового существительного:

– классик: *как говорил классик*;

– поэт: *как сказал поэт; говорил поэт*;

– без указания на авторство.

Интертекстемы, включающие **пересказ** известного текста, отличаются по следующим признакам (Примеры представлены в приложении 1.4 на странице 178):

- по объему исходного текста:
  - пересказ значимого фрагмента;
  - пересказ целого текста:
- по структуре интертекстуальной единицы:
  - полупредикативная единица;
  - предложение;
  - группа предложений / сверхфразовое единство.

Итак, классификацию интертекстем в проповедях о. Андрея проводим по двум основаниям: по виду прецедентного феномена и способу его включения в текст. Так, автор вводит **имена авторов произведений** в следующих комбинациях: *в ссылках на источник, в имени автора в сочетании с цитатой, в метонимической модели, в обращении по имени-отчеству в диалоге*, а также в форме *относительных прилагательных, производных от фамилий писателей. Имена героев произведений* функционируют в моделях: *в ссылке на текст, в сочетании с цитатой-характеристикой, в значении нарицательного*, а также в форме *собирательных существительных, образованных от имени героев. Интертекстемы, содержащие прецедентные высказывания (цитаты), классифицированы по нескольким основаниям: по наличию / отсутствию трансформации на дословные и трансформированные, по структуре цитаты на словосочетания, полупредикативные единицы, предложения, сверхфразовые единства, тексты; по наличию / отсутствию атрибуции на атрибутированные и неатрибутированные. Интертекстемы, которые содержат прецедентные ситуации и прецедентные тексты, включенные посредством пересказа, делятся по объему включенного текста на пересказ значимого фрагмента и пересказ целого текста, а также по структуре интертекстуальной единицы – на полупредикативные единицы, предложения, сверхфразовые единства.*

3.3 Реализация интертекстом в сильных текстовых позициях

Согласно принципу выдвижения, принятому в риторике, наиболее содержательные части текста должны выделяться таким образом, чтобы облегчить их восприятие адресатом. Чем яснее обозначена главная мысль, тем убедительнее окажется текст. Важные текстовые фрагменты могут быть помечены двумя способами: благодаря естественному положению – в начале и конце или должны быть отмечены автором специально.

В проповедях священника А.Ткачева в сильные текстовые позиции нередко введены интертексты, выполняющие различные функции, что позволяет читателю заострить внимание на значимых фрагментах текста.

3.3.1 Заглавия

И.Р. Гальперин определяет заголовок как «компрессированное, нераскрытое содержание текста, которое можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [Цит. по: Рянская, Алексеева, 2020, с. 17]. Похожее определение представлено у А.С. Салмановой, которая делает акцент на том, что заглавие «аккумулирует в себе смысл, стилистику и поэтику произведения» [Салманова, 2013, с. 74] и поэтому его можно рассматривать как ключ к пониманию текста. Согласно определению С.А. Суворовой заголовок – это «целостная единица речи, расположенная перед текстом, представляющая собой его название, указывающая на содержание этого текста и отделяющая данный текст от других» [цит. по: Рянская, Алексеева, 2020, с. 18].

Наша картотека заголовков состоит из 780 единиц, 165 из них включают в свой состав интертексты, большая часть из которых отсылают к традиционным религиозным источникам. Заголовки, содержащие

интертекстемы со сферой-источником «художественная литература», составляют всего 3% от общего количества названий, включающих прецедентные феномены, тем не менее отражают тенденцию включения литературных фактов в проповедь священником А.Ткачевым

Заглавия, содержащие прецедентные феномены, несут «прогностическую информацию» о возможном присутствии в тексте цитат и аллюзий [Кузьмина, 2007, с. 139]. По виду включенных интертекстем со сферой-источником «художественная литература» собранные нами заглавия делятся на 3 группы:

- заголовки, содержащие названия художественных произведений (знаки прецедентных текстов);
- заголовки-цитаты (прецедентные высказывания);
- заголовки, включающие имена собственные (прецедентные имена).

Рассмотрим единицы первой группы. Будучи самостоятельной единицей, знаком прецедентного текста, заголовков художественного произведения дает названия новым текстам, переходит из художественного дискурса в религиозный, сохраняясь при этом в первоизданном виде либо трансформируясь. Так, в сборниках статей и проповедей священника Андрея Ткачева встречаются тексты, озаглавленные так же, как и известные произведения художественной литературы.

1. «Сказка о репке» [Ткачев, 2014, с. 73]. В статье автор размышляет о значении мелочей в мировой истории и в жизни отдельного человека. По его мнению, именно фольклор транслирует мысль о важности мелочи: большую-пребольшую репку удалось вытянуть только тогда, когда собрались все члены семьи, в том числе и маленькая мышка. В этой сказке, по мнению автора, «можно расслышать *«Блюдите, да не презрите единого от малых сих»*». Священник проводит параллель с евангельским текстом, подтверждая истинность заложенного в сказке смысла. Пример из другой народной подтверждает сказанное священником ранее: *«Дед с бабой не разбили яйца, хотя дед «бил-бил» и баба «била-била». А вот «мышка*

бежала, хвостиком махнула, яичко упало и ... разбилось». Мораль та же. Малым не пренебрегайте».

2. *«Мертвые души»* (Н.В. Гоголь «Мертвые души») [Ткачев, 2014, с. 43]. Заголовок статьи, в которой автор рассматривает образ Павла Ивановича Чичикова, сравнивает его с другими героями: Остапом Бендером и господином Корейко. Кроме того, автор переносит черты Чичикова и на своих современников, при этом не называя никого по имени, и сопоставляет Чичикова и Иуду. Текст статьи изобилует отсылками к одноименной поэме. Вынесенный в заголовок знак прецедентного текста метафорически обобщает имена всех упомянутых автором героев.

3. *«Как пишется "Война и мир"»* (Л.Н. Толстой «Война и мир») [Ткачев, 2021, с. 118]. В данном тексте автор упоминает внешний признак прецедентного текста – то, как изменился смысл названия романа в связи с орфографической реформой 1918 года. Вынесенный в заголовок текст упоминается в основном содержании проповеди: *«Например, как правильно понимать название великого романа Толстого? Если «Война и мир», то это означает «В войну и без войны». Если «Война и мир», то «Война и общество».* Выбор романа «Война и мир» неслучаен: на примере заголовка этого произведения демонстрируются отличия дореволюционной и современной орфографии. Исключение буквы «і» привело к двусмысленности в понимании заголовка романа. Отметим, что автор не указывает читателю на отсутствие буквы «ъ» на конце слова, так как отсутствие этой буквы не повлияло на смысл заглавия.

Кроме обозначенного в заголовке, автор приводит и другие прецедентные тексты для раскрытия той же проблемы: *«Только начните переписывать прекрасные тексты на «великом и могучем» в старой орфографии, и вас ждет восторг. Кстати, «великий и могучий» при Тургеневе был именно с «твердым ером» и «эпсилоном», иначе он менее велик и не так могуч».* Словосочетание «великий и могучий» употреблено как метонимия вместо «русский язык». *«И «лес по Бунину без «ятя» уже не*

смолит в запахе» – аллюзия на стихотворение И.А. Бунина «Листопад» («Чем жарче день, тем сладостней в бору / Дышать сухим смолистым ароматом...»). Текст И.А. Бунина выбран, вероятно, по той причине, что И.А. Бунин был одним из современников реформы русской орфографии и не принял ее, продолжая писать по-старому. Кроме того, слово «лес» выбрано как пример того, как изменился графический облик слова.

4. *"Умом Россию не понять..."* (Ф. И. Тютчев "Умом Россию не понять...") [Ткачев, 2014, с. 185]. Заголовок статьи отсылает читателя к одноименному стихотворению Ф.И. Тютчева. В то же время для носителей языка выражение «Умом Россию не понять» стало самостоятельным текстом – крылатой фразой, цитируемой иронически по поводу разного рода российских несовершенств, несообразностей. Значение афоризма раскрывается в статье А. Ткачева – в содержании развиваются темы материальной бедности и духовного богатства России. Статью завершает стихотворение Ф.И. Тютчева на схожую тему «Эти бедные селенья...» и подытоживает рассуждения А. Ткачева.

5. *«Смесь гнева и мщенья. Вариация на тему «Шинели» Гоголя».* (Н.В. Гоголь «Шинель») [Ткачев, 2021, с. 145]. Текст, изобилующий цитатами из повести «Шинель», представляет собой интерпретацию данного произведения. Анализируя фрагменты текста, А.Ткачев приводит читателей к выводу о том, что нельзя причинять зло «маленькому человеку», за это неизбежно последует наказание.

6. *«Колокол, звонящий по всем»* («По ком звонит колокол» Дж. Донн / Э. Хемингуэй) [Ткачев, 2014, с. 329]. Заголовок представляет собой трансформацию заглавия романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол». Как известно, в качестве эпиграфа к роману взят текст Дж. Донна, заканчивающийся словами: «Не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе». В оригинальном тексте автор употребляет местоимение «ты». О. Андрей в названии текста обращается к обобщенному адресату при помощи местоимения «все». В тексте проповеди, посвященной теме смерти,

обозначенный прецедентный феномен повторяется. Автор говорит об ощущениях священника, только что отпевшего покойника: *«Новости по телевизору или голос певицы из радиоточки звучат для него оскорбительно. Ведь он только что услышал звон колокола, который звонил и по нем»*. В тексте приведены и другие цитаты, касающиеся темы смерти. Например, отрывок из стихотворения М. Цветаевой: *«Уж сколько их упало в эту бездну / разверстную вдали. / Настанет день, когда и я исчезну / С поверхности земли...»*. Таким образом А. Ткачев напоминает читателю-христианину о необходимости думать о смерти. Завершается стихотворением А. Дементьева: *«Как близко друг от друга / Жизнь и Смерть... / Но Небо не поделится секретом: / Кто должен быстро/ Путь свой одолеть / Измученный болезнями при этом, / А кто по жизни счастливо пройдет, / И долгой будет легкая дорога... / Мы о себе не знаем наперед. / И только просим милости у Бога»*. Стихотворение, отражающее традиционное христианское мировоззрение, приводится как итог рассуждений о смерти и как призыв во всем полагаться на Бога.

7. *«За закрытыми дверями»* [Ткачев, 2021, с. 132]. Так называется статья, в которой А. Ткачев рекомендует к просмотру экранизацию одноименной пьесы Ж.-П. Сартра. По мнению священника, пьеса является доказательством существования ада: *«...в «Закрытых дверях» он сумел живее многих других показать реальность возмездия и вечную жуть несмытой вины»*. Философ охарактеризован им как *«упертейший атеист и неумный враг благодати»*, тем не менее священник рекомендует своим читателям познакомиться с пьесой в назидательных целях: узнать, что такое ад.

Во вторую группу входят заголовки, представляющие собой цитаты из известных произведений.

1. *«Хочу учиться – не хочу жениться»* (Д.И. Фонвизин «Недоросль») [Ткачев, 2018, с. 220]. В заглавие вынесена трансформированная цитата из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль». Традиционно цитата употребляется дословно: «не хочу учиться, хочу

жениться» в отношении подростков, пренебрегающих учебой А. Ткачев уделяет в тексте внимание молодым людям, отдающим предпочтение учебе в ущерб созданию семьи, поэтому позиция отрицательной частицы изменена и фраза имеет противоположный исконному смысл. Другие отсылки к пьесе отсутствуют, цитата обозначает тему проповеди, а также метафорически именуется молодых людей, не стремящихся к заключению брака.

2. *«Куда несешься ты? Дай ответ!»* (Н.В. Гоголь «Мертвые души») [Ткачев, 2014, с. 176]. В тексте представлены рассуждения о городах современной (до 2014 г – примечание наше) Украины, о том, как менялась территория Российского государства в предыдущие века, и о том, как еще она может измениться. Заголовок отсылает читателя к окончанию первого тома поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Цитата повторяется в конце статьи А. Ткачева в сочетании с аллюзией к поэме: *«Давно уже не гремит колокольчик. И воздух отвык от свиста кучерской плетки, но рвется в ключья от железного стука и лязга. А вопрос остается тем же. «Куда несешься ты? Дай ответ». Не дает ответа»*. Вопрос, заданный Н.В. Гоголем, повторяет о. Андрей. Фраза «Не дает ответа» содержится в тексте поэмы, однако у священника отсутствуют кавычки, и фраза выглядит как авторская, священник словно «отвечает» на вопрос писателя.

3. *Как слово наше отзовется?* (Ф.И. Тютчев «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...») [Ткачев, 2015, с. 404]. В заголовке вынесена строфа из стихотворения Ф.И. Тютчева «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...». Так называется беседа на радио «Радонеж», в которой на примере басни И.А. Крылова «Сочинитель и разбойник» А. Ткачев напоминает слушателям об ответственности за каждое сказанное человеком слово. Других отсылок к указанному в заглавии стихотворению нет.

4. *«И жаждет веры, но о ней не просит...»* *Размышления об Иосифе Бродском* (Ф.И. Тютчев «Наш век») [Ткачев, 2015, с. 103]. Строкой из стихотворения Ф.И. Тютчева «Наш век» озаглавлен текст, посвященный

осмыслению творчества И. Бродского. При помощи такого заголовка автор настраивает читателя на рассмотрение личности поэта как человека, ищущего веру. При помощи цитат А. Ткачев осмысляет жизнь и творчество И. Бродского: *«Он, наверное, пожил бы дольше, и в силу того, что «поэт в России больше, чем поэт», повел бы за собой очень многих не в темный угол, а на свет, в горня. Но ... Безверием палим и иссушен / Невыносимое он днесь выносит... / И сознает свою погибель он / И жаждет веры – но о ней не просит...»*. Развернутая цитата из обозначенного в заглавии стихотворения метафорически характеризует духовное состояние И. Бродского, каким его видит священник. Текст насыщен разного рода прецедентными феноменами, относящимися к заданной в заголовке теме.

5. *«Радость тихая – дышать и жить»* (О. Мандельштам «Дано мне тело – что мне делать с ним...») [Ткачев, 2017, с. 212]. Заглавие представляет собой трансформированную цитату из стихотворения О. Мандельштама «Дано мне тело – что мне делать с ним...». Так называется фрагмент беседы с о. Андреем, в котором автор призывает людей относиться внимательно к своей жизни, замечать божественную помощь и благодарить Бога за это. В качестве примера такого отношения к жизни автор приводит цитату из обозначенного в заголовке стихотворения: *«У Осипа Мандельштама есть такие строки: «За радость тихую дышать и жить, кого, скажите, мне благодарить?» У поэта возникает желание благодарить всего-навсего за радость дышать и жить»*. Приведенная цитата повторяется в тексте, сосредотачивая в себе главную мысль и фиксируя на ней внимание адресата.

6. *«Человек – это продукт чтения»* [Ткачев, 2014, с. 15]. В начале текста А. Ткачев обосновывает выбор темы статьи и соответствующего заглавия: *«Если бы я не любил поэзию Бродского, если бы я вообще был глух к рифмованным и ритмичным звукам и сочувствовал только плотной ткани прозаического текста, то и тогда одна фраза из Нобелевской речи заставила бы меня уважать Иосифа Александровича. Он сказал: «Человек –*

это продукт чтения». То есть не меньше, чем родившая его эпоха и воспитавшие его родители, человека формируют книги». Заголовок в данном случае, кроме именованной темы выполняет функцию тезиса. В основной части статьи священник обосновывает важность чтения художественной и религиозной литературы.

К третьей группе относятся заглавия, в состав которых входят прецедентные имена:

1. *«Между Сциллой разврата и Харибдой ханжества»* (древнегреческая мифология) [Ткачев, 2014, с. 169]. Заголовок представляет собой трансформированную фразеологическую единицу «между Сциллой и Харибдой», обозначающую наличие угрозы, исходящие с двух сторон. Проповедь посвящена половому / нравственному воспитанию подростков. Автор считает, что в этом вопросе важно избежать крайностей: ханжества и разврата. Священник указывает на сложность процесса воспитания, сравнивая его с испытанием аргонатов: *«Древним аргонатам нужно было проскочить между бьющимися друг о друга скалами: Сциллой и Харибдой. Между Сциллой разврата и Харибдой ханжества нужно проплыть и нам».*

2. *«Азбука экономической грамотности. Записки Дон Кихота»* (М. де Сервантес «Дон Кихот») [Ткачев, 2014, с. 38]. Иносказательно имя Дон Кихота употребляется в значении: благородный чудаков, который действует сообразно своим убеждениям, не учитывая реальность. Автор сравнивает себя с Дон Кихотом: *«Я согласен показаться похожим на Дон Кихота Ламанчского, согласен и на неизбежные в этом случае насмешки, но все же скажу то, что думаю».* В статье автор рассматривает связь между религиозным мировоззрением и состоянием экономики общества. Сравнение себя с Дон Кихотом – указание наивности собственных рассуждений.

3. *«Проект “Робинзон”»* (Д. Дефо «Робинзон Крузо») [Ткачев, 2017, с. 224]. Заголовок отсылает читателя к сюжету романа Д. Дефо «Робинзон Крузо», в котором европеец оказывается на необитаемом острове и выживает там при помощи вещей, принесенных с корабля, потерпевшего бедствие. В

статье священник, апеллируя к сюжету романа, метафорически осмысляет судьбу Американского континента. По мнению о. Андрея, *«литература предугадывает шаги всемирной истории»*.

4. *«Моисей и Акакий Акакиевич»*. (Н.В. Гоголь «Шинель») [Ткачев, 2017, с. 86]. В заголовке представлены два имени собственных. Моисей – имя ветхозаветного пророка, выведшего евреев из Египта, Акакий Акакиевич – имя главного героя повести Н.В. Гоголя «Шинель». Основанием для сопоставления этих имен становятся рассуждения автора о кротости: истинной и ложной. По мнению А. Ткачева, воплощением кротости в представлении обычного человека является гоголевский персонаж: *«Кроткий человек в нашем понимании – это человек незаметный, такой «Акакий Акакиевич», который говорит: «Зачем вы меня обижаете?»*. В основной части статьи священник опровергает такое обывательское представление о кротости и приводит в качестве примера истинного смирения пророка Моисея.

5. *«Священное плюшкинство»* (Н.В. Гоголь «Мертвые души») [Ткачев, 2019, с. 98]. В основе заголовка имя героя поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», ставшее нарицательным. Обычно именем Плюшкина называют человека, одержимого патологической скупостью, страстью к собирательству и хранению бесполезных вещей. Плюшкинство» – собирательное существительное, обобщающее таких людей, указывающее на тенденцию к стяжательству. Это существительное в сочетании с прилагательным «священное», представляющие собой оксюморон, предлагают читателю два варианта развития событий. Автор-священник либо поощряет тенденцию к собиранию священных предметов, либо порицает. В заголовке представлены два слова с противоположной оценочной семантикой, при помощи чего создается интрига: какое из значений перевесит.

6. *«Найти священника-Айболита»* (К.Чуковский «Айболит») [Ткачев, 2019, с. 38]. В заголовке заключена отсылка к сказке К. Чуковского

«Айболит». Глагол «найти» употреблен в форме инфинитива, но обозначает призыв, побуждение к действию. С образом Айболита знаком каждый читатель, это безотказный доктор, спешащий на помощь тому, кто его позовет. Такими же качествами, по мнению автора, должен обладать и священник. Значение заглавия раскрывается в содержании статьи: о. Андрей желает найти *священника-Айболита*, то есть иметь дело с бескорыстным священником, готовым помочь в любую минуту.

7. «Чехов в супермаркете» [Ткачев, 2014, с. 57]. Заголовок построен на нарушении сочетаемости слов. Это нарушение двоякое: хронологическое и стилевое. С одной стороны, Чехов – писатель, живший в начале XX века, супермаркет – реалья настоящего времени. С другой стороны, имя Чехова относится к сфере литературы, культуры, слово «супермаркет» – к повседневной, бытовой сфере. Так о. Андрей озаглавил рассказ, в котором главным героем является А.П. Чехов, оказавшийся в современном супермаркете.

Таким образом, интертекстемы, включенные в заголовки, непосредственно связаны с основным содержанием проповедей. В основном тексте содержится обоснование вынесения той или иной интертекстемы в заголовок. В большинстве из них содержатся цитаты: высказывания и одноименные заголовки художественных текстов. Прецедентные феномены метафорически раскрывают темы, затронутые в статье, служат выражением авторской позиции по той или иной проблеме.

3.3.2 Эпиграфы

Традиционно эпиграф определяют как цитату, которую автор ставит перед всем произведением или перед отдельными его фрагментами. Необязательность эпиграфа подчеркивает его особую значимость в понимании смысла произведения.

Эпиграф и заглавие как компоненты, предваряющие основной текст, тесно связаны между собой и образуют единый «семантический, стилистический, ассоциативный комплекс» [Кузьмина, 2007, с. 145] и чаще всего находятся в отношениях последовательного уточнения. В.А. Кухаренко считает основной функцией эпиграфа разъяснительную, поскольку он раскрывает значение заголовка, даже если не содержит в своем составе заглавных слов. [Кухаренко, 1988, с. 98]. Кроме того, выделяют и содержательную функцию: в эпиграфе предоставляется два типа информации: об авторе-творце, выбирающем цитату для эпиграфа из определенной совокупности текстов, и информацию о следующем за эпиграфом тексте [Кузьмина, 2007, с. 148]. Сведения о тексте классифицируются в зависимости от того, о какой стороне его организации сообщает автор. Содержательно-фактуальная информация заключается в том, что эпиграф задает тему, которая раскрывается в следующем за ним тексте, содержательно-концептуальная – в том, что эпиграф выявляет основную идею произведения. Содержание эпиграфа прогнозирует основные тематические, сюжетные, концептуальные аспекты текста.

Рассмотрим примеры эпиграфов, представленных в проповедях священника А. Ткачева.

К тексту «*Умом Россию не понять...*» [Ткачев, 2014, с. 185] в качестве эпиграфа взяты стихи неизвестного автора: «*Ехали мы, ехали по большой России / Видели мы, слышали разное в пути. / Было безобразное, было и красивое, / Многого не поняли, как тут ни крути*». Эпиграф соотносится с заголовком, обнаруживая лексические повторы: «*Россию*», «*по России*» и «*не понять*», «*не поняли*». Эпиграф усиливает значение заголовка, настраивая читателя на восприятие темы текста: непонятная, загадочная Россия.

В сборнике статей и проповедей «Мы вечны. Даже если этого не хотим 2» автором выделен раздел «Жития святых». В тексте «*Победоносный воин Георгий*» [Ткачев, 2014, с. 532] эпиграф из стихотворения М. Цветаевой

«Синие версты»: *«Синие версты / И зарева горние! / Победоносного / Славыте – Георгия!»*. В данном комплексе, образованном заглавием и эпиграфом, присутствует повтор словосочетания «победоносный Георгий». Суть заголовка и эпиграфа, о какой именно победе идет речь, раскрывается при прочтении текста: автор сообщает только о мучениях святого и стойкости его духа. Имеется в виду не военная победа, а духовная: претерпев мучения, Георгий стал святым. Так, эпиграф, с одной стороны служит средством выражения авторского отношения к святому, о котором пойдет речь, с другой стороны, выступает в качестве призыва к читателю почитать святого Георгия.

Два или более эпиграфа к одному произведению Н.А. Кузьмина рассматривает как особый тип эпиграфов [Кузьмина, 2007, с. 145]. В таком соположении цитат значительно изменяются диалогические отношения в тексте: кроме диалога «Эпиграф – текст под эпиграфом» появляется взаимодействие между избранными автором цитатами: «два сопоставленных чужих высказывания, касающихся одной и той же темы (мысли), неизбежно вступают друг с другом в диалогические отношения» [Бахтин, 1986, с. 293]. Эти отношения можно охарактеризовать как эквивалентные.

Пример – эпиграфы к статье *«И жаждет веры – но о ней не просит»*, посвященной размышлениям о судьбе Иосифа Бродского. Первый эпиграф: *«Не плоть, а дух растлился в наши дни, / И человек отчаянно тоскует...»* взят из стихотворения Ф.И. Тютчева «Наш век» – того же текста, откуда взят заголовок. Второй эпиграф – строка из стихотворения И. Бродского «Письмо генералу Z»: *«Плохо, ежели мир вовне изучен / тем, кто внутри измучен»*. Глагольный ряд заголовка и эпиграфов: «жаждет – не просит – растлился – тоскует – изучен – измучен» настраивает читателя на определенное восприятие судьбы И. Бродского. Указанные лексемы создают образ уставшего человека, находящегося в поиске смысла жизни и вызывающего у читателя сострадание.

В тексте «*Читатель и друг*» два эпитафия. Первый из стихотворения Е. Баратынского «Мой дар убог, и голос мой не громок...»: «*И как нашел я друга в поколенья, / Читателя найду в потомстве я*». Второй – из романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина: «...*Уселся он – с похвальной целью / Себе присвоить ум чужой*». В данном случае отношения между эпитафиями диалогические. Первый приведен как слова писателя, в них содержится повтор слов заголовка «читатель» и «друг». Второй эпитафия представлен как ответ на первый.

Цитаты в качестве эпитафия соотносятся с названиями текстов, способствуют раскрытию темы, выражают авторское отношение к предмету проповеди и настраивают читателя на определенное восприятие текста.

3.3.3 Начало и конец текста

Начало и конец – сильные текстовые позиции, в которых содержится обоснование темы и подведение итогов соответственно. Традиционно конец проповеди содержит призыв к молитве или рекомендацию к исправлению образа жизни христианина.

Рассмотрим тексты, содержащие интертексты в начале и конце проповеди. Проповедь «Священное плюшкинство» [Ткачев, 2019, с. 98–100] А. Ткачев начинает с напоминания читателям главы из поэмы «Мертвые души»: «*Помните, когда Плюшкин открывал чернильницу, из нее вылетала муха. Чернил там давно не было, а были надкушенные пряники, которые лежали там десятилетиями, какие-то листы писчей бумаги, исписанные с одной стороны. Много всего, что по отдельности вроде бы нужно, но все вместе лучше бы вынести во двор и сжечь, и вымыть потом дом мокрой тряпкой, чтобы стало легче дышать. Так же у некоторых православных*». Схожее явление в отношении священных предметов автор описывает при помощи слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, объединяя их в

предложения с однородными дополнениями, подражая стилю Н.В. Гоголя: *«Пирамиды просфорок, неизвестно с каких святынь свезенных, твердых, как камень. Сотни бутылочек с маслицем, уже позабыто, откуда взятых, с каких лампадок, с каких соборований? Множество разных фотографий, веревочек, крестиков, цветочков с креста с прошлого года, вербочка с Вербного воскресенья с позапрошлого года и так далее и тому подобное»*. А.Ткачев порицает такое отношение к святыням и называет его *«священным плюшкинством»*. Так, напоминание соответствующей главы поэмы, подражание стилю писателя подводит читателя к теме проповеди – правильное отношение к православным святыням.

Проповедь «И вновь продолжается бой» [Ткачев, 2017, с. 13–17], заглавие которой отсылает к одноименной известной песне (слова Н. Добронравова), начинается с включения текста басни И.А. Крылова «Безбожники» (см. приложение 2.1 на странице 180).

В данном фрагменте автор сочетает пересказ сюжета с цитированием значимых с точки зрения воздействия на адресата фрагментов басни. Наиболее важными оказываются строки с обвинением богов в несправедливости и иллюстрация наказания. Остальные сюжетные элементы автор пересказывает своими словами. Кроме того, А. Ткачев обращает внимание читателя на обстановку создания цитируемого текста, характеризует особенности эпохи, а также указывает на истинность суждений И.А. Крылова. Басня в этом контексте представляется, с одной стороны, как актуальное предостережение обществу, с другой – определяет тему проповеди: богоборчество и его последствия.

Начиная статью «Европа» [Ткачев, 2015, с. 136–137], А. Ткачев рассказывает читателям миф о похищении Европы Зевсом (приложение 2.2 на странице 180), согласно которому Зевс явился к Европе в образе быка.

В статье автор осмысляет судьбу континента Европы и ее значение в мировой истории. Мифологический рассказ в данном контексте

подготавливает читателя к восприятию темы, а также становится свидетельством важности содержания текста.

Проповедь «Блуждать или идти» [Ткачев, 2014, с. 432–436] посвящена теме блуда и брака. Автор приводит примеры верности и предательства в супружеских отношениях, не высказывая собственной позиции по затронутой проблеме. Отношение священника проявляется в цитате, приведенной в финале текста: *«С любимыми не расставайтесь, / Всем сердцем прорастайте в них. / И каждый раз на век прощайтесь, / Когда уходите на миг»*. Строфа из стихотворения А.С. Кочеткова «Баллада о прокуренном вагоне» обобщает приведенные примеры, демонстрирует авторскую позицию. Кроме того, благодаря глаголам в повелительном наклонении, выступает в качестве призыва – традиционного для проповеди окончания текста.

В проповеди «Место встречи» [Ткачев, 2014, с. 243–246] автор уделяет внимание проблеме малочисленности православных храмов в современных городах. Автор завершает текст напоминанием басни И.А. Крылова «Гуси», в которой мальчик-пастух гнал непослушных гусей, хвастающихся тем, что их предки спасли Рим от гибели (см. приложение 2.3 на странице 181). Словами басни А. Ткачев указывает на то, что современные люди часто гордятся благочестием предков, но не стремятся им подражать. Священник это осуждает и призывает свою паству брать пример с предыдущих поколений. Фрагмент басни, приведенный в конце проповеди, отражает позицию священника по затронутой в основном содержании проповеди проблеме и подкрепляет призыв к действию.

Проповедь «Сила разжатой ладони» [Ткачев, 2021, с. 191–196] начинается с пересказа сюжета романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». О. Андрей напоминает читателю суть теории Раскольникова: *«Родион Раскольников решил испытать: тварь ли он дрожащая или право имеет. То есть, сможет ли он построить свою будущую жизнь, переступив через кровь ненужного, как ему кажется, человека»*. Высказывает

отношение к автору – Ф.М. Достоевскому: *«Достоевский показывает, что взявший в руки топор одной кровью не обойдется... Это очень важный момент, это прозорливые слова»*. Ключевая мысль, выделенная о. Андреем в романе соотносится с заглавием текста: *«Раскольников жил в аду до тех пор, пока он не помог семье чиновника Мармеладова, раздавленного лошадью, не организовал похороны, не отдал все деньги, которые у него были, и не познакомился с Соней. То есть, как только он начал отдавать и помогать кому-то, он впервые почувствовал, что жизнь к нему вернулась»*. По мнению автора, один из смыслов романа «Преступление и наказание» заключается в том, что милосердие имеет огромную пользу для того человека, который его оказывает, с его помощью личность исправляется и преображается. Из всего многообразия смыслов, заключенных в романе, А. Ткачев выбирает одну мысль, которая определяет тему проповеди: духовная польза милостыни. Раскрывая эту тему, автор приводит многочисленные примеры того, что богатство не приносит человеку счастья, а милостыня воодушевляет и придает смысл жизни.

В конце проповеди автор возвращается к мысли, обозначенной в начале: *«Достоевский, когда писал про Раскольникова, знал, о чем пишет. Он знал истину: отдай – и будешь жить»*. Начало и конец текста обрамляют две мысли. Первая, основная, обозначает тему: благоприятное влияние милостыни на душу человека на примере Раскольникова. Вторая: Ф.М. Достоевский – авторитет для о. Андрея в духовной жизни. Такое отношение к писателю выражено при помощи лексем *“прозорливый”*, *“истина”*. Введение в один текст интертекстом из одного прецедентного текста организует оригинальную кольцевую композицию проповеди. Так, вводя прецедентный текст в начало, автор, обосновывает выбор темы проповеди, в конце автор представляет читателям художественный текст как нравственный ориентир.

Текст *«Николай и духи страны восходящего солнца»* [Ткачев, 2015, с. 33–40] посвящен проповедническому подвигу святителя Николая Японского.

Для погружения читателя в контекст японской культуры о. Андрей начинает текст следующим образом: *«Японский писатель Рюноскэ Акутагава был уверен в том, что христианству в его стране не победить. В рассказе «Усмешка богов» духи являются католическому миссионеру и ломают его волю, убеждают вернуться обратно на родину. Эти духи вышли из глубинных пластов японской культуры, подобно прибрежному песку поглотившей все набегавшие волны чужеземных влияний»*. Через пример из японской литературы автор демонстрирует читателю те сложные условия, в которых оказался свт. Николай. Япония представляется страной с многовековой языческой культурой, крайне враждебной христианству. Для усиления ощущения вражды автор спрашивает: *«Кто может выйти против древнейшей культуры? Каким оружием сразиться с древними духами?»*. Дальнейший текст – житие святителя Николая Японского – отвечает на поставленные вопросы.

Обозначена характеристика японской культуры: складывающееся веками язычество. Главная сема «долгий процесс» подкрепляется в основной части многочисленными семантическими повторами, но уже в отношении святителя Николая: *«Проповедь Евангелия в Японии предварилась для свт. Николая Японского многолетним и всесторонним изучением самой Японии...»*. *«Поэтому и свт. Николай Японский мне мил со всей своей мужественной неспешностью и терпеливым постоянством»* и др.

Конец текста содержит традиционный проповеднический элемент – нравственное приложение: призыв, подкрепляемый японским хокку: *«В общем, нужно жить постепенно и настойчиво, восходя снизу вверх, как жил свт. Нико[р]ай (в японском нет звука «л»). Жить так, как говорится в одном классическом стихотворении: О, улитка! Взбираясь к вершине Фудзи, можешь не торопиться»*. В призыве повторяются важные для смысла текста слова «постепенно и настойчиво», теперь обращенные к читателю. Приведенное в конце текста хокку усиливает значение семантических повторов и подводит итог сказанному: указанные качества

долгого, постепенного труда нужны для достижения высокой цели – Царства Небесного. Роль художественных текстов в данной проповеди заключается в погружении читателя в инокультурный контекст и подкреплении побуждения к действию.

Итак, функции интертекстем различаются в зависимости от занимаемой в тексте позиции. Интертекстемы, входящие в состав заглавий выполняют следующие функции:

- 1) *номинативную* – озаглавливают проповедь, называют тему;
- 2) *интригующую* – значение заголовка раскрывается при прочтении текста;
- 3) *указательную* – указывают на возможное наличие в тексте интертекстем;
- 4) *смыслообразующую* – способствуют раскрытию замысла автора;
- 5) *информативную* – содержат объективную информацию о включенном тексте;
- 6) *воздействующую* – узнаваемый прецедентный феномен обращает внимание читателя и побуждает к прочтению текста.

Интертекстемы, которые содержат разного рода прецедентные феномены, введенные автором в начале текста, становятся материалом для обоснования темы проповеди. Автор выбирает из художественного текста одну мысль, которая обосновывает выбор темы проповеди. Интертекстемы, содержащиеся в конце текста, обобщают сказанное и выполняют функцию призыва к нравственному совершенствованию.

3.4 Полифункциональные интертекстемы в основной части текста

Прием интертекстуального построения текста, который заключается в социокультурной, когнитивной и структурной переработке чужого текста и вторичном применении его в качестве обозначения различных реальных

событий, героев, сюжетов и вымышленных персонажей вслед за С.И. Сметаниной будем называть «цитатным письмом». В таком случае цитаты используются в функции метафорической номинации лица или ситуации.

Примером служит прецедентное имя – *«Айболит»*, встречающееся у о. Андрея в разных контекстах:

Пример 1. *«Помните «Айболита» Чуковского? Он же не только для детей на самом деле написан, но и для взрослых тоже «Добрый доктор Айболит, он под деревом сидит, приходи к нему лечиться и корова, и волчица, и жучок и червячок, и медведица!..» Самые разные звери приходят к этому Айболиту. И он точно не ругает их. Он же не говорит зайчику: «Паразит, чего ж ты лазил по трамвайным путям!» Он просто его лечит»* [Ткачев, 2019, с. 39]. О. Андрей, приводя цитату и комментируя ее, указывает на те качества, которыми должен обладать священник: безотказность и безоценочное принятие обратившегося за помощью человека.

Пример 2. *«Они приходили к нему с раннего утра, как в сказке про доктора Айболита, с разными болячками, и он отдавал им – как мамка, как нянька и кормилица – все свое время» (о докторе Ф.П. Гаазе)* [Ткачев, 2015, с. 67]. В данном примере именем сказочного доктора о. Андрей характеризует личность доктора Ф.П. Гааза, подчеркивая такие его качества, как безотказность и бескорыстие.

Пример 3. *«Тогда мы сможем, например, неожиданно распознать в себе черты средневекового человека, или черты явного язычника, который воспринимает Бога как "Айболита", но вовсе не Бога как Личность»* [Ткачев, 2017, с. 15]. Тут священником порицается восприятие человеком Бога как безотказного помощника.

Пример 4. *«Предположим, человек стал сказочно богат, получив большое наследство. Что он будет делать? Как Анжелика Джולי – или доктор Айболит – поедет в Африку кормить и лечить бедных детей? Да*

ничего подобного!» [Ткачев, 2021, с. 193]. В данном контексте сказочный доктор вновь является примером бескорыстного служения людям.

Пример 5. *«.. сказав о Враче душ и телес, я невольно вспоминаю детскую сказку о добром докторе Айболите. Это типичный пример творчества внутри христианской парадигмы. Беспомощные и безнадежно больные зверушки ждут не дождутся спасителя, который, преодолевая массу препятствий, движимый любовью, приходит к ним в далекую Африку – «и ставит, и ставит им градусники»* [Ткачев, 2014, с. 224]. Здесь о. Андрей, вспоминая сюжет сказки К. Чуковского, видит в ней Евангельскую историю. Как доктор Айболит преодолевает препятствия, чтобы помочь больным животным, так и Иисус Христос претерпевает скорби и мучения, чтобы спасти людей от ада. Таким образом, сказка о докторе Айболите получает новую христианскую интерпретацию.

Во всех примерах Айболит – безотказный помощник, что обеспечивает инвариант восприятия, однако каждое контекстное употребление добавляет к оценке образа героя различные оценочные значения, создавая вариативные смыслы.

Имя *Татьяны Лариной* – героини романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина упоминается автором в разных контекстах в сочетании с цитатой.

Пример 1. *«Это раньше люди поступали, как Татьяна, сказавшая Онегину: "Но я другому отдана и буду век ему верна". <...> Так же и Маша Дубровскому говорит: "Поздно, я обвенчана". Сегодня ни для кого не будет препятствием венчание, чтобы переступить через совесть»* [Ткачев, 2017, с. 165].

Пример 2. *«А пока даже о таких исконно русских душах, как пушкинская Татьяна, можно было сказать лишь так: Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала / и выражалась с трудом / На языке своем родном, / Итак, писала по-французски...»* [Ткачев, 2015, с. 46–47].

Пример 3. *«Я должен напомнить нам с вами, что многие из наших великих людей читали первые книжки по-французски <...> про Татьяну Ларину Пушкин в «Онегине» пишет: «Она по-русски плохо знала, журналов наших не читала, и выражалась с трудом на языке своём родном»* [Ткачев, 2016, с. 148].

В примере 1 героини романов А.С. Пушкина: Татьяна Ларина и Маша Троекурова для автора – эталоны женской верности. В примерах 2 и 3 приводятся похожие контексты: имя Татьяны Лариной служит примером представительницы русского дворянства начала XIX века, в совершенстве владеющей только французским языком.

Иллюстрируя увлеченность дворян начала XIX века западноевропейскими идеями, автор приводит в пример Владимира Ленского: *«Начиная с Ломоносова, у нас многие учились в Германии. Тот же в «Онегине» Владимир Ленский – он «с душою прямо геттингенской», он из Геттингена приехал, «Он из Германии туманной привез учености плоды»* [Ткачев, 2016, с. 152].

Представляя читателю этот же факт в негативном свете, автор приводит в качестве примера другое прецедентное имя – Хлестаков, имеющее отрицательную коннотацию: *«целые поколения Хлестаковых учили французский для писания любовных записок, а не для чтения, скажем, Расина»* [Ткачев, 2015, с. 48]. В данном примере Хлестаков как имя нарицательное представляет "легкомысленных дворян".

То же имя следующем примере выполняет другую функцию: *«Не только ведь Хлестакову из страха статус завышают грешники, не только антихриста за благодетеля принимают и поспешно коронуют. Христа тоже не узнают»* [Ткачев, 2015, с. 652]. О. Андрей вновь проводит параллель между произведением художественной литературы и текстом Священного Писания. По его мнению, сюжет комедии «Ревизор» имеет некоторое сходство с сюжетами Апокалипсиса Иоанна Богослова и Евангелия от Луки.

В текстах о. Андрея имя Остапа Бендера встречается в следующих контекстах:

Пример 1. *«Если люди не умеют читать, разучились думать, анализировать текст, писателю придется **переквалифицироваться в управдома, как Остапу Бендеру**»* [Ткачев, 2015, с. 357].

Пример 2. *«Кто-то (о священниках) трижды женился, кто-то зло осквернился, кто-то просто устал служить и решил **переквалифицироваться, как Остап Бендер, в управдомы**, а мы всю эту разношерстную армию дезертиров поместили добрым словом "выгоревшие" и дружно их жалеем»* [Ткачев, 2017, с. 54].

Пример 3. *«А кто-то мечтает о первой исповеди, **как мечтал Остап о Рио-де-Жанейро**: мечтает долго и бесполезно, без надежды на осуществление, потому что боится сделать последний шаг и склониться перед аналоем»* [Ткачев, 2020, с. 185].

В примерах **1** и **2** описаны варианты одной ситуации – смены профессиональной деятельности, ассоциирующиеся у автора с поведением Остапа Бендера. В примере **3** мечта Остапа Бендера о Рио-де-Жанейро становится символом бездействия.

В другом тексте как знак несбыточной мечты автор использует иное прецедентное имя: *«Новый грандиозный храм, подобный старому, на месте плавательного бассейна на "Кропоткинской" – это еще недавно чистая **Маниловщина**»* [Ткачев, 2016, с. 101]. Обычно маниловщиной иронично именуют нереализуемые, бесплодные мечтания. Однако в данном контексте это слово лишено иронической коннотации, поскольку автор намекает на Советский период российской истории, когда строительство храмов было невозможным.

Символом беззаботной жизни представляется в речи о. Андрея Стрекоза из басни И.А. Крылова, чей образ жизни описан узнаваемыми строками:

Пример 1. *«Некрасивой девчонке Господь может дать хорошего мужа и крепкую семью. А красивая стрекоза может все лето жизни ходить по рукам, пока зима в глаза не покатит (читайте Крылова)»* [Ткачев, 2021, с. 27].

Пример 2. *«Мать двоих, троих детей подобна тому муравью, к которому стрекозы, лето красное пропевшие, приходят за хлебом»* [Ткачев, 2014, с. 173].

Пример 3. *«Идеал современного общества гедонистический, то есть направленный на получение наслаждений. <...> Для вдумчивости, жертвенности, самоограничения, самовоспитания просто не остается места. И слова об этом звучат, как гортанная речь чужеземца. Не жизнь, а просто какая-то **попрыгунья стрекоза** во вселенских масштабах»* [Ткачев, 2014, с. 307–308].

В примере 1 стрекоза – условная красивая девушка, ведущая легкомысленный образ жизни; в примере 2 стрекозами автор называет детей, ведущих беззаботный образ жизни, в отличие от матери, проводящей день в домашних заботах. В примере 3 степень обобщения увеличивается: попрыгунья-стрекоза становится символом беззаботного образа жизни всего человечества.

Имена героев литературных произведений в текстах отца Андрея Ткачева нередко служат для характеристики духовного состояния современного человека: *«Мы не отдаем себе отчета в том, что современный, даже крещеный человек – это дикарь, **Пятница Робинзона Крузо**, и фактом крещения и ношения крестика на шее отнюдь не сразу переходит в разряд просвещенных людей»* [Ткачев, 2014, с. 17]. Имя **Пятница** у носителей языка ассоциируется с дикарем, живущим на далеком острове, не подозревающим о цивилизации, чего не скажешь о современном человеке. Однако автор находит сходство между современниками и Пятницей в том, что они, по его мнению, не знают основ христианской веры.

Множество текстов религиозного дискурса посвящено теме греха. Авторы призывают признать их, покаяться в них, избавиться от них и т.д. В одной из своих проповедей о. Андрей описывает действие греха на душу человека, проводя аналогию с известным сюжетом романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера»: *«Наши страсти связали нас тысячей паутинок. И мы лежим, как Гулливер, связанный лилипутами. Каждая их веревка для нас в отдельности смешна. <...> Но собранные вместе, паутинки становятся канатами»* [Ткачев, 2014, с. 281].

В другом примере автор описывает образ действия бесов, сравнивая его с действием троянского коня: *«Они (бесы) воюют с нами именно в этом направлении для того, чтобы мы пустили внутрь себя врага, как **троянского коня** в душевный дом, и потеряли, в конце концов, и благодать, и веру, и надежду вечной жизни»* [Ткачев, 2018, с. 61].

В тексте, посвященном такому явлению в жизни христианский святых, как «бегство от мира», «уход в пустыню» для избавления от страстей, автор говорит о том, что, именно оставшись наедине с самим собой, человек может увидеть свои грехи, и проводит параллель с известным текстом мировой литературы: *«Только в пустыне возможна настоящая встреча человека с самим собой, настоящий взгляд Дориана Грея на свой **портрет**»* [Ткачев, 2014, с. 497]. Сходство в том, что образ жизни героя романа отражался не на его теле, а на портрете. Так и человек, живущий в миру, по мнению автора, не обращает внимания на последствия своих действий. И, только уединившись, человек может распознать свои грехи и оценить их последствия.

Прецедентная ситуация искушения Фауста Мефистофелем приводится о. Андреем как предостережение человеку, отдающему приоритет науке: *«Если только учиться, то чего доброго, к пытливой душе, как к **Фаусту**, явится **Мефистофель**»* [Ткачев, 2015, с. 152].

В другом примере эта же ситуация приводится в аналогии с библейским текстом: *«Интересно, что книга (Иова) раскрывается прологом*

на *Небесах*. Этот литературный прием заимствовал Гете для своей трагедии *"Фауст"*. Это произведение тоже открывается прологом на *Небесах* – *избранием Фауста. Мефистофель искушает его, как сатана искушал Иова*» [Ткачев, 2021, с. 96].

Прецедентные имена актуализируют соответствующий текст и выступают символом определенной ситуации. Например, пересказывая сюжет фильма, о. Андрей характеризует его как историю о Ромео и Джульетте: *«Я недавно смотрел фильм о трагической любви одного еврея и шотландки. <...> Такая своего рода история Ромео и Джульетты XIX века – все в итоге заканчивается плохо»* [Ткачев, 2018, с. 10]. Читателю становится ясно, что речь идет о несчастной любви, вражде родителей и смерти героев.

Прецедентное высказывание, так же, как и имя, являясь знаком прецедентного текста или ситуации, является готовым метафорическим символом и используется при описании разных реальных ситуаций.

Так, о. Андрей в проповедях нередко затрагивает темы, касающиеся исторической судьбы России. Отношения с другими странами и народами автор характеризует, проводя аналогию с сюжетом басни И.А. Крылова «Волк и ягненок»: *«Что такого мы сделали? Да ничего не сделали, конечно же! Но: "молчи, щенок, устал я слушать, – сказал – волк ягненку, – ты виноват уж тем, что хочется мне кушать". И в темный лес ягненка поволок»*. Здесь мы имеем дело с иррациональными отношениями. Доказать человеку, что ты хороший, невозможно. *"Как смеешь ты мутишь питье мое своим нечистым рылом?!"* Вот и говорит волк в этой басне ягненку: *"Ты и в прошлом году этим занимался!.." – "Так я только пару месяцев назад родился", – оправдывается бедняжка. – "Так это был твой брат иль сват". – "Нет братьев у меня". – "Молчи! Вы все мне всегда вредите, и вы, и ваши пастухи. устал я слушать. Досуг мне разбирать вины твой, щенок... и в темный лес ягненка поволок". С ненавистью к России примерно так же»* [Ткачев, 2017, с. 283]. Сравнение России с ягненком

неслучайно: ягненок, агнец олицетворяет Иисуса Христа и его жертву. Таким образом, о. Андрей намекает, что причина нелюбви других стран к России кроется в приверженности России к традиционным христианским ценностям.

Оценивая влияние такого исторического события, как Крещение Руси, автор сравнивает Россию с кораблем и расширяет это сравнение при помощи цитаты из стихотворения А.С. Пушкина «Осень»: *«Удобнее всего сравнить тот исторический поворот (Крещение Руси) с изменением курса большого корабля: **Вот паруса надулись, ветра полны, / Громада движется и рассекает волны**»* [Ткачев, 2014, с. 555].

В другом контексте автор приводит готовое поэтическое сравнение России с кораблем и развивает его при помощи собственных метафор: *«Россия – большой корабль. Когда-то **Мандельштам** писал: "**Чудовищна, как броненосец в доке, Россия отдыхает тяжело**". Россия – большой корабль. То она дышит всеми соплами, стоит в доке, то готова выйти в плавание, то загнивает, стоя на месте приписки. Сегодня плывет. Плывет корабль и плывет»* [Ткачев, 2017, с. 108–109].

О. Андрей приводит поэтическое описание российской природы для сравнения Родины со странами Европы.

Пример 1. *«В это время в Европе уже возникают первые университеты, уже есть Сорбонна, например, во Франции. <...>А у нас нет ничего. Мы очень простые. Эта скудная природа, / Эти бедные селенья – / **Край родной долготерпенья, / Край ты русского народа.** (Ф. Тютчев). Ничего примечательного. И вдруг – Сергей»* [Ткачев, 2017, с. 116].

Пример 2. *« ... монашество родилось на Востоке, где можно спать на земле, потому что земля теплая.<...> А монашество на Руси, ее юродство, ее иночество – это совершенно другая история. ... на земле не поспишь: уже начиная с Покрова, снежок выпадает. До мая месяца холодно, а "**наше северное лето – карикатура южных зим**". Мы в холодных странах живем. И монашество у нас трудническое. Оно вынуждено работать»* [Ткачев, 2017, с. 113–144].

В примере 1 приведена цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...» для усиления контраста между уровнем развития образования в Европе и в России. В примере 2 при помощи известного высказывания из романа «Евгений Онегин» удастся создать противопоставление в описании климатических условий юго-восточных стран и России. По мнению автора, различия в климатических условиях стран определяют различие монашеского образа жизни в них.

О. Андрей сообщает читателю о распространенной в среде православных святых практике оставления мира, ухода в пустынное место для духовного совершенствования. Подчеркивая необходимость такой практики и для обычных людей, автор приводит слова из стихотворения М. Цветаевой: *«Нужна сознательная отстраненность от дел мира, хотя бы на малое время. Так, как в стихах сказано: Уединение. Уйди / В себя, как в прадеды – в феодалы. / Уединение. В груди / Ищи и находи свободу. (М. Цветаева)»* [Ткачев, 2015, с. 312]. Приводя данную цитату, автор заостряет внимание читателя на цели уединения – видении человеком своих грехов для последующего освобождения от них.

Время поста для христианина сродни уходу монахов в пустыню, так как предполагает отказ не только от некоторых видов пищи, но и от развлечений. Указывая на важность ограничений, о. Андрей подкрепляет свои слова цитатами из романа «Евгений Онегин»:

Пример 1. *«Да и каждому книголюбу известно то состояние, при котором хочется, подобно Онегину, ...полку с пыльной их семьей / Задержать траурной тафтой»* [Ткачев, 2014, с. 143].

Пример 2. *«Должно исчезнуть всё, развращающее вкус и портящее одновременно зубы и желудок (о детском посте). Кстати, и телевизор на время поста было бы недурно завешивать «траурной тафтой».* [Ткачев, 2014, с. 237].

Пример 3. *«Телевизор следует убрать на какие-то главные моменты: первая неделя поста, Крестопоклонная неделя, Страстная неделя.*

Занавесить его траурной тафтой, как Онегин занавесил полку с книжками: "И полку с пыльной их семьей задернул траурной тафтой"». [Ткачев, 2018, с. 107].

В примере 1 цитата передает ощущения человека, уставшего от чтения. Во втором и третьем примерах автор имеет в виду вынужденное воздержание от просмотра телепередач во время поста. Таким образом, инвариантное значение “отказаться на время от чего-либо, ограничить себя” получает контекстные смысловые приращения.

Духовное состояние современного человека о. Андрей характеризует строкой из стихотворения Ф.И. Тютчева: *«Между тем современная культура презирает воздержание, но тоскует человек не меньше. Не плоть, а дух растлился в наши дни, И человек отчаянно тоскует... Сказано в XIX веке. С тех пор тоска умножилась»* [Ткачев, 2014, с. 84]. Цитатой автор описывает особое состояние тоски, присущее человеку вообще, независимо от эпохи, в которую он живет.

Равнодушие автор иллюстрирует стихами М.Ю. Лермонтова: *«Большинство из нас гнусны и гнилы потому, что грешат и каются вполсилы, кое-как. Лермонтов писал однажды: И ненавижим мы, и любим мы случайно, / Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви. И царствует в душе какой-то холод тайный. / Когда огонь кипит в крови. Лермонтов в этих строчках вторит Апокалипсису. Господь упрекает неких людей за то, что они ни горячи, ни холодны»* [Ткачев, 2014, с. 553]. Цитата, с одной стороны, характеризует человеческое равнодушие, с другой стороны, соотносится со словами Апокалипсиса, в котором такое состояние осуждается.

Процесс богопознания священник иллюстрирует несколькими способами, используя разные цитаты:

Пример 1. *«Дайте человеку, как говорил один из персонажей Н.С. Лескова, "до Христа дочитаться", и вы сделаете его прежний образ жизни невозможным»* [Ткачев, 2015, с. 93].

Пример 2. *«У Пастернака есть стихотворение о потере и обретении веры: Ты значил все в моей судьбе. / Потом пришла война, разруха, / И долго-долго о Тебе / Ни слуху не было, ни духу. / И через много-много лет / Твой голос вновь меня встревожил. Всю ночь читал я Твой Завет / И как от обморока ожил»* [Ткачев, 2017, с. 43].

Пример 3. *«Может даже случиться нечто, сказанное об Алеше в романе Ф.М. Достоевского "Братья Карамазовы". "Алеше казалось даже странным и невозможным жить по-прежнему. Сказано: "Раздай все и иди за Мной, если хочешь быть совершен". Алеша и сказал себе: "Не могу я отдать вместо "Всего" два рубля, а вместо "иди за Мной", ходить лишь к обедне"»* [Ткачев, 2015, с. 94].

Приведенные примеры демонстрируют разные стороны процесса богопознания. Пример 1 указывает способ достижения цели со ссылкой на авторитет Н.С. Лескова, пример 2 иллюстрирует сам процесс. Цитата подчеркивает, что зачастую для должного богопознания необходимо пройти через тяжелые жизненные испытания. Пример 3 описывает возможный результат этого процесса – осознанное желание человека жить по божественным заповедям.

Одной из центральных тем в проповедническом творчестве о. Андрея Ткачева является любовь между супругами. Для раскрытия этой темы приводятся строки известных поэтов о любви:

«О любви нужно говорить апофатически, если не языком богословия, то хотя бы языком поэзии, в духе известного стихотворения: Любовь – не вздохи на скамейке / и не гулянья при луне...» [Ткачев, 2015, с. 198] – в примере при помощи цитаты из стихотворения С.П. Щипачева «Любовью дорожить умеете...» автор акцентирует внимание на ответственности, которая должна сопровождать это чувство.

По мнению священника, жена должна быть всегда рядом с мужем, что подтверждается цитатой из романа «Евгений Онегин»: *«Нужно быть рядом*

*(жене) при любой возможности, как у Пушкина: **И бегала за ним она, / Как тень или верная жена***» [Ткачев, 2018, с. 257–258].

Состояние влюбленности священник иллюстрирует цитатой из поэмы В.В. Маяковского «Облако в штанах»: *«Если люди полюбил друг друга в юности, у них есть такое некое сильное чувство, как **в стихах Маяковского: "скажите маме – у меня пожар в сердце"***» [Ткачев, 2018, с. 212].

В другом примере священник описывает схожее состояние при помощи цитаты из стихотворения А.С. Пушкина «Нет, я не дорожу...»: *«Бывают случаи, когда люди влюбляют в себя, так сказать, другую свою половину, как Пушкин писал: **"И оживляешься потом все боле, боле, и делишь, наконец, мой пламень поневоле!"***» [Ткачев, 2018, с. 29].

Не менее важной темой, которую затрагивает о. Андрей в своих проповедях, является воспитание детей, особое внимание священник уделяет подросткам. Так, строкой из стихотворения О. Мандельштама автор характеризует физическое состояние молодых людей

Пример 1. *«Он усидеть на месте не может, у него энергии куча, а он не знает, чем заняться, как Мандельштам говорит: **Дано мне тело, – что мне делать с ним, / Таким единым и таким моим?..***» [Ткачев, 2018, с. 48].

Пример 2. *«Юношеский возраст – время особенно тяжелое. Ты один на один с врагами, умножающимися день ото дня. Как у Мандельштама: **Дано мне тело, Что мне делать с ним?***» [Ткачев, 2014, с. 52].

Пример 3. *«Нужно знать об этом всякому, конечно же, взрослому человеку, но молодым людям в особенности. Поскольку у Мандельштама написано: **Дано мне тело – что мне делать с ним, Таким единым и таким моим?***» [Ткачев, 2018, с. 94– 95].

Примеры **1 – 3** иллюстрируют применение автором одной и той же цитаты в похожих речевых ситуациях, обозначая избыток физической энергии в юности.

В подобном контексте, характеризуя духовное состояние подрастающего поколения, о. Андрей приводит и другую цитату – из стихотворения П. Вяземского, известного широкому кругу читателей по роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: *«Это половозрелые дяди и тети (школьники-подростки), которые в силу отсутствия опыта житейского, набиты всякими помыслами. Им хочется все узнать. Они, как сказал поэт: "И жить торопятся, и чувствовать спешат", они находятся в зоне риска»* [Ткачев, 2018, с. 276].

Продолжая разговор о подростках, об их потенциальном девиантном поведении, автор приводит слова Тараса Бульбы, сказанные сыну Андрию, как символ наказания: *«Они начнут и красть, и убивать, и прелюбодействовать. И некому будет сказать святую фразу из Гоголя: "Я тебя породил, я тебя и убью"»* [Ткачев, 2018, с. 95].

Одной из важнейших тем религиозного дискурса является жизненный путь человека и итог, к которому он приходит. Так, фраза «остаться у разбитого корыта» функционирует в языке в значении “остаться ни с чем; претерпеть крах всех своих надежд” Эта же мысль подчеркивается в в следующих фрагментах проповедей о. Андрея.

Пример 1. *«Угодно Богу, чтобы человек в результате стремлений к непоколебимому счастью выработал свой интеллектуальный и физический ресурс, придя в конце к разбитому корыту»* [Ткачев, 2015, с. 285].

Пример 2. *«Чтение женских журналов, доверчивое отношение к голосам ток-шоу или общественного мнения, раболепные оглядки на западный опыт, на «их» нравы приведут человека туда, куда привела старуху из сказки неумная спесь – к разбитому корыту»* [Ткачев, 2014, с. 315].

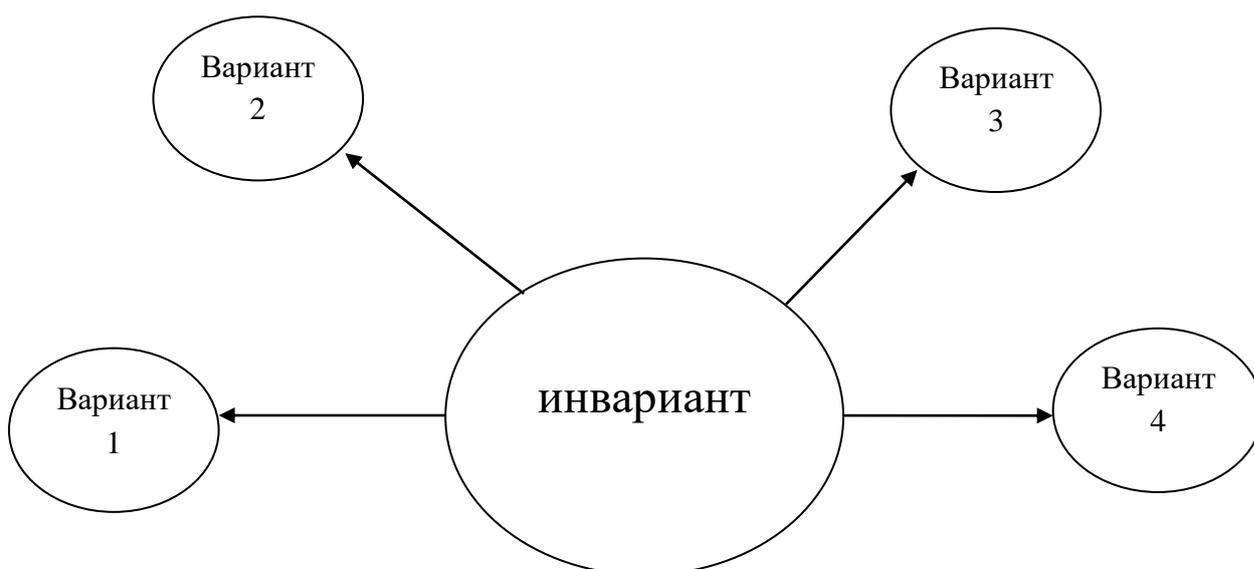
В другом контексте «разбитое корыто» – синоним бедности, состояния, в котором человек не проявляет своих греховных наклонностей: *«В «Сказке о рыбаке и рыбке» у Пушкина старухины страсти спят, пока корыто разбито, а в перспективе – безвылазная бедность. Стоит же*

пойти в гору – откуда что берется? Ненасытность, гордость, спесь. Эти грехи не пришли снаружи. Они ожили внутри» [Ткачев, 2015, с. 54].

Комплекс знаков прецедентного текста «Сказка о рыбаке и рыбке» позволяет автору метафорически передать обобщенное представление о жадной, ненасытной неблагодарной женщине: *«Просто иначе, если не будет тяжело, любая женщина захочет быть **владычицей морской**. Ты ей принеси новое **корыто**, а она захочет рубленую избу. Ты ее из избы переведи в каменный дом, а она захочет быть **дворянкой столбовой**, а потом – **царицей**, а потом захочет **золотую рыбку** на посылках иметь» [Ткачев, 2018, с. 45].*

В приведенных примерах многие из прецедентных имен и высказываний употреблены в разных контекстах, сохраняя при этом инвариантную сему и реализуя дополнительные оттенки значений. Функционирование таких интертекстов в проповедях священника можно представить в виде схемы:

Схема «Реализация значений интертекстемы в тексте»

Количество вариантов реализации интертекстемы, указанное в схеме, является условным и может быть неорганичным.

Итак, интертекстемы, введенные в основное содержание проповеди обладают высоким функциональным потенциалом. Этот вид интертекстем, выполняющих функцию метафорической номинации. Одна и та же единица, включенная в разные тематические контексты, сохраняет инвариант восприятия, реализуя различные оттенки значений. Будучи средством актуализации прецедентной ситуации, прецедентные имена могут выполнять герменевтическую функцию, то есть быть средством толкования Священного Писания и материалом для объяснения реалий и явлений духовной жизни.

3.5 Комплексный анализ интертекстуальных связей в текстах протоиерея Андрея Ткачева

Ученые определяют интерпретацию художественного произведения как вид вторичного текста либо как вид интертекстуальности, поскольку текст-источник становится стимулом создания нового текста. Изучение текстов-интерпретаций художественного произведения позволяет изучить не только специфику языка автора-интерпретатора, но и может являться методом анализа художественного текста.

В лингвистике существует несколько подходов к изучению художественного текста. Первый «внутритекстовый» – «текст рассматривается как целое, обладающее рядом специфических категорий, от части к целому, а также в функционально-смысловом аспекте – с позиций композиционно-смысловых типов речи, особенностей оформленности содержания» [Исаева, 2013, с. 8–10].

В рамках подходов «от текста к автору» и «от текста к обстановке создания осуществляется функционально-прагматическая модель. Четвертый вектор-подход «от текста к читателю» является базовым для герменевтико-интерпретационного направления изучения текста. Для этого подхода особое значение приобретает осмысление текста как сложной единицы, обладающей

не только вербально оформленным содержанием, но и универсальными художественными смыслами, которые реализованы специфическими текстовыми и нетекстовыми средствами.

Воспринимая эти знаки, читатель строит «свой текст». Такой аспект изучения художественного текста представлен в границах модели «от текста к постановке его создания», «от текста к автору». В этом случае читатель в анализируемом тексте выявляет, с опорой на собственный «вертикальный контекст» и лингвистическую пресуппозицию, смысловые возможности различных собственно и несобственно текстовых видоизмененных единиц различных уровней, при этом интерпретируется как внутри, так и вне текста концептуализированная информация.

Реинтерпретируемость, как отмечает Ю.Н. Караулов, является обязательным свойством прецедентных текстов, обусловленным их общеизвестностью и хрестоматийностью. Прецедентные тексты «перешагивают рамки искусства, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств (драме, поэзии, опере, балете, живописи, скульптуре), становясь тем самым фактом культуры в широком смысле слова и получая интерпретацию у новых и новых поколений» [Караулов, 2010, с. 106]. Применительно к нашему материалу, можно сказать, что классическое произведение преодолевает рамки художественного дискурса и воплощается в проповеди, становясь материалом для объяснения духовных законов и назидания людей в вопросах веры.

Так, о. Андрей, интерпретируя художественные тексты, формирует у своих читателей концепцию восприятия определенного текста. Если исходный текст известен, то адресат достраивает сложившийся ранее концепт прецедентного текста, принимает открытые им смыслы, встраивая их в общее представление о тексте. Если же фоновые знания о тексте у читателя отсутствуют, автор формирует представления о тексте, задает направление восприятия и осмысления текста в соответствии с христианскими ценностями.

Интерпретация художественного текста в основе проповеди (статьи) – характерная текстообразующая стратегия протоиерея Андрея Ткачева. К таким текстам относятся статьи *«Мертвые души»*, *«Город. Тюрьма в гирляндах»*, *«Помазанные цивилизацией»*, *«Как слово наше отзовется?»*, *«Школа роста»*, *«Сказка о реке»*, *«Апостол Петр»*, *«Память не горит»*, и многие другие.

Проанализируем некоторые из них.

«Мертвые души» [Ткачев, 2014, с. 43–50].

Заголовок, повторяющий название одноименной поэмы Н.В. Гоголя, настраивает читателя на то, что дальнейший текст будет содержать отсылки к обозначенному художественному тексту.

В начале текста автор актуализирует фоновые знания читателя в три этапа:

1. Вопрос: *Знаете ли вы Павла Ивановича?*

2. Описание внешности: *«Какого спросите? Ну как же! Милейшего человека средних лет, приятного общения, не то чтобы толстого, но и не совсем худого. Не очень высокого, но вовсе и не низкого. Неужели не вспомнили?»*

3. Восклицание: *«Да Чичикова же!»*

Основу статьи составляет анализ образа Чичикова. Автор транслирует читателю свое видение героя: *«Чичиков – это русский капиталист периода первого накопления капитала. Его главная черта – умение делать деньги из воздуха»* – и выделяет главное его качество – страсть к деньгам.

Опираясь на выделенное качество, автор проводит ряд сопоставлений Чичикова с некоторыми персонажами русской литературы и библейским Иудой по модели «А=Б»

1. Чичиков = Иуда: *«Иудину страсть к деньгам назвал корнем всех зол ещё святой Павел. Деньги открывают доступ ко "всем тяжким", и именно за это ценятся. В последней главе первого тома "Мертвых душ",*

там, где впервые сообщаются подробности биографии Чичикова, не зря говорится, что деньги наш герой любил не сами по себе».

2. Чичиков ≠ скупой рыцарь: «Он не был скупым рыцарем, и вообще рыцарем не был. Жизнь в нищете и ежедневные походы в подвал, где в бликах сального огарка в сундуках мерцает золото, были не по нём».

3. Чичиков = Филипп Македонский: «Он скорее бы поставил подпись свою под фразой Филиппа Македонского, сказавшего, что осёл, гужённый золотом, откроет ему ворота любой крепости».

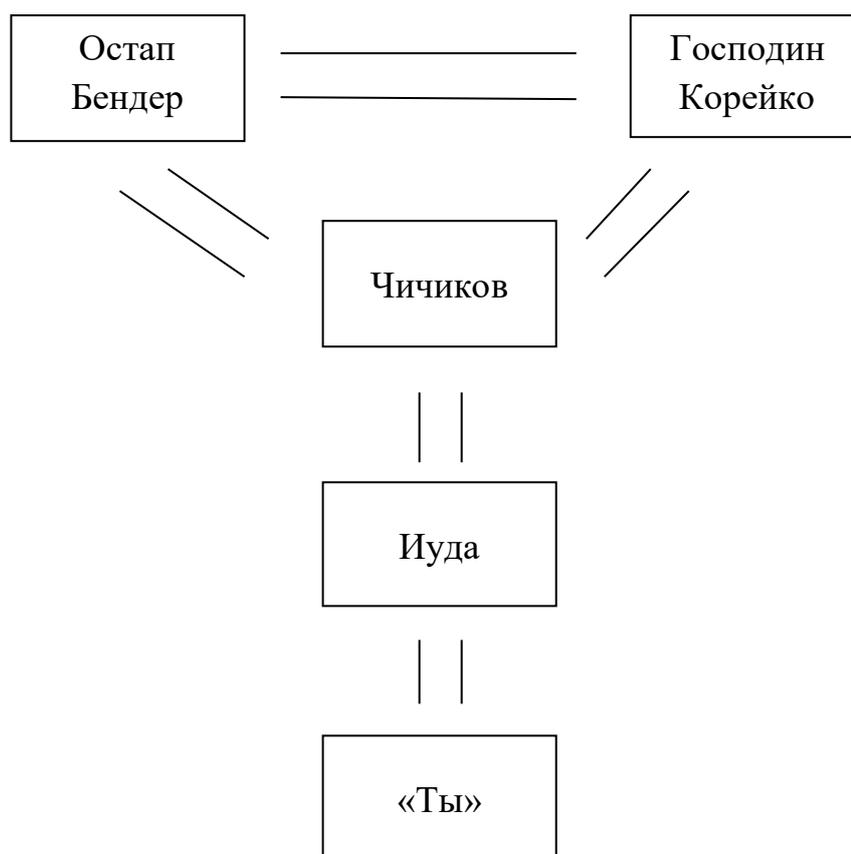
4. Чичиков = Иуда = «ты»? : «И в тебе, и во мне есть часть души Иудиной», – так говорит в одной из проповедей на Страстной седмице Иустин Попович. Гоголь говорит примерно то же. Стоит проверить себя – нет ли и во мне частицы Павла Ивановича»

5. Чичиков = Остап Бендер: «Чичиков воскрес на страницах творений Ильфа и Петрова. Как и в начале "Мёртвых душ", в начале "12-ти стульев" главный герой приходит в уездный город N в поисках авантюрных и лёгких заработков. Правда, заходит он пешком, а не въезжает на бричке, и под штиблетами у него нет носков, но это – дань отшумевшему лихолетью. А так - перед нами всё тот же пройдоха, умеющий делать деньги из воздуха».

6. Чичиков = Господин Корейко: «Господин Корейко из "Золотого телёнка" – это ведь тоже Чичиков. Это сребролюбец и ловкач, который скрывается под образом мелкого служащего, как и сам Пал Иваныч когда-то, но не потому, что стремится обогатиться, а потому, что не может воспользоваться уже накопленным (читай – наворованным) богатством».

Упомянутые автором персонажи сравниваются по признаку «отношение к деньгам» и выстраиваются в смысловую схему:

Схема «Сопоставление персонажей в статье “Мертвые души”»

На наш взгляд, цель сопоставления героев, установление сходства между ними, сопоставление предложений: *«И в тебе, и во мне есть часть души Иудиной»* – *«нет ли и во мне частицы Павла Ивановича?»* – заключается в обращении к читателю – характерный для стиля проповеди призыв слушателей к самоанализу, но в отличие от традиционной проповеди скрытый.

Автор проводит и другой ряд сопоставлений «Чичиков = современный мошенник»:

1. *«Уж не являются ли "Мертвые души" настольной книгой у творцов ваучерной приватизации, дефолтов, купонов, бартерных схем – словом, у тех, кто обогатился в известные времена за одну ночь или за неделю, оставив народ с фигурой из трех пальцев?»*

2. *«Мы пережили целый многолетний период чичиковщины, с различными "МММ", с обманом вкладчиков, с быстрым обнищанием сотен тысяч людей и обогащением единиц».*

3. *«Он (Чичиков) теперь торгует не мёртвыми плотниками и кузнецами, а живыми девушками для чужих борделей».*

В приведенных примерах реализуется метафорическое значение имени «Чичиков», «чичиковщина» как синоним предприимчивого махинатора.

В тексте встречается ряд прецедентных имен, актуализирующих знания адресата о поэме «Мертвые души»:

«С тех пор как бричка с кучером Селифаном умчалась из города N, Павел Иванович никуда не исчез» – отсылка к концу поэмы;

«Он понял, что Собакевичи и Маниловы нуждаются в сохранении для грядущих потомков» – напоминание о фоновых героях поэмы;

«Маниловы или сыновья их сделали дядями Ванями, и стук топора, вырубавшего вишневый сад, возвестил о новом историческом периоде» – в данном примере имена выступают как символы представителей дворянского сословия, прецедентная ситуация из другого известного текста (А.П. Чехов «Дядя Ваня») – как символ исторических перемен.

Итак, текст насыщен прецедентными феноменами не только из обозначенной в заголовке поэмы «Мертвые души», но из других произведений русской литературы: романов «12 стульев», «Золотой теленок» И.Ильфа и Е. Петрова, пьесы «Вишневый сад» А.П. Чехова, трагедии «Скупой рыцарь» А.С. Пушкина. «Главным» текстообразующей интертекстемой является прецедентное имя «Чичиков», остальные феномены выступают своего рода фоном для осмысления библейского героя Иуды и раскрытия идеи текста – призыва читателя к рефлексии. В статье автор демонстрирует знания как сюжетов русской литературы, так и навыки анализа и интерпретации произведений. В результате знакомства с текстом адресат получает нестандартную трактовку образа Иуды как

сребролюбца, а не как предателя, а также новые представления об известных литературных героях.

В основе проповеди *«Помазанные цивилизацией»* [Ткачев, 2014, с. 96–102] интерпретация романа У.Дж. Голдинга «Повелитель мух».

Это произведение вошло в школьную программу изучения литературы недавно, и может быть незнакомо старшему поколению читателей о. Андрея. В связи с этим в начале текста автор знакомит читателя с писателем: *«Английский писатель Уильям Джеральд Голдинг еще при жизни стал классиком. Его роман «Повелитель мух» в 1983 году был удостоен Нобелевской премии. Книга – подлинный шедевр мировой литературы»*. Оценочные слова «классик», «шедевр», факт получения автором Нобелевской премии – средства убеждения адресата в авторитетности малоизвестного текста.

Свидетельством того, что автор представляет читателю текст как неизвестный, являются следующие речевые действия:

– объяснение замысла произведения: *«В 1954 году У. Голдинг хотел написать книгу о том, как весело бы резвилась группа мальчишек, попади они случайно на необитаемый остров, где нет ни учителей, ни родителей»;*

– оценка в сравнении с более известным текстом, схожим по сюжету: *«Весь роман Дефо есть жуткая ложь о человеке»... – «Старина Голдинг куда правдивее»;*

– сравнение сюжета романов «Робинзон Крузо», «Повелитель мух» с библейским текстом (см. приложение 3.1 на странице 182).

Общим в сюжетах романов «Робинзон Крузо» и «Повелитель мух» является место действия и ситуация попадания европейца (-ев) на необитаемый остров. Отличие в поведении людей в аналогичных условиях: Робинзон – труженик и миссионер, герои У. Голдинга – дикари. Сходство в сюжетах Библии и «Повелителя мух», по мнению А. Ткачева, в наличии двух путей развития – надежде на спасение и вере в него и самостоятельное действие без веры во взрослых / в Бога.

Комментируя фрагменты романа, о. Андрей прибегает к использованию прецедентных феноменов из других источников:

1. Высказывание: *«Тот древний язычник, сказавший: «**Познай себя самого**», был мудрее нас, познающих все, что угодно, лишь бы, не **“повернуть глаза зрачками в душу”**»*. Данная фраза – контаминация высказываний – античной надписи на стене храма Аполлона в Дельфах и цитаты из трагедии У. Шекспира «Гамлет» в переводе Б. Пастернака.

2. Имена: *«Спасибо Голдингу, он наотмашь хлещет лгуна **Руссо** и не оставляет от него (а значит, от **Толстого** и многих других) камня на камне»*. В данном контексте прецедентные имена не только выступают как имена собственные, но и отображают мировоззрение писателей. Такое значение реализуется и за счет того, что автор статьи вступает с ними в полемику: *«Человек, говорите вы, по природе хорош, нужно лишь избавиться его от лжи культуры, города и цивилизации? Вот вам «хороший» человек на лоне природы – прочитайте «Повелителя мух»»*.

Роман У. Голдинга «Повелитель мух» – главный смыслообразующий компонент данной проповеди, на его материале священник разъясняет читателю суть человеческой природы, поверженной грехом. Введение дополнительные интертексты из других литературных источников служат материалом для сравнения и комментирования приведенных фрагментов романа.

Представленные тексты имеют схожее композиционно-семантическое интертекстуальное поле, представленное в схеме:

Схема «Интертекстуальное поле проповеди»

В проповеди прецедентный текст автор вводит посредством цитирования или пересказа избранных, соотносящихся с заданной темой фрагментов, интерпретирует его, включая иные прецедентные феномены из других художественных текстов. Обширные фоновые знания о. Андрея позволяют путем проведения аналогий, обобщений, сравнений собственно литературных фактов представить адресату собственное авторское толкование избранного художественного произведения. Кроме того, исходный текст интерпретируется с точки зрения христианского мировоззрения. Такой разносторонний анализ, включающий обращения к художественному тексту, что является отступлением от классического церковного стиля изложения, приближает проповедь к адресату, позволяя не давать готовых выводов, а только подводить к ним.

Художественный текст «*Чехов в супермаркете*» [Ткачев, 2014, с. 57–64] представляет собой «фантастический» рассказ, главным героем которого является А.П. Чехов. Элемент вымысла заключается в том, что умершего А.П. Чехова отпустили на один на землю посмотреть, как живут люди в XXI веке.

Текст начинается с описания внешности героя: «*Невысокий, аккуратно, но старомодно одетый человек стоял в одном из столичных супермаркетов между полок с товарами. На нем был хороший костюм из английского сукна, белоснежным был накрахмаленный воротничок, а взгляд умных глаз из-под пенсне был озадаченным и несколько тревожным*». Автор указывает черты внешности писателя: *костюм, белоснежный воротничок, пенсне*, знакомые адресату по портретам А.П. Чехова в школьных учебниках. Общее впечатление от внешности писателя о. Андрей характеризует чеховской же цитатой: «*В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли*».

По сюжету рассказа герой А.П. Чехов находится в супермаркете и наблюдает за происходящим вокруг. Эти наблюдения напоминают писателю отрывки из созданных им же текстов. Соответствие наблюдений героя и цитат-ассоциаций представлено в приложении 3.2 на странице 183.

Цитаты, приведенные о. Андреем как ассоциации к житейским ситуациям, с одной стороны, являются свидетельством правдивости суждений А.П. Чехова, с другой – это способ акцентирования внимания читателя на важных фрагментах текста.

Статья «*И жаждет веры, но о ней не просит... Размышления об Иосифе Бродском*» [Ткачев, 2014, с. 103–114] насыщена большим количеством прецедентных феноменов со сферой-источником «художественная литература». Прецедентные феномены представлены в сильных позициях:

1. В заголовке: первая часть заглавия представляет собой цитату из стихотворения Ф. И. Тютчева «Наш век». Предваряя имя поэта, о котором

пойдёт речь в статье, стихотворения строка настраивает читателя на восприятие особого рода информации о поиске веры и душевных терзаниях И. Бродского.

2. В эпитафиях: статью предваряют два эпитафия. Первый: *«Не плоть, а дух растлился в наши дни, / И человек отчаянно тоскует...»* – начало стихотворения Ф. И. Тютчева «Наш век» и второй: *«Плохо, ежели мир вовне / изучен тем, кто внутри измучен»* – отрывок из стихотворения И. Бродского «Письмо генералу Z» подкрепляют заданный заголовком настрой на восприятие текста.

3. В начале статьи: *«Мир искусства похож на группу островов, населенных сиренами, мимо которых обязан проплыть каждый Одиссей, возвращающийся на родину. Проплыть мимо этих сладкозвучных убийц неведомо можно лишь залепив уши или привязавшись к мачте. Первое случается чаще. <...> А вот имеющий уши слышать эти песни обязан привязаться к мачте, чтобы не присоединиться к тем, чьи кости белеют по всему острову. Мачта есть Крест, им же мне мир распяся и аз миру. Только привязавшись к этому Дереву можно (хотя и не без мук и терзаний) проплыть мимо, наслушавшись вдоволь «грустных песен земли».*

Текст начинается комплексом метафор, созданных при помощи апелляции к прецедентному тексту – гомеровской поэме «Одиссея»: здесь острова, населённые сиренами – жанры искусства, Одиссей – человек, воспринимающий искусство, залепить уши воском значит не понимать искусство. Далее метафорический перенос усложняется, перекликаясь с библейским текстом: *привязаться к мачте, мачта есть Крест, им же мне мир распяся и аз миру* – автор считает, что правильное восприятие искусства возможно только с опорой на христианские ценности. Кроме того, человека, способного понимать искусство, священник обозначает библейской фразой *«Имеющий уши слышать»*. *Грустные песни земли* – произведения искусства. Таким набором метафор автор вводит читателя в основную часть статьи.

4. В конце текста священник подводит итог своим размышлениям о судьбе И. Бродского, вводя его же стихи: *«Вот они, написанные в память Элиота, лишь перефразированные к памяти Бродского. Тот Петербург, где он родился, Венеция, где он лежит, унылы стоят по сторонам его могилы. И туч плывут по небу корабли. Но каждая могила – край земли»*. (И. Бродский «На смерть Т.С. Элиота»).

Прецедентные феномены, введённые в сильные текстовые позиции, расставляют акценты на важных частях текста, сообщают авторское отношение к И. Бродскому, настраивают читателя на определённое восприятие его творчества.

Анализируемая статья насыщена прецедентными феноменами не только в сильных позициях, но и в основной части. Так, приведенные в начале прецедентные тексты: миф о сиренах и стихотворение И. Бродского «Письмо генералу Z» повторяются в середине статьи. *«В начале было сказано о том, что поэзия подобна сирене. Она может петь без слов, вкладывая всю соблазнительную силу страсти в голос, его переливы и модуляции, в мелодию и прочее. Поэзия Бродского, при своей кажущейся интеллектуальности, есть песнь ни о чём»*. Метафорическая оценка поэзии И. Бродского – логическое завершение группы метафор, приведенных в начале. В подтверждение своей позиции о. Андрей пересказывает содержание стихотворения «Письмо генералу Z»: *«поэт долго препирается с генералом, прежде чем сорвать погоны и отказаться воевать. Стихотворение завораживает смелостью, страстью, но вот оказывается, что «генерал» взят поэтом как рифма к слову «умирал», а потом, того больше — генерала, оказывается, «нет в природе». Речь обращена ни к кому. Поэт настолько одинок, что даже ругаться ему не с кем»*.

«Среди всех тех, кто в это время (XX век) «памятник себе воздвиг нерукотворный», «непокоренная глава» Бродского — самая высокая и самая одинокая». Строкой из стихотворения А. С. Пушкина «Памятник» автор объединяет всех поэтов и писателей XX века.

«Свою поэзию распада он щедро разметал по всему миру. И она разлетелась, иногда как жемчуг, но чаще — как осколки того зеркала, которое уронили тролли». Согласно сказке Г.Х. Андерсена, осколки разбитого троллями зеркала искажали предметы, на которые через них смотрели, всё становилось уродливым. Так, автор оценивает стихи И. Бродского как искажающие реальность.

«Поэт тоскует, отчаивается, постоянно возвращается к мысли о неизбежности смерти и как-то между делом не забывает упражняться в «науке страсти нежной, которую воспел Назон». Перечисляя темы творчества И. Бродского, тему любви автор иллюстрирует цитатой из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

«Он, наверное, пожил бы дольше, и в силу того, что «поэт в России больше, чем поэт», повел бы за собой очень многих не в темный угол, а на свет, в горня. Но...Безверием палим и иссушен, / Невыносимое он днесь выносит... / И сознает свою погибель он, / И жаждет веры — но о ней не просит... Цитатой «поэт в России больше, чем поэт» о. Андрей обозначает способность поэзии влиять на умы людей, четверостишием из стихотворения Ф.И. Тютчева «Наш век» описывает состояние души И. Бродского.

В другом примере священник характеризует душевное состояние поэта, сравнивая его с героем романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: *«Присосавшаяся к душе, отравляющая жизнь, воистину проклятая «нирвана» для русской души Бродского-еврея была сущим адом. И он верил, что сам ад не может быть хуже, как и Свидригайлов верил, что в вечности его ждет чулан, затянутый паутиной».*

Статья насыщена интертекстами, содержащими прецедентные феномены разного вида как в сильных, так и в нейтральных текстовых позициях. Посредством введения интертекстом актуализированы все сильные текстовые позиции: заглавие, два эпиграфа, начало и конец текста. В основной части статьи интертексты позволяют акцентировать внимание

читателя на значимых фрагментах текста. Особенностью данной статьи является двукратное обращение автора к нескольким текстам: «Одиссее» Гомера, стихотворению Ф.И. Тютчева «Наш век», стихотворению И. Бродского «Письмо генералу Z».

Проповеди, основанные на интерпретации художественных текстов, содержат первичный текст в виде цитат и пересказа значимых фрагментов; содержат прецедентные феномены, различные по форме и функциям; осмысляют художественный текст в соответствии с христианским мировоззрением; содержат соотнесения первичного текста с библейским; демонстрируют отсутствие явно выраженного призыва, в отличие от классической проповеди. Прагматическая цель таких текстов соответствует цели классической проповеди – назиданию в вопросах христианской веры.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3

Проведенный нами анализ интертекстуальных единиц в текстах протоиерея Андрея Ткачева позволяет заключить:

1. В проповедях и статьях протоиерея Андрея Ткачева преобладают ссылки на традиционные для религиозного дискурса тексты: Книги Священного Писания, жития святых, труды святых отцов и современных церковных иерархов – и составляют в сборниках проповедей от 43% до 92%. Вторым по значимости источником интертекстуальности являются произведения классической русской и зарубежной литературы. Содержание таких интертекстем в сборнике проповедей составляет от 5% до 42% от общего числа интертекстуальных включений и зависит от тематической направленности сборника. Соотношение интертекстем, отсылающих к прецедентным текстам русской и зарубежной литературы, составляет 73% к 37% соответственно. Ядро прецедентного фонда текстов – 35% – составляют тексты *А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского*, из зарубежной литературы большинство интертекстем представлено обращениями к *античной мифологии* и пьесам *У. Шекспира*.

2. Согласно принятому нами определению, интертекстема – это текстовая единица, включающая прецедентный феномен в качестве отсылки к другому тексту посредством цитирования или пересказа. Поэтому классификация интертекстем в проповедях о. Андрея проводится по двум основаниям: по виду прецедентного феномена и способу его включения в текст.

Так, автор приводит два типа *прецедентных имен*. К первому типу относятся *имена авторов произведений*, встречающиеся в ссылках на источник, в сочетании имени собственного с цитатой, в обращении к автору по имени-отчеству, в метонимической модели, а также в относительных прилагательных, производных от фамилий писателей. Ко второму типу относятся *имена героев произведений*, реализующиеся в

ссылках на текст, в сочетании имени собственного с цитатой-характеристикой, в имени собственном со значением нарицательного, а также в собирательных существительных, образованных от имен героев. Интертексты, содержащие **прецедентные высказывания – цитаты**, классифицированы по нескольким основаниям: по наличию / отсутствию трансформации на *дословные и трансформированные*, по структуре цитаты на *словосочетания, предложения, сверхфразовые единства, тексты*; по наличию / отсутствию атрибуции на *атрибутированные и неатрибутированные*. Интертексты, которые содержат **прецедентные ситуации и прецедентные тексты**, введенные посредством *пересказа*, делятся по объему включенного текста на *пересказ значимого фрагмента и пересказ целого текста*, а также по структуре интертекстуальной единицы на, *предложения, сверхфразовые единства*.

3. Интертексты могут быть представлены **в сильных позициях текста**: заглавии, эпиграфах, начале и конце. В структуру **заголовка** входят названия *известных художественных текстов, стихотворные и прозаические цитаты, имена авторов и героев произведений*. Интертексты, образующие заголовок, выполняют несколько **функций**: *номинативную* – метафорически называют тему проповеди, *указательную* – указывают на возможное наличие интертекстем в тексте, *смыслообразующую* – полностью или частично отображают содержание текста, *интригующую* – значение интертекстемы в заголовке становится ясным при прочтении текста. **Эпиграф**, поясняя заглавие, образует единый с ним семантический комплекс, поэтому реализует схожие с заглавием функции. Введенные в **начало текста** интертексты обеспечивают *пояснительную* функцию – посредством пересказа или цитирования автор обосновывает выбор темы проповеди и поясняет ее заглавие. Интертексты, приведенные в **конце текста**, выполняют *обобщающую* функцию, подводя итог сказанному, и служат *призывом к действию*.

4. В *основной части текста* важнейшей функцией интертекстом считаем *герменевтическую*, или *толковательную*: интертексты используются автором для разъяснения фрагментов Священного Писания и постижения основ духовной жизни человека. *Метафорическая и характеризующая* функции интертекстом обнаруживаются при введении автором прецедентных имен собственных со значением нарицательных и при включении цитаты, являющейся символом прецедентной ситуации. Отмечено такое свойство интертекстом, как *полифункциональность*: одна и та же единица, включенная в разные контексты, при сохранении инварианта восприятия обеспечивает реализацию различных оттенков значений.

5. Одной из отличительных особенностей представления категории интертекстуальности в проповедях о. Андрея Ткачева является построение текста на основе анализа художественных произведений. Такая проповедь представляет собой *интерпретацию художественного текста* в соответствии с христианским мировоззрением и включает исходный текст в виде цитат, пересказа значимых фрагментов, а также различных прецедентные феноменов из близких по теме художественных произведений. О. Андрей сопоставляет исходный текст с другими, в той или иной степени сходными, художественными и священными текстами по ряду параметров: по характеру главного героя, выявлению его порока (греха), по сходству сюжетных линий и обстоятельств действия. Прагматическая цель таких проповедей состоит в назидании паствы в вопросах веры и доступном толковании фрагментов Священного Писания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование посвящено одному из аспектов разработки проблемы интертекстуальности, а именно специфике реализации данной категории в рамках религиозного текста. Подходы к определению интертекстуальности не однозначны, там не менее прослеживается инвариантная основа: интертекстуальность характеризуется как связь (формальная, семантическая, структурная) между двумя или более текстами. В работе интертекстуальность определяется как текстовая категория, отображающая формальное взаимодействие одного текста (претекста) с производным и обеспечивающая формирование и расширение смыслов нового текста при помощи элементов других текстов.

Установлено, что типы интертекстуальности классифицируются по нескольким основаниям: по виду межтекстовых отношений, по формальным показателям их проявления, по цели, особенностям структуры. В зависимости от вида интертекстуальных отношений, от жанра текста, от прагматической цели и формы отсылки к чужому тексту, а также иных, экстралингвистических, факторов, функции, выполняемые интертекстемами, могут варьироваться и уточняться.

Соотношение между понятиями прецедентности и интертекстуальности определяем следующим образом: прецедентные тексты, будучи широко известными и значимыми в культурном и познавательном аспекте, не только создают условия для возникновения интертекстуального взаимодействия, но являются конкретными маркерами интертекстуальности в тексте.

Среди многообразия терминов, обозначающих конкретный интертекстуальный знак в тексте, нами выбрана *интертекстема*, определяемая как текстовая единица, включающая прецедентный феномен, отсылающий к другому тексту посредством цитирования или пересказа.

Религиозный дискурс включает совокупность речевых произведений, объединенных темой веры, создание которых во многом определено и

экстралингвистическими особенностями религиозной коммуникации. Традиционными участниками религиозного дискурса являются священнослужители и прихожане, которые в молитве и исповеди обращаются к Богу. В настоящее время благодаря развитию интернета в состав участников религиозной коммуникации вовлекается все большее число людей.

Интертекстуальность признается основной смыслообразующей категорией религиозного дискурса, поскольку центр религиозного дискурса – Библия – представляет собой совокупность текстов с множеством перекрестных ссылок на ту или иную часть другого текста. Тексты Священного Писания, богослужебные тексты, жития святых, богословские трактаты, история церкви, высказывания неканонизированных священнослужителей являются традиционными источниками интертекстуальности и составляют прецедентное ядро исследуемого дискурса.

Актуальным жанром религиозного дискурса является проповедь, определяемая как речь священнослужителя, опирающегося на Священное Писание и ставящего своей прагматической целью распространение и толкование сакрального текста, а также наставление людей в вопросах веры. В настоящее время основными признаются два вида проповеди: традиционная храмовая, базирующаяся на библейских текстах, и свободная, существующая вне церковных стен, опосредованно связанная с сакральными текстами и затрагивающая вопросы, которые касаются как собственно церковных, так и социальных проблем. В связи с этим современную проповедь следует рассматривать как религиозно-публицистический жанр, поскольку ее содержание, выбор языковых средств воздействия на адресата определяется не только религиозной, но и общественной сферами функционирования. Примером современной публицистической проповеди служат тексты протоиерея Андрея Ткачева, представленные в жанрах:

собственно проповеди, рассказа, статьи и эссе на духовно-нравственные темы, реализующиеся в медиадискурсе.

Интертекстуальными источниками современной православной проповеди могут быть не только священные, но и светские тексты, что доказал проведенный нами комплексный анализ интертекстем в текстах протоиерея Андрея Ткачева. Установлено, что источниками интертекстуальности стали произведения мировой художественной литературы.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Большая часть источников интертекстуальности в текстах о. Андрея – традиционные религиозные тексты. На втором месте по частотности отсылки к произведениям русских и зарубежных авторов. На третьем месте иные источники: исторические и биографические факты, кинематограф, популярные песни и многое другое. Количество ссылок на художественные тексты может составлять от 5% до 43% в зависимости от основной темы конкретного издания.

Ссылки на зарубежные классические тексты составляют 27% от общего количества выявленных единиц. Среди интертекстем, восходящих к зарубежной классической литературе, самой многочисленной группой являются прецедентные феномены, отсылающие к античным сюжетам, пьесам У. Шекспира, сказкам Г.Х. Андерсена. Упоминания произведений других зарубежных писателей встречаются в проповедях о. Андрея единично.

Отсылки к русской литературе составляют большую часть – 73% прецедентного фонда текстов протоиерея Андрея Ткачева. Среди них больше всего интертекстем, отсылающих к произведениям *А.С. Пушкина* (63 обращения – 12%), *Ф.М. Достоевского* (59 обращений – 11%) и *Н.В. Гоголя* (53 обращения – 10%). Наиболее часто цитируемыми произведениями стали поэма «Мертвые души» Н.В. Гоголя (25 упоминаний), роман в стихах

«Евгений Онегин» А.С. Пушкина (19 упоминаний), роман «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского (17 упоминаний).

2. Интертекстемы в проповедях священника Андрея Ткачева классифицированы в зависимости от вида прецедентного феномена (*прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации*) и формы его представления: *цитаты и пересказа*. Автор приводит два типа *прецедентных имен*. К первому типу относятся **имена авторов произведений** как *ссылки на источник, в сочетании с цитатой*, в форме *обращения по имени-отчеству*, а также в форме *относительных прилагательных, производных от фамилий писателей*. Ко второму типу относятся **имена героев произведений** как *ссылки на текст, в сочетании с цитатой-характеристикой, в значении нарицательного*, а также в форме *собирательные существительные, производные от имени героев*. Среди интертекстем, содержащих **прецедентные высказывания – цитаты**, выделяем по наличию / отсутствию трансформации: *дословные и трансформированные*, по структуре цитаты: *словосочетания, предложения, сверхфразовые единства, тексты*; по наличию / отсутствию атрибуции: *атрибутированные и неатрибутированные*. Интертекстемы, которые содержат **прецедентные ситуации и прецедентные тексты**, включенные посредством *пересказа* классифицируем по объему включенного текста *на пересказ значимого фрагмента и пересказ целого текста*, а также по структуре интертекстуальной единицы на *распространенные словосочетания, предложения, сверхфразовые единства*.

3. Функциональная нагрузка интертекстемы зависит от занимаемой в тексте позиции. Включенные в заголовки прецедентные феномены несут прогностическую информацию о возможном присутствии в тексте цитат. В проповеди содержится обоснование вынесения того или иного прецедентного феномена в заголовок. Интертекстемы метафорически раскрывают темы, затронутые в статье, служат средством выражения авторской позиции по той или иной проблеме и выполняют следующие

функции: *номинативную, указательную, смыслообразующую, интригующую*. Эпиграф, поясняя заглавие, образует с ним единый семантический комплекс, поэтому выполняет схожие с заглавием функции. В начале текста интертекстемы *обосновывают выбор темы* проповеди, в заключении подводят итог сказанному (*обобщающая функция*) и служат призывам к действию (*апеллятивная функция*).

4. Одна и та же единица, включенная в разные контексты, сохраняя инвариант восприятия, реализует различные оттенки значений. Будучи средством актуализации прецедентной ситуации, прецедентные имена могут выполнять *герменевтическую функцию*, то есть быть средством христианского осмысления явлений действительности. Протоирей Андрей Ткачев в своих проповедях проводит параллель между религиозным и художественным текстом, находя общее то в характере главного героя, то в выявлении его порока (греха), то в сюжетной линии, то в обстоятельствах действия.

С одной стороны, прагматика таких текстов соответствует цели классической проповеди – назиданию в вопросах христианской веры. С другой – представляет собой интерпретацию художественного произведения в соответствии с христианским мировоззрением. Включение интертекстом из сферы-источника «художественная литература» в виде цитат, пересказа и различных прецедентных феноменов приближает священные тексты к восприятию современного человека.

5. Вне зависимости от занимаемой в тексте позиции интертекстемы содержат определенную информацию (*информативная функция*), способствуют образованию дополнительных смыслов (*смыслообразующая*), акцентируют внимание адресата на значимых фрагментах текста (*воздействующая функция*), служат украшением речи автора (*эстетическая функция*) и в целом являются материалом для реализации прагматической цели автора – разъяснения Священного Писания.

б. В проповедь прецедентный текст автор вводит посредством цитирования или пересказа фрагментов, соотносящихся с заданной темой, интерпретирует его и включает иные прецедентные феномены из других художественных текстов. Обширные фоновые знания о. Андрея позволяют путем проведения аналогий, обобщений, сравнений собственно литературных фактов представить адресату собственное авторское толкование избранного художественного произведения. Кроме того, исходный текст интерпретируется с точки зрения христианского мировоззрения. Такой разносторонний анализ, включающий обращения к художественному тексту, является отступлением от классического церковного стиля изложения и приближает проповедь к адресату, позволяя адресанту не формулировать готовых выводов, а только подводить к ним.

Таким образом, можно утверждать, что классическая литература органично вписывается в систему источников интертекстуальности религиозного текста. Включенные интертекстемы отражают христианское мировоззрение и являются материалом для реализации прагматической цели священника – разъяснения и распространения основ христианства.

Перспектива дальнейшего исследования видится в изучении роли классической литературы в религиозном дискурсе в разные исторические периоды на материале текстов других проповедников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверкий (Таушев), архиепископ. Руководство по гомилетике / архиепископ Аверкий (Таушев) – Москва: Изд-во Православ. Св.-Тихон. богосл. ин-та, 2001. – 44 с.
2. Агранович, Н.Б. Вторичные тексты в коммуникативно-когнитивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.Б. Агранович – Москва, 2006. – 152 с.
3. Аникина, Э.М. Интертекстуальность в дискурсе СМИ (на материале англо-американской прессы) / Э.М. Аникина – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 100 с.
4. Артемьева, П.С. Прецедентные феномены как выразительное средство: диалог в культур в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / П.С. Артемьева – Саратов, 2016. – 163 с.
5. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
6. Бабайлова, А.Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку. Социолингвистические аспекты / А.Э. Бабайлова – Саратов, 1987. – 152 с.
7. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов / Л.Г. Бабенко – Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464с.
8. Байрамуков, Р.М. Первичные и вторичные речевые жанры в художественной сфере общения / Р.М. Байрамуков // Язык и текст в пространстве культуры – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. – С. 43–48.
9. Бакши, Н.А. Взаимодействие художественного и религиозного дискурсов: на материале немецкоязычных литератур Германии, Австрии и Швейцарии в послевоенный период (1945-1955): автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.01.08 / Н.А. Бакши – Москва, 2016. – 33 с.

10. Бакши, Н.А. Онтологические и структурные схождения религиозного и художественного дискурсов / Н.А. Бакши // Новый филологический вестник. №2 (37) 2016. – С. 12–21.
11. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт – Москва: Прогресс, 1994. – 616 с.
12. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин – Москва, 1986. – 445с.
13. Безруков, А.Н. Поэтика интертекстуальности: Учебное пособие / А.Н. Безруков – Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. академия, 2005. – 70 с.
14. Безруков, А.Н. Функции интертекстуальности в пределах дискурсивной практики / А.Н. Безруков // Интертекстуальность художественного дискурса. Материалы Всероссийской научной конференции – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2018. – С. 8–12.
15. Бобровская, Г.В. Фигуры интертекста в публицистике газетный текст vs текст-источник, экспрессия vs стандарт / Г.В. Бобровская // Известия ВГПУ, 2013. – С. 66–69.
16. Бобырева, Е.В. Интертекстуальность проповеди как жанра религиозного дискурса / Е.В. Бобырева // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания» №5 Июль 2015. – С. 46–50.
17. Бобырева, Е.В. Особенности языковой организации религиозного дискурса / Е.В. Бобырева // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы Всероссийской научной конференции – Краснодар, 2007. – С.244–246.
18. Бобырева, Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры / Е.В. Бобырева // Знание. Понимание. Умение 2008 №1. – С. 162 –167.
19. Бобырева, Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Бобырева – Волгоград, 2007. – 45 с.

20. Бобырева, Е.В., Карасик, В.И. Прецедентность религиозного дискурса / Е.В. Бобырева, В.И. Карасик // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин – Москва: Флинта, 2015. – С. 255–279.
21. Богатырев, А.В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.В. Богатырев – Волгоград, 2016. – 168 с.
22. Богданова, О.Ю. Заголовок как элемент текста / О.Ю. Богданова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова №1. 2007. – С. 116–119.
23. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова – Санкт-Петербург, 2014. – 1534 с.
24. Бронник, Л.В. Дискурс как процесс: лингвистические и лингвокогнитивные следствия «дискурсивного поворота» / Л.В. Бронник // Исследования по теоретической и прикладной лингвистике – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2009. – С. 177–208.
25. Бугаева, И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.01 / И.В. Бугаева – Москва, 2010. – 49 с.
26. Бугаева, И.В. Лингвотеология: межпредметное взаимодействие языка и богословия / И.В. Бугаева // Динамика языковых и культурных процессов в современной России Выпуск 7 Материалы VII Конгресса РОПРЯЛ (г. Екатеринбург, 6–9 октября 2021 года) – С. 74–79.
27. Буданова, С.Г., Рябина, А.Г. Интертекстуальность и вторичность как свойство поликодовых текстов современной рекламы / С.Г. Буданова, А.Г. Рябина // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы VIII Всероссийской научной конференции – Краснодар, 17–20 ноября 2021 г. – С.104–109.
28. Букина, Т.Г. Заголовок как средство привлечения читательского внимания (на материалах «Российской газеты») / Т.Г. Букина // Образование и право №9. 2020. – С. 318–321.

29. Булгаков, Г. Теория православно-христианской пастырской проповеди: Этика гомилии. Очерк систематического курса / Г.Булгаков – Курск, 1916. – 168с.
30. Бушев, А.Б. Явная и неявная интертекстуальность / А.Б. Бушев // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы Всероссийской научной конференции – Краснодар, 2007. – С. 208–211.
31. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина – Москва, 2003. – 191с.
32. Васильчикова, Т.Н. Теория интертекста в филологии: основные этапы исторического формирования / Т.Н. Васильчикова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки, т. 18, №1 (2), 2016. – С. 189–196.
33. Вербицкая, М.В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.04 / М.В. Вербицкая – Москва, 2000. – 47 с.
34. Ветелев, А., прот. Учебный курс по истории проповедничества Русской Православной Церкви / прот. А. Ветлев – Загорск, 1990. – 74с.
35. Волкова, Р.А. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в художественном дискурсе Марины Степановой / Р.А. Волкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. – С. 230–234.
36. Воркачев, С.Г. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин – Москва: Флинта, 2015. – С. 52–70.
37. Выходцева, И.С. Функционирование концепта «свой-чужой» в советской словесной культуре / И.С. Выходцева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №2 с. 60–64.

38. Горячева, Е.Д. Прагматика эпитафия художественного текста в аспекте интертекстуальности / Е.Д. Горячева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. №4. 2019. – С.127–132.
39. Гудков, Д.Б. прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков – Москва: МГУ. 1999. – 149с.
40. Гроссу, Н. Исторические типы церковной проповеди / Н.Гроссу – Киев: 1910. – 38 с.
41. Десницкий, А. Введение в библейскую экзегетику / А. Десницкий – Москва: Изд-во ПСТГУ, 2011. – 413 с.
42. Дугин, А.Г. Православный логос / А.Г. Дугин // Дамакин. 2016. № 4 (37). С. 20–34.
43. Жданова, И.В. Семантико-структурная и функциональная специфика заглавий богословско-религиозного жанра / И.В. Жданова // Молодой ученый №3. 2011. Т.2 – С. 12–16.
44. Захаренко, И.В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте / И.В. Захаренко // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации – Москва, 1997. – С. 92–99.
45. Звездин, Д.И. Православная проповедь как жанр церковнорелигиозного стиля современного русского литературного языка (на примере текстов второй половины XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Д.И. Звездин – Челябинск, 2012. – 21 с.
46. Золотухина, Е.Н. Интертекстуальность в современном русском языке / Е.Н. Золотухина // Русский язык в школе. 2008. № 5. – С. 44–47.
47. Золотухина Е.Н. Категория интертекстуальности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.Н. Золотухина – Киров, 2009. – 27 с.
48. Зуев, М.Б. Интертекстуальность как метод анализа языка (на примере текстов американских проповедей) / М.Б. Зуев // Известия Сочинского государственного университета. 2014. № 1 (29). – С. 170–173.

49. Шитиков, П. (иерей) «Роль метафоры в религиозном дискурсе» / Иерей П. Шитиков // Труды минской духовной академии №12. 2015. – С. 39–44.
50. Ильин, И.П. Постмодернизм. Словарь терминов / И.П. Ильин – Москва: Интрада, 2001. – 385 с.
51. Ипполитова, Н.А. Вторичные тексты в учебной деятельности школьников/ Н.А. Ипполитова // Русский язык в школе. 2010. №6. С. 3–9.
52. Исаева, Л.А. Лингвистический анализ художественного текста: герменевтико-интерпретационный подход: учебное пособие / Л.А. Исаева – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. – 151с.
53. Исаева, Л.А. Сочинение ЕГЭ как особый вид вторичного текста / Л.А. Исаева // Вторичность текстов разных типов: структурные, семантические и прагматические характеристики: монография / под ред. Л.А. Исаевой – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – 217 с.
54. Исаева, Л.А., Рудиянова, Н.А. «Прецедентный феномен» как научный концепт: инвариативные и вариативные составляющие / Л.А. Исаева, Н.А. Рудиянова // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы VIII Всероссийской научной конференции – Краснодар, 17–20 ноября 2021 г. – С. 73–76.
55. Исаева, Л.И., Буданова, С.Г., Рябинина, А.Г. Пушкинская традиция как прецедентный феномен в современных медиатекстах / Л.А. Исаева, С.Г. Буданова, А.Г. Рябинина // Вестник ТвГУ. Серия «Филология», 2016. №2. – С. 112–127.
56. Истомина, И.А. О диалогичности текстов современной православной проповеди / И.А. Истомина // Ученые записки Казанского университета. 2012. Том 154, кн.5. – С. 156–163.
57. Истомина, И.А. Современная православная проповедь: стилистическая и прагматическая специфика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.А. Истомина – Екатеринбург, 2013. – 24 с.

58. Ицкович, Т.В. Православная проповедь как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.В. Ицкович – Екатеринбург, 2007. – 24 с.
59. Ицкович, Т.В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дис. ... док. филол. наук: 10.02.01 / Т.В. Ицкович – Екатеринбург, 2016. – 378 с.
60. Ицкович, Т.В. Язык и стиль современных православных СМИ / Т.В. Ицкович // Медиа Альманах, 2011, №4 (45). – С. 44–48.
61. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
62. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов – Москва: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
63. Катермина, В.В. Языковая личность в контексте цифровой культуры / В.В. Катермина // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы IX Всероссийской конференции – Краснодар, 22-25 ноября 2023. – С. 143–146.
64. Кильдяшов, М.А. Теория интертекстуальности (лингвистические аспекты) / М.А. Кильдяшов // Вестник МГУКИ. №6 (68). 2015. – С. 74–79.
65. Кожемякин, Е.А. Религиозный дискурс: методология исследования / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости. Серия Философия, социология, право. 2010 №2 (97) Выпуск 15. – С. 32–47.
66. Кондратьева, Т.С., Любина, И.М. Семантика и прагматика прецедентных феноменов современном медиадискурсе (на примере конструкции «осетрина второй свежести») / Т.С. Кондратьева, И. М. Любина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика. 2023. Т20, №2. – С. 11–16.
67. Корниенко, Е.Р. Полидискурсивный портрет языковой личности: когнитивно-стилистический аспект (на материале корпуса текстов Н.И. Новикова): дис. ... док. филол. наук: 10.02.01 – Архангельск, 2021. – 452 с.

68. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров – Москва: Гардарики, 2005. – 287с.
69. Кошелева, Т.И. Интертекстуальность в религиозном дискурсе / Т.И. Кошелева // Вестник Новгородского государственного университета №47. 2008. – С. 75–77.
70. Красных, В.В. «Свой среди чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных – Москва: Гнозис. 2003 – 379 с.
71. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов – Москва: «Филология», 1997. Вып. 2. – 124 с.
72. Крылова, О.А., Савин, Г.А. Коммуникативная стратегия автора православной проповеди в современном церковно-религиозном дискурсе / О.А. Крылова, Г.А. Савин // Филологические науки. 2008. № 6. – С. 68–75.
73. Крысин, Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
74. Кудрина, Н.А. Интертекстуальность и прецедентность: к вопросу о разграничении понятий / Н.А. Кудрина // Вестник ТГУ, выпуск 4 (40), 2005. – С. 5–11.
75. Кудрявцева, А.А. Имя собственное как объект метафоризации / А.А. Кудрявцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 Языкознание. 2010. №1 (11). – С. 55–59.
76. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина – Москва: КомКнига, 2007. – 270 с.
77. Кулинская, С.В. Художественный текст как средство представления национальной картины мира / С.В. Кулинская // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы Всероссийской научной конференции – Краснодар, 2007. – С.221–222.

78. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». – 2-е изд., перераб. / В.А. Кухаренко – Москва: Просвещение, 1988. – 192 с.

79. Лагода, М.А. Интертекстуальность как аспект интерпретации художественного литературного произведения: к постановке проблемы / М.А. Лагода // Вестник НВГУ №4 . 2014. – С. 144–151.

80. Леонов, И.С. Православная художественная проза XXI века: типология и поэтика: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.01.01 / И.С. Леонов – Волгоград, 2019. – 39 с.

81. Литвишко, О.М., Милетова Е.В. Религиозный дискурс как аксиологически маркированное пространство (на материале русского и английского языков) / О.М. Литвишко // Вестник ПНИПУ Проблемы языкознания и педагогики №2, 2019. – С. 65–72.

82. Логачева, О.А. репрезентация концепта священнослужитель в прозе А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / О.А. Логачева – Тверь, 2018. – 18 с.

83. Любина, Г.С. Концептуализация понятия «прощение» в православной культуре / Г.С. Любина // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы IX Всероссийской конференции – Краснодар, 22-25 ноября 2023. – С. 92–94.

84. Майданова, Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек. Текст. Культура / Л.М. Майданова – Екатеринбург, 1994. – С. 81–90.

85. Майданова, Л.М., Чепкина, Э.В. Медиатекст в идеологическом контексте: монография / Л.М. Майданова, Э.В. Чепкина – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2011. – 304 с.

86. Макарова, А.С. Реализация приема языковой игры лексико-фразеологическими средствами (на примере заголовка религиозно-публицистического дискурса) / А.С. Макарова // Полипарадигмальные

контексты фразеологии в XXI веке. Материалы международной научной конференции – Тула, 17-19 мая, 2018 . – С. 260–264.

87. Манукян, Э.Г. Языковое представление мира священнослужителей в произведениях А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Э.Г. Манукян – Ростов-на-Дону, 2021. – 30 с.

88. Матюшкин, А.В. Проблемы интерпретации литературного художественного текста / А.В. Матюшкин – Петрозаводск: Издательство КГПУ. 2007. – 199с.

89. Медведев, Е.Ю. Семантическая структура православной литургийной проповеди: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.Ю.Медведев – Москва, 2017. – 136 с.

90. Мельничук, С.Ф. Двойной концепт «судьба писателя»: лингвокультурная и когнитивная характеристики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.Ф. Мельничук – Краснодар, 2018. – 276 с.

91. Мечковская, Н.Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов / Н.Б. Мечковская – Москва: Агенство «Фаир», 1998. – 352с.

92. Минц, З.Г. Функции реминисценций в поэтике А. Блока / З.Г. Минц // Труды по знаковым системам – Тарту, 1973. – С. 387–417.

93. Михайлова, Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе: На материале статей: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Михайлова: 10.02.19–Волгоград, 1999. – 206 с.

94. Мищенко, А.Н. Древнегреческая мифология как основа прецедентности в текстах русскоязычных СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.Н. Мищенко – Симферополь, 2020. – 189 с.

95. Мокиенко, В.М. Интертекстемы и текст в славянских языках / В.М. Мокиенко // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сб. докладов международной научной конференции. – Магнитогорск, 2003. – С. 14– 21.

96. Москвин, В.П. Методы и приемы лингвистического анализа: монография / В.П. Москвин – Москва: Флинта, 2015 – 224с.

97. Москвин, В.П. Теория интертекстуальности: категориальный аппарат / В.П. Москвин // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин – Москва: Флинта, 2015. – С. 16–51.

98. Нестерова, Н.М. «Чужое вмиг почувствовать своим»: диалектика вторичности перевода / Н.М. Нестерова // Вестник ВГУ, Серия «лингвистика и межкультурная коммуникация», 2005, №1, с. 92– 97.

99. Новиков, А.И., Сунцова, Н.Л. Концептуальная модель порождения вторичного текста / А.И. Новиков, Н.Л. Сунцова // Обработка текста и когнитивные технологии. Пущино, 1999. Вып. 3. – С. 158–166.

100. Новокрещенных, Е.В. Проблема религиозного дискурса: дискурс религии или дискурс о религии? / Е.В. Новокрещенных // Вестник Тюменского государственного университета, 2013. №10. – С. 162–167.

101. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов – Москва, 2010. – 640с.

102. Павловская, О.Е., Сахно, О.С. К вопросу об интенциональности как основе православного дискурса / О.Е. Павловская, О.С. Сахно // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти Г.М. Соловьева – Краснодар, 2022. С. 164 – 169.

103. Павловская, О.Е., Сахно, О.С. Православный дискурс в блогах соцсети Instagram / О.Е. Павловская, О.С. Сахно // Филологические науки: состояние, перспективы, новые парадигмы исследований. Материалы IV Международной научной конференции. Отв. редактор А.Р. Мухтаруллина – Уфа, 2021. С. 110–117.

104. Павловская, О.Е., Трошева, Т.Б. Полевая структура современного религиозного стиля / О.Е. Павловская, Т.Б. Трошева // Наука и образование в

XXI веке. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 8 частях. ООО "АР-Консалт". 2014. С. 129–131.

105. Павловская, О.Е., Шкрабкова, И.В. Православная речевая культура: к постановке вопроса / О.Е. Павловская, Т.Б. Трошева // Культурная жизнь Юга России. 2007. №1 (20) – С. 66–69.

106. Певницкий, В.Ф. Церковное красноречие и его основные законы / В.Ф. Певницкий – Санкт-Петербург.: И. Л. Тузов, 1908. – 304 с.

107. Петрушко, И.А. Интегративная модель коммуникативного события православной проповеди: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ И.А.Петрушко – Тверь, 2018. – 204с.

108. Планкина, Р.М. Бинарная оппозиция «свой – чужой» в религиозном дискурсе (на материале библейского текста) / Р.М. Планкина // Современные исследования социальных проблем 2019, Том 11, № 4. – С. 180–187.

109. Плисов, Е.В. «Чужое слово» в проповеди: интертекстуальная черта проповеднического жанра / Е.В. Плисов // Сборник статей по материалам международной конференции «Церковь и проблемы современной коммуникации» – Нижний Новгород, 2007. – С. 141–158.

110. Пономаренко, И.Н. Досетевой и электронный гипертекст в современном информационном пространстве / И.Н. Пономаренко // Образование–наука–творчество. – 2005, № 3. – С. 48–54

111. Пономаренко, И.Н. Принцип симметрии в системе базовых характеристик текста / И.Н. Пономаренко // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы Всероссийской научной конференции – Краснодар, 2007. – С. 225–227.

112. Пономаренко И.Н. Симметрия/асимметрия в лингвистике текста: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.19 / И.Н. Пономаренко – Краснодар, 2005. – 36 с.

113. Пономаренко, И.Н., Сегал, Н.А., Мищенко, А.Н. Прецедентная единица «сизифов труд» как источник образности в текстах политических

СМИ / И.Н. Пономаренко, Н.А. Сегал, А.Н. Мищенко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2023. Т. 20, № 3. – С. 60–67.

114. Пономаренко, И.Н., Сегал, Н.А., Уварова, И.В. Семантика и прагматика палиндромов в языке и интернет-коммуникации / И.Н. Пономаренко, Н.А. Сегал, И.В. Уварова // Научный диалог. 2021. № 11. – С. 168–182.

115. Православная энциклопедия / Под общ. ред. патриарха Алексия II: в 36 т., М., 2006. Т. XII. – 751с.

116. Православный энциклопедический словарь, М., 1998. // Режим доступа: <https://rus-pravoslavniy-dict.slovaronline.com> – (Дата обращения 23.05.2022).

117. Прохватилова, О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / О.А. Прохватилова – Волгоград: ВГУ, 1999. – 362 с.

118. Прохватилова, О.А. Выразительные средства современной православной проповеди / О.А. Прохватилова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание 2011 №1 (13). – С. 7–13.

119. Прохватилова, О.А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы: дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук: спец. 10.02.01 / О.А. Прохватилова – Волгоград, 2000. – 495 с.

120. Прохватилова, О.А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля / О.А. Прохватилова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание 2006 №5. – С. 19–26.

121. Пташкин, А.С. Дискурс, дискурсивный анализ и лингвистические процессоры / А.С. Пташкин // Вестник ТГПУ № 6 (171), 2016. – С.66– 70.

122. Расторгуева, М.Б. Речевой жанр церковно-религиозной проповеди: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.Б. Расторгуева – Воронеж, 2005. – 280 с.

123. Ржанская, Л.П. Интертекстуальность / Л.П. Ржанская // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. ИМЛИ РАН, 2002. – С. 539–555.

124. Рогачева, Н.Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.Б. Рогачева – Саратов, 2011. – 23 с.

125. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века / В.П. Руднев – Москва: Аграф, 1999. – 384с.

126. Рябина, А.Г. Вторичные поликодовые тексты современной рекламы в русском медийном пространстве: дис. ... канд. филол. наук: 1.02.01 / А.Г. Рябина – Краснодар, 2022. – 215 с.

127. Рянская, Э.М., Алексеева, Л.В. Прагматический компонент заголовков научных текстов (на примере англо- и русскоязычных публикаций по истории): монография / Э.М. Рянская, Л.В. Алексеева – Нижневартовск: Нижневартковский государственный университет, 2020. – 99с.

128. Савин, Г.А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре современной православной проповеди: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Г.А. Савин – Москва, 2009. – 207 с.

129. Салманова, А.С. Заголовок как важнейший компонент текста / А.С. Салманова // Рефлексия № 1, 2013. – С. 74–76.

130. Саломатова, О.В. Эволюция языковых черт церковной проповеди: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ О.В. Саломатова – Москва, 2016. – 300с.

131. Сахарова, Е.Е. Прагмалингвистические особенности проповеднического дискурса (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.Е. Сахарова – Ростов-на-Дону, 2014. – 22 с.

132. Сегал, Н.А. Притча «о самарянине» как источник прецедентности в русскоязычном медиадискурсе / Н.А. Сегал // Исследовательские

парадигмы в современной филологии. Материалы VII Всероссийской научной конференции. – Краснодар, 2022. – С. 313–318.

133. Сегал, Н.А. Семантико-прагматический потенциал библеизмов в текстах современных СМИ / Н.А. Сегал // Вестник Русской христианской академии. Филологические науки. – 2022. – Т. 3. – № 2. – С. 21–29.

134. Семенец, О.П. Прецедентный заголовок в газетном дискурсе начала XXI века: традиции и новаторство / О.П. Семенец // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2017. – С. 86–96.

135. Семочко, С.В. Функции прецедентных феноменов в медиатекстах / С.В. Семочко // Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / Гришаева Л.И., Пастухов А.Г., Чернышова Т.В. (отв. ред.) – Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, полиграфическая фирма «Горизонт», 2010. – 226 с.

136. Серов, В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В.В. Серов – Москва: «Издательство «Локид-Пресс», 2005. – 677с.

137. Сидоренко, К.П. Интертекстовые интерпретаторы в «Словаре крылатых выражений Пушкина» / К.П. Сидоренко // Слово. Фраза. Текст: Сб. научных статей к 60-летию М.А. Алексеенко. – Москва, 2002. – С. 317–330.

138. Силенко, О.Г., Суспицына, И.Н. Метафора в религиозном дискурсе / О.Г. Силенко, И.Н. Суспицына // Лингвокультурология 2013 №7. – С. 135–147.

139. Снина, А.И. Функционально-прагматические типы парафраз в англоязычной публицистике / А.И. Снина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 Языкознание. 2012. №1 (15). – С. 211–214.

140. Складаревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складаревская – Санкт-Петербург, 1993. – 152 с.

141. Скребцова, Т.Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. Курс лекций / Т.Г. Скребцова – Москва: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 312с.
142. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин – Москва: Academia, 2000. – 141с.
143. Сметанина, С.И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в / С.И. Сметанина – Санкт-Петербург: 2002. – 383 с.
144. Смирнов, Е.С. «Свои» и «чужие» в традиционной лингвокультуре северного Приангарья (на материале устных текстов конца XX – начала XXI вв.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.С. Смирнов – Красноярск, 2020. – 302 с.
145. Смирнов, И.П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака) / И.П. Смирнов – Санкт-Петербург: 1985. – 193с.
146. Смолина, А.Н. Проповедь-слово в современной российской православной телекоммуникации (на материале передачи «Церковный календарь» с о. Евгением Попиченко) / А.Н. Смолина // Мир науки, культуры, образования. № 5 (42) 2013. – С. 334–338.
147. Смолина, А.Н., Любкина, О.А. Интертекстуальность как стилевая черта церковно-религиозных текстов / А.Н. Смолина, О.А. Любкина // Мир науки, культуры, образования. №5 (36) 2012. – С. 268– 270.
148. Современный медиатекст: учебное пособие / отв. ред. Н.А. Кузьмина Омск, 2011. – 414с.
149. Старостенко, Т.Е. Текст как диалог / Т.Е. Старостенко // Вестник ВГУ. Серия: филология. журналистика. 2021. № 4. – С. 67–71.
150. Стаценко, А.С. Православный дискурс: к постановке проблемы / А.С. Стаценко // Вестник АГУ, Выпуск 3 (145). 2014. – С. 75–78.

151. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов – Москва: Академический проект, 2004. – 992с.
152. Супрун, А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А.Е. Супрун // Вопросы языкознания. 1995, №6. – С. 17–29.
153. Тангир, К.М. Афоризм – текст – дискурс / К.М. Тангир // Исследования по теоретической и прикладной лингвистике: Коллективная монография – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2009. – С. 143–176.
154. Тангир К.М. Русские антиномичные афоризмы: рече-языковые аспекты конфликтности и парадоксальности: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.01 / К.М. Тангир – Краснодар, 2007. – 56 с.
155. Татаринов, А.В. Библейский сюжет и его становление в литературном процессе (средние века и возрождение) / А.В. Татаринов – Краснодар, 2000. – 145 с.
156. Таюпова, О.И. Заголовок в публицистическом дискурсе / О.И. Таюпова // Евразийский союз ученых. Филологические науки. №6 (15). 2015. – С. 137– 139.
157. Темботова, Е.С. Конфессиональный интернет-дискурс: речевой жанр «Вопросы священнослужителю»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.С. Темботова – Нальчик, 2012. – 24 с.
158. Темнова, Е.В. Современные подходы к изучению дискурса / Е.В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов – Москва: МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – 168с.
159. Толочин, И.В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии: лингвостилистический аспект / И.В. Толочин – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1996. – 96 с.
160. Триодин, И.П. Принципы красноречия и проповедничества / И.П. Триодин – Екатеринославль: тип. С. И. Барановского, 1915. – 246 с.

161. Фаворов, Н. Руководство к церковному собеседованию, или гомилетика / Н. Фаворов – Киев, Санкт-Петербург.: Н.Я. Оглоблин, 1914. – 259 с.
162. Фатеева, Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н.А. Фатеева – Москва: Агар, 2000 – 290с.
163. Фельде, В.Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / В.Г. Фельде – Омск, 2015. 20 с.
164. Хазагеров, Г.Г. Политическая риторика / Г.Г. Хазагеров – Москва: Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.
165. Хазагеров, Г.Г., Лобанов, И.Б. Риторика / Г.Г. Хазагеров, И.Г. Лобанов – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 379 с.
166. Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика / Серия «Учебники, учебные пособия» / Г.Г. Хазагеров, И.Г. Лобанов – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 384с.
167. Хамраева, А.А. Прецеденные феномены в заглавиях текстов религиозного дискурса / А.А. Хамраева // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования. Сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции /под ред. М.Л. Лаптевой, З.Р. Аглеевой, Ю.А. Васильевой. – Астрахань, 2023. С. 62–64.
168. Хамраева, А.А. Художественный текст в основе проповедей протоиерея Андрея Ткачева / А.А. Хамраева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 7– 2. – С. 160–165.
169. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с. 174.
170. Шаталова, С.А. Лингвистические основы афористики и афоризмы в художественных текстах Ф.М. Достоевского (на материале

романов «Бесы» и «Подросток»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.А. Шаталова – Москва, 2000 – 256 с.

171. Шахбазян, М.А. Безрукавая, М.В. Трансформация жанра жития в современной церковной медиакommunikации / М.А. Шахбазян, М.В. Безрукавая // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 1. – С. 199–203.

172. Шахбазян, М.А. Структурные особенности и тематические блоки современной православной публицистики / М.А. Шахбазян, // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. №5 (21). – С. 287–288.

173. Шварцкопф, Б.С. О некоторых лингвистических проблемах, связанных с цитацией / Б.С. Шварцкопф // Sign. Language. Culture. Mouton, 1970. – С. 374–393.

174. Шилихина, К.М. Интертекст как средство создания иронии / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ, Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008, № 3. – С. 152–157.

175. Шубина, Т.А. Современная православная миссионерская проповедь: методика обучения жанру в высших духовных учебных заведениях: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Т.А. Шубина – Москва, 2008. – 22с.

176. Шутяк, М.А. Статьи о русском языке в современных российских средствах массовой информации: игровые тактики создания заголовков / М.А. Шутяк // Гуманитарные исследования №3 (28). 2020. – С.91–93.

177. Щукина, И.Н., Хазанжи, Е.И. Средства воздействия в православном дискурсе / И.Н. Щукина, Е.И. Хазанжи // Вестник Пермского университета. Вып.1 (25). 2014. – С. 36–47.

178. Серов, В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В.В. Серов – Москва: Локид-пресс., 2005. – 677с.

179. Юдина, А.Д. Окказионализмы, мотивированные именами собственными / А.Д. Юдина // Известия РГПУ им. А.И. Герцена № 195. 2020. – С. 126–134.

180. Юрьевский, А. Гомилетика, или Наука о пастырском проповедании слова Божия / А. Юрьевский – Киев: тип. Ун-та св. Владимира, 1903. – 495 с.

181. Genette, G. Palimpsestes. La littérature au second degré / G. Genette Paris: Seuil, 1982. – 467 p.

182. Kristeva, J. Narration et transformation / J. Kristeva // *Semiotica*. Vol. I. 1969. №4 – p. 422 – 448.

183. Holthuis, S. Intertextualität, Aspekte einer rezeptionsorientierten Konzeption / S. Holthuis – Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1993. – 268 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. Ткачев А. Бесконечный прогресс... – М.: Николин день, 2016. – 288с.
2. Ткачев А. Бремя страстей. Тайная жизнь наших душ. – М.: Эксмо, 2021 – 256с.
3. Ткачев А. Возвращение домой. Когда рождается вера – М.: Эксмо, 2015 – 240с.
4. Ткачев А. Вхождение в церковь Первая ступень: Воцерковление. – М.: Никая, 2019. – 144с.
5. Ткачев А. В общении с родителями. Беседы о христианском воспитании. – К.: «Послушник», 2018 – 272 с.
6. Ткачев А. Живое слово. Библия про наши радости и беды. – М.: Воскресение, 2020. – 256с.
7. Ткачев А. Любовь. Ищущим и нашедшим. – М.: Воскресение, 2018 – 288с.
8. Ткачев А. МЫ ВЕЧНЫ! Даже если этого не хотим. Книга 1. – Симферополь: Родное слово, 2014 – 304с.
9. Ткачев А. МЫ ВЕЧНЫ! Даже если этого не хотим. Книга 2. – Симферополь: Родное слово, 2014 – 608 с.
10. Ткачев А. Однажды я... – М.: Воскресение, 2021 – 176с.
11. Ткачев А. О мире и человеке: сборник статей. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. – 704с.
12. Ткачев А. Почему я верю. Простые ответы на сложные вопросы. – М.: Никая, 2017. – 240 с.
13. Ткачев А. Проповедь о проповеди. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. – 112с.
14. Ткачев А. Путь к жизни для всех, кому даровано родиться человеком. – М.: Воскресение: Эксмо, 2021 – 512с.

15. Ткачев А. Сохранить живую веру. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2017. – 64с.
16. Ткачев А. Ступени к небу. Как научиться любить людей. – М.: Эксмо, 2015 – 192с.
17. Ткачев А. Хочу жить вечно: яд греха и лекарство бессмертия. – М.: Николин день, 2017. – 320с.

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

«ТИПЫ ИНТЕРТЕКСТЕМ В ПРОПОВЕДЯХ СВЯЩЕННИКА А. ТКАЧЕВА»

1.1 **Имена авторов произведений** встречаются в следующих комбинациях (для страницы 87):

– в ссылках на источники:

«*Покойный Солженицын как-то говорил в одном из своих последних интервью, что смерть не страшна, бояться смерти может только тупица*» [Ткачев, 2012, с. 119];

«*Чехов писал, что у каждого дома, в котором живут счастливые люди, должен стоять человек с молоточком. Он должен периодически стучать этим молоточком в дверь, и этот стук должен звучать напоминанием о том, что не все в мире счастливы и что счастливый обязан помогать несчастному*» [Ткачев, 2014, с. 31];

«*Как говорил Лев Толстой: "Будете переплывать реку – берите выше по течению, вас все равно снесет"*» [Ткачев, 2020, с. 159] и другие.

– в имени автора в сочетании с названием произведения:

«*Предисловие к басне Крылова "Ворона и лисица" клеймит расхожий порок – лесть. Клеймит, но признает некую неистребимость лести*» [Ткачев, 2019, с. 191];

«*У Франсуа Рабле в его бессмертном интереснейшем романе "Гаргантюа и Пантагрюэль", который прекрасно растолковал и объяснил Михаил Бахтин, описывается некий владыка мира господин Гастер*» [Ткачев, 2021; с. 71] и другие;

– в имени автора в сочетании с цитатой:

«*Они Начнут и красть, и убивать, и прелюбодействовать. И некому будет сказать святую фразу из Гоголя: "Я тебя породил, я тебя и убью"*» [Ткачев, 2018, с. 95];

«Если люди полюбил друг друга в юности, у них есть такое некое сильное чувство, как в стихах Маяковского: "скажите маме – у меня пожар в сердце"» [Ткачев, 2018, с. 212];

Вспомним слова А.С. Пушкина, который говорил: "Над вымыслом слезами обольюсь..." [Ткачев, 2015; с. 161–162] и другие;

– в имени автора в значении нарицательного:

*«Молодой человек получает задание написать сказку или историю. С выдуманскими персонажами. Задачи сделать из него **Андерсена** не стояло» [Ткачев, 2016, с. 223] и другие;*

– в метонимической модели:

*«Дальше нужно не запрещать русский язык, а наоборот, заставлять читать **Достоевского** в подлиннике» [Ткачев, 2014, с. 160].*

*«Дружбе с **Гоголем** можно пожертвовать массой суетных и мелких увлечений. Точно так же дружбе с любым другим великим человеком» [Ткачев, 2014, с. 95];*

*«Это, может быть, для XIX века чтение **Тургенева** или **Вальтера Скотта** могло не поощряться духовниками и быть признаком духовного упадка человека. Сегодня это признак подъема и знак того, что внутренний мир человека обогащается и шлифуется» [Ткачев, 2014, с. 93];*

*«Все остальное тоже нужно читать, желательно постоянно. Нужно читать хорошую литературу – **Чехова**, **Тургенева**, **Бунина**, непременно **Достоевского**. ... Но главным образом нужно читать Библию» [Ткачев, 2020, с. 7];*

*«...потому что быть русским человеком и не прочесть ни разу в жизни **Пушкина**, **Достоевского**, **Гоголя** – это смертный грех, это не прощается» [Ткачев, 2017, с. 219–220];*

*«Потом, повзрослев, мы читали **Фенимора Купера**, **Жюль Верна** и **Стивенсона**, а значит, в лицо нам дышал океан и наши лица обветривались воздухом прерий» [Ткачев, 2015, с. 666] и другие;*

– в обращении к автору в диалоге:

«Можно сказать: **"Ну, Венечка, ты загнул. Еще одно такое слово - и я тебя уважать перестану"** (Речь идет о Венедикте Ерофееве, авторе книги "Москва-Петушки"). Или: **"Экий ты балбес, Николай Гаврилыч!"** (Автор имеет в виду Н.Г. Чернышевского). То есть можно не согласиться, отложить книгу в сторону, "составить свое мнение"» [Ткачев, 2014, с. 142];

«Блажен еси, **Иван Сергеевич**, что помер ты в далекие года, до эпохи исторического материализма» (Имеется в виду И.С. Тургенев) [Ткачев, 2015, с. 212] и другие;

– в относительном прилагательном, образованном от фамилии писателя:

«Был бы Святейший **чеховским** "Человеком в футляре", не носили бы его имя в зубах, родных и вставленных пересмешники» [Ткачев, 2016, с. 55];

«И поэту, и прозаику понятны **пушкинские** строки: В часы забав иль праздной скуки, / Бывало лире я моей / Вверял изнеженные звуки / Безумства, лени и страстей» [Ткачев, 2014, с. 144];

«Над воротами **Дантова** ада было написано: "Оставь надежду всяк сюда входящий". Над воротами, вводящими в новый календарный год, "оставь все злое этот год начавший"» [Ткачев, 2015, с. 290] и другие.

1.2 *Имена героев произведений* реализуются в моделях (для страницы 88):

– в имени собственном в значении нарицательного:

«Еще будут многочисленные самоубийства тех, кто вернулся с несправедливой войны и понял, что стал не **Робин Гудом**, а братом дьяволу» [Ткачев, 2014, с. 98] и другие;

«Что запретит ему бросать бомбы в жандармов, или строчить антиправительственные листовки по ночам, или **точить топор, как новый Раскольников?**» [Ткачев, 2015, с. 350];

«Но целые поколения **Хлестаковых** учили французский для писания любовных записок, а не для чтения, скажем, *Расина*...» [Ткачев, 2014, с. 48];

«Словарь работников либеральной прессы немного превосходит словарь **Людоедки Элочки**» [Ткачев, 2015, с. 24] и другие;

– в упоминании героя произведения:

«Не жизнь, а просто какая-то **попрыгунья-стрекоза** во вселенских масштабах» [Ткачев, 2014, с. 307–308];

«Ни к чему не привязанный, свободный как **небесные тучи** в стихотворении М. Ю. Лермонтова, этот праведник Божий (*Авраам*) и ходил перед Богом, будучи вечным странником» [Ткачев, 2015, с. 417];

«Человек иногда бывает похож на **голового короля**» [Ткачев, 2015, с. 30–31];

«Они воют с нами именно в этом направлении для того, чтобы мы, напившись духом разврата и вольности, расслабив душевное свое бодрствование, пустили внутрь себя, как **троянского коня** (ссылка) в душевный дом, и потеряли, в конце концов, и благодать, и веру, и надежду вечной жизни» [Ткачев, 2018, с. 61];

«Просто иначе, если не будет тяжело, любая женщина захочет быть **"владычицей морской"**» [Ткачев, 2018, с. 45];

«... мировоззрение **"мудрого пескаря"**, пересидевшего весь век свой в безопасной и замершей тишине, ограниченного однажды усвоенным малым

знанием, – это кратчайший путь к тому, чтобы загубить, закопать все свои таланты и сказать Богу на Суде: возьми назад Свое; прибыли от меня не жди» [Ткачев, 2016, с. 96] и другие;

– в собирательных существительных, образованных от имени героев: заголовок «Священное **плюшкинство**» [Ткачев, 2019, с. 98];

«Это, если угодно, исправленная **хлестаковщина**, которую венчает не стыд прозрения, а радость узнавания» [Ткачев, 2015, с. 654–655];

«Новый грандиозный храм, подобный старому, на месте плавательного бассейна на "Кропоткинской" – это еще недавно чистая **Маниловщина**» [Ткачев, 2016, с. 101] и другие;

– в имени собственном в сочетании с цитатой-характеристикой:

«Это раньше люди поступали, как **Татьяна**, сказавшая **Онегину**: "Но я другому отдана и буду век ему верна", хоть она и любила Онегина, и сердце у нее колотилось, когда она его увидела» [Ткачев, 2017, с. 165];

«А пока даже о таких исконно русских душах, как пушкинская **Татьяна**, можно было сказать лишь так: **Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала / и выражалась с трудом / На языке своем родном, / Итак, писала по-французски...**» [Ткачев, 2015, с. 46-47];

«Согласно Гете, **Мефистофель** – "часть той силы, что вечно хочет зла, но вечно совершает благо". Лукавый, сам того не желая, многих научил молиться, подстегнул покаянию, к исканию Бога» [Ткачев, 2015, с. 133] и другие;

– в ссылках на текст:

«Так и здесь: «Не хочешь трудиться? Не ешь». Как это «не ешь»? Как говорит **Полиграф Полиграфович**: «Я без провианта не могу!» И профессор **Преображенский** ему отвечает: «Ну а раз не можешь без провианта, ты столуешься у нас, тогда веди себя как положено!» Вот так и человеку, который хочет есть, но не хочет работать, приблизительно в том же духе говорит **Новый Завет** [Ткачев, 2015, с. 130];

«В порыве страстных неудовольствий жизнью человек дерзнет сказать словами Сальери, что, мол, нет правды не только на земле, но даже выше» [Ткачев, 2021, с. 238];

«Как быстро уничтожить веру в народе? Научить его блудить. В "Бесах у Достоевского Верховенский так и говорит: "Мы пустим страшный, неслыханный разврат, чтобы человек сам себя стыдился. А потом возьмем его голыми руками. Потом Копернику вырвем язык. Шекспира задушим в колыбели. Потом полетит топор, только пригибайся. Пльются потоки крови, упадут с плеч миллионы голов. "Но сначала мы всех развратим", говорит в "Бесах Верховенский-младший, тот еще демон. Война человеку объявлена и начнется она с блуда» [Ткачев, 2014, с. 215] и другие.

1.3 Интертекстемы, содержащие **прецедентные высказывания (цитаты)** различаются по нескольким признакам (для страницы 89):

– в по наличию трансформации:

– дословные цитаты:

«Как вы знаете, "запретный плод сладок", и Пушкин говорит: "Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей"» [Ткачев, 2018, с. 66];

Превратность – свойство жизни. Она непрерывно изменяется, переворачивается, не стоит на месте. Как писал Г.Р. Державин: "Где стол был яств, там гроб стоит" [Ткачев, 2020, с. 171];

«Пытливая душа не довольствуется внешностью. Ей хочется глубины. "Во всем мне хочется дойти до самой сути. В работе, поисках пути, в сердечной смуте..."» [Ткачев, 2019, с. 56] и другие;

– трансформированные цитаты различаются по виду трансформации:

– лексико-грамматическая с заменой слов, повлекшей за собой замену управления:

«Весьма не сложно сделаться капризным, / По ведомству акцизному служба, – говорил поэт. "Весьма не сложно сделаться мизантропом, – говорю я, – работая экскурсоводом"» [Ткачев, 2014, с. 472–473]. Замена: *капризным – мизантропом, служба – работая; служба по ведомству акцизному (дательный падеж) – работая экскурсоводом – творительный падеж);*

«Над воротами Дантова ада было написано: "Оставь надежду всяк сюда входящий". Над воротами, вводящими в новый календарный год, "оставь все злое этот год начавший"» [Ткачев, 2015, с. 290] – заменены все лексические компоненты, кроме глагола-сказуемого «оставь»;

– лексическая с добавлением слова:

«Как сказал *Евтушенко, поэт у нас в России больше, чем поэт*» [Ткачев, 2014, с. 148] – добавлен компонент *у нас* (Поэт в России – больше, чем поэт...);

– лексическая трансформация с заменой слова:

«*Нынче сей стон у нас песней зовется. Искусство, так сказать*» [Ткачев, 2017, с. 16] – местоимение «этот» заменено на устаревшее «сей» (В источнике: «Этот стон у нас песней зовется»);

– грамматическая трансформация:

«*В двадцатом веке слово взял "товарищ Маузер". В двадцать первом – информационные технологии*» [Ткачев, 2017, с. 54] (В источнике: «Ваше слово, товарищ Маузер») – у о. Андрея в отличие от оригинала изменена структура предложения: побудительное назывное предложение заменено на повествовательное двусоставное, обращение «товарищ Маузер» употреблено в функции подлежащего, добавлен глагол прошедшего времени.

В заголовке «*Хочу учиться – не хочу жениться*» [Ткачев, 2018, с. 220] изменение позиции частицы *не* в сравнении с оригиналом (В источнике: «Не хочу учиться, хочу жениться») приводит к изменению смысла глаголов-сказуемых на противоположный. Изменение пунктуационного знака также способствует изменению смысла высказывания. Желание учиться – причина, по которой не желают вступать в брак.

– По структуре цитаты:

– словосочетание: «*Эта, по слову М. Ю. Лермонтова, "немытая Рассея", а иногда мытая побольше, чем какой-нибудь лондонский пригород, возбуждает мистический ужас и ненависть*» [Ткачев, 2017, с. 275];

– полупредикативная единица: «*Не только из этих деревьев состоит тот лес, в чью тень мы погрузились, "земную жизнь зайдя за половину". Мы также запутались в культурном многообразии, доставшемся нам от прошлого*» [Ткачев, 2015, с. 177] и другие;

– предложение: *«вот причина всего всегда – это вражда между сердцем и головой: в государстве, в народе, в жизни, в семье. Голова – муж, а сердце – жена. Муж с женой поссорились – все, до свидания, семья разрушилась. Как писал Маршак: Пусть добрым будет ум у вас, / А сердце умным будет»* [Ткачев, 2015, с. 442];

«И если не спешить на работу, то вот так, в постели, можно провести долгие часы, как в берлоге. И даже не один день! "Здесь можно жить, забыв про календарь, / Глотать свой бром, не выходить наружу, / И в зеркало глядеться, как фонарь / Глядится в засыхающую лужу» [Ткачев, 2021, с. 63] и другие;

– сверхфразовое единство: *«У Пастернака есть стихотворение о потере и обретении веры – это его личная исповедь, но вслед за ним ее могли бы повторить миллионы людей: Ты значил все в моей судьбе. / Потом пришла война, разруха, / И долго-долго о Тебе / Ни слуху не было, ни духу. / И через много-много лет / Твой голос вновь меня встревожил. Всю ночь читал я Твой Завет / И как от обморока ожил»* [Ткачев, 2017, с. 43] и другие;

– текст: *«Есть у одного нехристианского, однако мудрого поэта, Омара Хайяма, четверостишие: Ты половину хлеба добыл а пищу, / Тебя согрело бедное жилище, / Ты раб ничей и господин ничей, / Воистину везет тебе, дружище. Это и есть богатство»* [Ткачев, 2017, с. 123] и другие;

– по наличию атрибуции:

– с указанием автора:

«Превратность – свойство жизни. Она непрерывно изменяется, переворачивается, не стоит на месте. Как писал Г.Р. Державин: "Где стол был яств, там гроб стоит"» [Ткачев, 2021, с. 171].

Неатрибутированные цитаты представлены двумя способами:

– с указанием, намеком на чье-либо авторство при помощи родового существительного:

– классик: *«Потом будет очень горько за бесцельно прожитые годы, как говорил классик»* [Ткачев, 2015, с. 182];

– поэт: *«Весьма не сложно сделаться капризным, / По ведомству акцизному служа, – говорил поэт»* [Ткачев, 2015, с. 472–473];

«Конечно, это человек (архимандрит Иоанн Крестьянкин) чрезвычайной важности. И как сказал поэт: «Не говори с тоской: “Их нет”, / Но с благодарностью: “Были”» [Ткачев, 2016, с. 179];

– без указания на авторство:

«Так в некоторых пьесах и романах ревнивцы стреляли в своих возлюбленных со словами: “Так не доставайся же ты никому”. Вот в таком же духе поступает и эта женщина. Она изувечила его (из жития Моисея Угурина)» [Ткачев, 2018, с. 66];

«Время есть, пространство есть. Внутри этих категорий живет человечество. Но оно не только живет, а еще и умирает. “И географии примесь / к времени есть судьба”» [Ткачев, 2017, с. 259–260];

«Поэт в России больше, чем поэт...» Это верно. Очень часто громче и честнее, чем кто бы то ни было, поэты говорят правду и приобретают чужую славу, крестную славу морального авторитета» [Ткачев, 2014, с. 144] и другие.

1.4 Интертекстемы, включающие пересказ известного текста, отличаются по следующим признакам (для страницы 90):

– по объему исходного текста:

– пересказ значимого фрагмента:

«Каждая эпоха, читая Апокалипсис, читает нечто свое. Поэтому надо избегать соблазна точных толкований. Помните, Пьер Безухов читал Апокалипсис и нашел Наполеона в антихристе или антихриста в Наполеоне» [Ткачев, 2016, с. 174];

«Киса Воробьянинов в конце романа "Двенадцать стульев", как помните, все-таки нашел свое сокровище, но сокровище материализовалось в Дом культуры железнодорожников» [Ткачев, 2020, с. 197];

– пересказ целого текста:

«У А. П. Чехова есть интересный рассказ о женщине – эдакой стрекозе – "Попрыгунья". Ольга Ивановна, героиня рассказа помешана на талантах и знаменитостях в художественной и артистической среде. Ее вечная страсть к людям искусства, желание поклоняться тому, кого она считает гением, приводит к тому, что в погоне за знаменитостями она "прозевала" подлинный талант – своего мужа» [Ткачев, 2015, с. 185–186];

«Человек иногда бывает похож на голого короля. Эта потрясающая сказка Андерсена говорит нам о том, как короля обманули портные и он голым ходил во время праздника. Люди, конечно, сдерживали смех, но понимали нелепость ситуации, а он думал, что красиво одет. Человек может быть голым королем, и его похвальба одновременно и смешна, и отвратительна» [Ткачев, 2015, с. 30–31] и другие;

– по структуре интертекстекстуальной единицы:

– полупредикативная единица:

«Но это и необходимая задача, поскольку мировоззрение "мудрого пескаря", пересиживающего весь век свой в безопасной и замершей тишине, ограниченного однажды усвоенным малым знанием, – это

кратчайший путь к тому, чтобы загубить, закопать все свои таланты и сказать Богу на Суде: возьми назад Свое; прибыли от меня не жди» [Ткачев, 2016, с. 96];

– предложение:

«В рассказе «Усмешка богов» духи являются католическому миссионеру и ломают его волю, убеждают вернуться обратно на родину» [Ткачев, 2015, с. 33];

– группа предложений / сверхфразовое единство:

«У Лескова описывается такой анекдотический случай: какие-то фуражиры в кавалерийских войсках не обеспечили нормальной пищи коням. И вот начинается поиск виновных: инспектирующий генерал кричит на полковника, полковник на подполковника, подполковник сваливает все на капитана, капитан – на интенданта, интендант – на фуражиров, фуражиры – на Господа Бога, а Господь Бог – "не конюх, чтобы ваших лошадей кормить!" И, действительно, тут надо вовремя оборвать эту цепочку, чтобы не сваливать на Бога свои неисправности, не говорить "так Богу угодно!", тогда как исправление ситуации было в наших силах» [Ткачев, 2017, с. 70];

«У известного японского писателя, классика современной литературы Акутагавы Рюноскэ есть замечательные рассказы. Один называется "Носовой платок". Там идет речь о матери, сын которой погиб во время каникул. Он был студентом одного из вузов. Женищина приехала в университет, чтобы сообщить ректору о том, что ее ребенок мертв, его учеба закончена. И сам ректор удивляется ее духу, героизму. А она рассказывает со спокойным лицом, как будто сообщает прогноз погоды. Ни один мускул у нее не дрогнул, она не плачет, не вытирает слез, губы ее не дрожат, голос не срывается. Она даже находит в себе силы улыбаться [Ткачев, 2015, с. 153] и другие.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

«ИНТЕРТЕКСТЕМЫ В СИЛЬНЫХ ТЕКСТОВЫХ ПОЗИЦИЯХ»

2.1 Начало проповеди «И вновь продолжается бой» (страница 104): *«У Крылова есть басня про странный народ безбожников, которые вознамерились забросать ненавистное небо всякими орудиями убийства: копьями, стрелами, камнями и т.д. Боги, де, "иль спят, иль правят безрассудно./ А суд небес иль строг, иль бестолков". Финал этой странной затеи вполне предсказуем. Острое железо вернулось на головы метателей. "И тьма камней от войск богомятежных / Тут с тысячью смертей, и злых, и неизбежных / На собственные их обрушилась главы".*

Далее, как положено в басне, Крылов выводит моралите, где обещает всякому народу, увлекшемуся дерзостями против Неба, возвращение на их же головы пущенных в Небо стрел. Писан сей поэтический и назидательных текст в годы, когда по Европе вихрями ходило безбожие. Революции, цареубийства, тайные общества, волнения масс – все было на слуху. И на виду. Еще немножко оставалось до тех времен, когда призрак коммунизма пойдет бродить по Старому свету. История подтверждает правоту крыловской басни. Безбожие прессом давит тех, кто поддался ему».

2.2 Начало проповеди «Европа» (страница 105): *«Ее тоже захотел Зевс. Захотел не «божественно», а грубо, по-мужицки, но и с выкрутасами. Для одних он превращался в лебедя, в лоно другим проливался золотым дождем. Эту он украл, преобразившись в быка. Бесстрашие, как обмолвился Аристотель, рождается или от опыта, или от глупости. Нужно было ей или среди быков вырасти, или быть без мозгов.*

Он смотрел на нее не по-бычьим умными глазами. Она гладила его по холке, а потом вдруг залезла на спину, когда бык, словно ручной, стал на передние колени. И все! Игры кончились! Животное бросилось в море и

поплыло, унося перепуганную жертву на спине. Такой мы знаем ее – Европу».

2.3 Начало проповеди «Место встречи» (страница 105): *«Есть у Крылова басня про гусей. Гонит мальчишка хворостиной гусей, а они недовольно гогочут: "Мы Рим спасли, не смей нас трогать". Мальчишка им резонно отвечает: "Так то ж не вы, то ваши предки. А вы-то сами что сделали?" И продолжает хворостиной подгонять их, вроде бы даже на кухню. Хвалиться прежним – дело похвальное, но не самое главное. Уподобиться древним, повторить их славу – дело гораздо более высокое».*

ПРИЛОЖЕНИЕ №3

«ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ОСНОВЕ
ПРОПОВЕДИ ПРОТОИЕРЕЯ А. ТКАЧЕВА»

3.1 Таблица «Сравнение сюжетов в статье А. Ткачева “Помазанные цивилизацией”» (для страницы 129)

Д. Дефо «Робинзон Крузо»	У. Голдинг «Повелитель мух»	Библия (Книга Бытие)
<p><i>Когда Дефо выбрасывал волной творческого воображения своего Робинзона на безлюдный остров, он изрядно слухавил. На разбившемся, но не утонувшем корабле он оставил для скитальца ружье, порох, гвозди, пилы... и так далее. Вплоть даже до — Библии! Ни один гордый и развратный европеец не спасся вместе с ним. Ни одну женщину не подарил целомудренный Дефо своему герою. И поэтому ни ревности, ни жажды первенства, ни похоть, ни что-нибудь еще из тех змей, что сосут непрерывно кровь из человеческого сердца, мы не увидели в фантазиях о Робинзоне Крузо. Последнему осталось лишь бороться с природой и побеждать ее при помощи европейских орудий труда, да еще (!) миссионерствовать в отношении дикого Пятницы.</i></p>	<p><i>Он поселяет на безлюдный остров группу отроков <...> Вначале мальчишки опьянены свободой: ласковое море, фруктовые деревья, отсутствие взрослых... Можно плескаться, резвиться, лазить по деревьям. Никто не крикнет: «Боб, Джек, скорей домой, пора обедать!». Но очень скоро становится понятно, что если тебя долго не зовут обедать, то нет в этом ничего хорошего. На плечи мальчишек ложится тяжесть заботы о том, как выжить. Нужно строить примитивное жилье, обследовать остров, найти пресную воду, нужно отвести место для справления нужды (ведь пища — одни плоды)... Одним словом, нужны законы. И нужен старший, и нужно слушаться его. То есть нужно все то, что так обременительно в жизни взрослых. А еще нужно, чтобы их спасли. Ведь не век же вековать на острове. Нужно жесть большой костер и поддерживать в нем постоянно огонь, чтобы было видно издали, — тогда взрослые увидят и спасут их. Все сделано так, как сказано. Но вскоре происходит нечто страшное и неожиданное: оказывается, не все хотят спастись. Для некоторых жизнь с родителями — прошлое, не подлежащее возврату. И значит,</i></p>	<p><i>После грехопадения люди вскоре разделились на сынов Божиих и сынов человеческих. Первые помнили и о Боге, и о потерянном рае. Они стали призывать имя Господне, то есть молиться. Они хотели вернуться, что соответствует поддержанию огня в костре и надежде на появление взрослых у Голдинга. А вторые, сыны человеческие, стали осваиваться на месте изгнания. От них пошли ковачи медных и железных орудий, строители городов, игроки на музыкальных инструментах... Это были потомки Каина, носившего печать</i></p>

	<p><i>незачем жечь костер, дежурить, ждать, а надо обустроиться здесь, на острове. Надо научиться охотиться и добывать мясо. Надо быть смелыми воинами. У тех мальчишек, кто был с этим согласен, появляется свой вождь. Два вождя на клочке земли у горстки детей. «Мы вернемся», — говорит первый, законно выбранный всеми. Ральф — имя его. «Мы будем жить здесь. Нам нужно мясо», — говорит второй, Джек, и его голос преодолевает.</i></p>	<p><i>братоубийства и пошедшего прочь от лица Господня.</i></p>
--	---	---

3.2 Таблица «Соответствие наблюдений героя и цитат-ассоциаций в рассказе А. Ткачева “Чехов в супермаркете”» (для страницы 132)

№	Ситуация	Цитата
1	Окружающие люди не узнают писателя, не обращают на него внимания, несмотря на необычную внешность	<p><i>«Астров. Те, которые будут жить через сто-двести лет после нас и для которых мы теперь пробиваем дорогу, помянут ли нас добрым словом? Нянька, ведь не помянут! Кто внушил нам молчать о самом главном? Марина. Люди не помянут, зато Бог помянет. Астров. Вот спасибо. Хорошо ты сказала.»</i></p> <p><i>«Дядя Ваня»</i></p>
2	Писатель рад, что в магазине большой выбор средств для уборки	<p><i>«Человек не должен жить в грязи, — думал он всегда, — ни в грязи бытовой, ни в грязи нравственной.»</i></p>
3	Писателя огорчило большое количество алкоголя и табака	<p><i>«Представьте еще, что мы, чтобы еще менее зависеть от своего тела и менее трудиться, изобретаем машины, заменяющие труд, мы стараемся сократить число наших потребностей до минимума. Мы закаляем себя, наших детей, чтобы они не боялись голода, холода, и мы не дрожали бы постоянно за их здоровье, как дрожат Анна, Мавра и Пелагея. Представьте, что мы не лечимся, не держим аптек, табачных фабрик, винокуренных заводов, сколько свободного времени у нас остается в конце концов! Все мы сообща отдаем этот досуг наукам и искусствам.»</i></p> <p><i>«Дом с мезонином»</i></p>

4	Писателя отпустили на землю только в качестве наблюдателя, разговаривать с людьми ему запрещено	<p><i>«Опыт научил его мало-помалу, что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодущный и даже не глупый человек, но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти. Когда Старцев пробовал заговорить даже с либеральным обывателем, например, о том, что человечество, слава Богу, идет вперед и что со временем оно будет обходиться без паспортов и без смертной казни, то обыватель глядел на него искоса и недоверчиво и спрашивал: «Значит, тогда всякий может резать на улице кого угодно?»</i></p> <p style="text-align: right;"><i>«Ионыч»</i></p>
5	Посетители супермаркета читают отрывок из пьесы Чехова «Дядя Ваня»	<p><i>«Мы будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем, и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и Бог сжалятся над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем».</i></p> <p style="text-align: right;"><i>«Дядя Ваня»</i></p>